

10.335 /
1973 / 2

ქართული
წიგნობის ეროვნული

Литературная

სრული

8

1973

Шота НИШНИАНИДЗЕ

КОММУНИСТЫ

I

Не каждый может зваться — Коммунист,
не все достойны имени такого,
не каждый перед словом этим чист.
Добыто кровью лучших это слово.

Но если коммунистом назовут,
то не должно быть сил тебя сильнее, —
в народе слово коммуниста чтут,
с народом
жизнью связан ты своюю.

II

Титан огонь похитил у богов —
людей вела вперед сама идея;
ведь это мы — иных не тратя слов, —
мы на Земле потомки Прометея...

А сколько их в истории Земли,
кто оправдал бы званье коммуниста,
сейчас быть коммунистами смогли б
те девять братьев, все Херхеулидзе!

Герои-аравинцы и Цотна
такое тоже заслужили б право.
И жалко мне, признаюсь, жалко мне,
что родились герои слишком рано.

Они бы жили так же, точно так,
нам помогая в радости и горе:
Джордано Бруно...
Бульба...
И Спартак...
Мальчиш Гаврош...
грузин монах Тевдорэ.

III

В обыкновенной кепке и пальто —
сквозь голод... войны... сквозь кошмар
разрухи...
Заваленный делами помнил он о том,
что наши дети пухнут с голодухи.

Жил для народа, жил во имя нас,
он вечно жив, в борьбе с врагом неистов.
Таким он был,
таков он и сейчас,
в такого только
верю коммуниста!

...Мы шли за ним. Что делать — каждый
знал.
За гуманизм, за ленинскую правду
пел коммунист
«Интернационал»,
не покорясь казацкому прикладу.

Пел коммунист ту песню в смертный час,
он вечно жив, в борьбе с врагом неистов,
Таким он был,
таков он и сейчас,
в такого только
верю коммуниста!

IV

Внимает мир дыханию Кремля,
с надеждой ловит бой его курантов.
Прислушайся — гудит опять земля
тревожным гулом грозного набата!

Встает до солнца множество людей.
Ждут мастеров — завод и поле знаков...
Вся жизнь твоя — борьба сплошная. В ней
сменяется атакою атака.

Пусть не страшат опасности тебя,
ты перенес все тяжкое и выжил,
вся жизнь твоя — борьба, всегда борьба.
Так прозвучи в грядущее, как выстрел!

...Не каждый может зваться — Коммунист,
не все достойны имени такого,
не каждый перед словом этим чист,
добыто кровью лучших это слово.

Так дорожи мандатом красным, в нем —
частица солнца, искры мысли ясной,
не забывай: стоишь ты за рулем
коммуны — легендарной и прекрасной!..

საქართველოს
წიგნების კავშირი

Литературная

ГРУЗИЯ

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

АВГУСТ

8

**ОРГАН
СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ
ГРУЗИИ**

1973

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ

819.26

ქართველთა ლიტერატურულ-მხატვრული
და საზოგადოებრივ-კოლონიალური ურთიერთობის
კავშირის ორგანო

წელიწადი მე-17

№ 8

აგვისტო, 1973 წ.

საქართველოს საბჭოთა მწერლების კავშირის ორგანო

Главный редактор

Год издания семнадцатый

Георгий ЦИЦИШВИЛИ

Редакционная

коллегия:

Григол АБАШИДЗЕ,

Тенгиз БУАЧИДЗЕ,

Марк ЗЛАТКИН,

Лавросий КАЛАНДАДЗЕ,

Натела КАРАШВИЛИ,

Серго КЛДИАШВИЛИ,

Георгий МАЗУРИН

(заместитель главного редактора),

Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ,

Владимир МАЧАВАРИАНИ,

Михаил МРЕВЛИШВИЛИ,

Георгий ХУЦИШВИЛИ,

Эммануил ФЕИГИН,

Алеко ШЕНГЕЛИА.

Рукописи объемом
менее авторского листа
не возвращаются.

Адрес редакции: Тбилиси, 8. Улица Ленина, 5. Телефоны: гл. редактор — 93-65-15,
зам. гл. редактора — 93-13-57, ответ. секретарь — 93-31-28, приемная — 99-06-59,
отдел прозы и очерка — 93-31-43, отдел поэзии и искусства — 93-31-43, отдел
критики и публицистики — 93-65-19.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

КАРЛО КАЛАДЗЕ. Кузнецы. Перевод Михаила Синельникова	5
АЛЕКО ШЕНГЕЛИА. Куаши Гола. Перевод Михаила Синельникова	5
МОРИС ПОЦХИШВИЛИ. Бывает все. Бывает иногда... Перевод Валерия Краснопольского	7

ПРОЗА

ОТАР ЧИДЖАВАДЗЕ. Самоубийцы. Роман. Окончание. Перевод автора	8
НОДАР ДУМБАДЗЕ. Дидро. Рассказ. Перевод Зурба Ахвледiani	30
АНДРО ЛОМИДЗЕ. Ожидание. Рассказ. Перевод Александра Эбаноидзе	37

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ГИВИ ВАРДОСАНИДЗЕ. Эхо молодых голосов	42
ГУРАМ АСАТИАНИ. Большие ожидания	50

К 60-ЛЕТИЮ АКАДЕМИКА АКАДЕМИИ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР ГЕОРГИЯ ДЖИБЛАДЗЕ

АЛЕКСАНДР БАРАМИДЗЕ. Верный призванию ученого и гражданина	55
СЛОВА ДРУЖЕСКОГО ПРИВЕТА	57

ОЧЕРК

НИКОЛАЙ МИКАВА. Саперы не ошиблись ни разу	58
--	----

ПИСАТЕЛЬ И ПЯТИЛЕТКА

УТВЕРЖДАТЬ ДОБРО, ЧТОБЫ ПРЕОБРАЗОВЫВАТЬ
ЧЕЛОВЕКА К ЛУЧШЕМУ. (Писатель Реваз Ина-
нишвили отвечает на вопросы критика Джумбера
Титмерия)

63

ПУБЛИЦИСТИКА

ДАВИД МАЙСУРАДЗЕ. Партия и литература

66

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ

ОТАР ЛОРДКИПАНИДЗЕ. «Все пережитое представ-
ляется мне сновидением...»

73

ВСТРЕЧИ И ВОСПОМИНАНИЯ

АБДУЛЛА ШАИК. Страницы прошлого. Продолжение

83

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

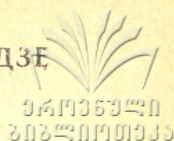
А. И. СУМБАТОВ-ЮЖИН В ВОСПОМИНАНИЯХ СО-
ВРЕМЕННИКОВ

91

В МИРЕ КНИГ

СВЕТЛАНА КОШУТ. По критериям правды жизни

93

КУЗНЕЦЫ

Наш день настал! И солнце нас догнало
На высоте...

Открылся перевал...

И, вырывая пламя из металла,
Врачует сварку

льющийся металл.

Наш день настал! И высятся стропила,
Толпятся камни будущей стены.

Меня зарница стали ослепила,
И я — кузнец, создатель новизны.

И я хочу, чтоб с гулом стройки вровень
Здесь песнь моя сумела прогреметь,

И я — кузнец — живу в грузинском слове,
Крутом, как сталь, и пламенном,

как медь.

Оно поет, и песня — мне награда,
Рассвет и свадьба — на моем дворе,
Я — крижистый и сильный виноградарь,
Ладонь — в мозолях, волос — в серебре.

И я — гончар. Я мну сырую глину,
Леплю кувшины, радуюсь труду,
А захочу — и гору с места сдвину,
И вместе с солнцем к мерю припаду.

Мы — кузнецы, в руках — руда Рустави,
Руда Рустави — рудная гора!
И золотые брызги заблестали,
Мерцает Мухета — зыблется Кура.

Горяч металл.
Несокрушима кладка...

И с нами — солнце будущих веков,
И с ним — дубов заветная девятка,
Все девять братьев, девять родников.

И я — кузнец, живу в грузинском слове,
Крутом, как сталь, и пламенном, как медь.
И я хочу, чтоб с гулом стройки вровень
Здесь песнь моя сумела прогреметь.

Перевод Михаила СИНЕЛЬНИКОВА

Алеко ШЕНГЕЛИА

КУАШИ ГОЛА*

1

Мысль,
Мысль человечесю,
Рассеявши тени миража,
Попытайся прочесть —
И найдешь путеводную нить,
Бесконечные светлые годы увидишь,
И наша бесконечная жизнь
Так похожа на них, может быть.

Поднимаюсь к вершинам.
Мингрелия в их обрамленьи,—
Словно синий корабль,
Что закатным лучом окаймлен.
О великом былом
До рассвета грохочут камня.
Погружаюсь душою
В раздумья прошедших времен.

2

Поднимаюсь по склону.
Хребет в ослепительной пене
Снегового тумана,
И сыплются хлопья с высот.
Камни скопом стоят,
По уступам лежат, как ступени...
Превращается в соль
Восхождения сладостный пот.

Отпечатки шагов,
Их следы
Будут в памяти живы,
Жар угасших камней
Навсегда остается со мной.
Я к погасшему сердцу
Пришью
Свои крепкие жилы,

* Куаши Гола — «каменная гора» (мингрельск.). Место археологических раскопок.

Пыльный прах
Воскрешу,
Удержу атомический строй.

Я хожу по горе.
Нахожу
Наконечники копий
И обломки кремней.
Ранит руки обрубок меча.
Встали прашуров души,
Проснулись подземные копи,
И геенна веков закипела,
Бурлит, клокоча.

3

Душно
В царстве булыжника.
Жарится Куаши Гола.
Я в пещеру спущусь,
Подожду, поведет ли меня
Поводырь из минувшего...
Мрачно, пустынно и голо.
Чуть коптит в черноте
Уцелевший обрывок огня.

Прыгнул в пропасть
Родник, убегающий в дальние дали,
Стихли капель удары иль в сердце возник
перебой?..

Почему в старину
Бедняка
Обездоленным звали?
Все окрестные доли
Богаты водой ледяной.

Вереница веков...
Здесь — забвение, захороненье.
Вижу корни столетий
И чувствую зелень, листву.
Я теперь обниму
Все забытые стихотворенья,
Всем забытым цветам
Руки я протяну наяву.

Войску дней и ночей
Вел я счет...
Сосчитать не сумел их,
И на жертвенник общий
Взошли в свой черед времена.
И война, и любовь
Одинаково жалуют смелых,
Но ревнуют друг к другу
Как женщина, так и война!

4

Хлынет ливень под утро.
И радугой пестрой украшен,
Дальних гор окоем
Запыляет, встречая зарю.
С гулким хохотом неба
И с влажным свечением пашен,
И с молитвой полей
Я вполголоса заговорю.

5

На вершинах светло,
Солнце вышло из сонных потемок.
Ну, а я — только дождь,
Лишь воды светло-серая сеть,
Я — вода, лишь вода...
Внук и правнук,
Далекий потомок
Отшумевших эпох,
Поколений, успевших истлеть.
Я — дубовая ветка,
Я — дымного облака грива,
Я — мгновенная жизнь
И охотника, и лесника.
Я — вода...
Лишь вода
Так безмолвна
И так говорлива.
Я — зеленая гладь,
Я — зеркальная зыбь родника.

Я — дыханье травы, легкокрылая поросль,
осока...

Бесконечна дорога.
В пещеру приводит она,
Через тысячелетия далеко, далеко, далеко,
Где лучины чадит
Несгорающая купина.

6

Человек — лишь вода,
Только воздух
Над ширью простора.
Ходит он по полям,
И оставить пытается след,
След своей борозды в комьях пашни...
Сойдемся мы скоро,
Я и тьма,
я и полночь...
Так меркнут закат и рассвет.

Шлю привет всем ушедшим...
Вот здесь, у подножья громады,
Я приветствую их,
Словно птиц,
Что в полете прошли
Через множество лет,
Через версты жары и прохлады,
И оставили нам страсть камней
И суровость земли.

...Вновь на гору всхожу.
Мучит жажда...
Мечты дуновенье...
Синий,
Синий корабль!
Он волною веков увлечен.
О великом былом
До рассвета грохочут камня.
Погружаюсь душою
В раздумья
Прошедших времен.

Перевод Михаила СИНЕЛЬНИКОВА

* * *

Бывает все. Бывает иногда
Врага, как друга, к сердцу допускаешь...
И мудрому—глупца предпочитаешь,
И так бывает, к счастью, иногда.

Вдыхаешь часто, на луну глядя,
О чем-нибудь тоскуешь, но не часто,
И в редких каплях первого дождя
Находишь солнце взглядом безучастным..

Бывает все, бывает иногда,
Что мы друг друга просто так теряем...
И воздух резким криком оглашаем,
Но друга возвращаем не всегда...

И горе тем, в чьем сердце жив испуг —
Ничтожнее нет слабости на свете.
Я славлю жизнь, как дело смелых рук,—
Полет и возвращение к планете...

Ты — человек, и каждый твой приход
Земля с надеждой вечной ожидает...
Живи, как человеку подобает,
Растить планету твой пришел черед!..

Перевод Валерия КРАСНОПОЛЬСКОГО

САМОУБИЙЦЫ

РОМАН

Затем женщина достала из матерчатого мешочка какую-то бурую пудру, развела ее чем-то в пиале и начала втирать, тоже очень долго и энергично. Окончив, она наложила мне компресс уже из другой пудры.

— Это хна и басма, — вытирая вспотевшее лицо концом своего платка, сказала она. — А теперь все зависит от господа бога!..

Я долго не мог заснуть, пытаюсь отбросить мешавший господу богу вылечить мой палец атеизм.

Утром моей радости не было предела. Я заметил, что мой палец побелел под коричневым слоем хны и басмы, хотя и был совершенно бесчувственным к щипкам.

Уходя, я поцеловал женщину руку, а она поцеловала меня в лоб.

— Смотри, сынок, никогда не теряй любви к своей родине! — с каким-то грустным укором, смотря мне в глаза, сказала она.

Отца с сыном мы так и не видели, хотя слышали их голоса, доносившиеся из другой комнаты, когда женщины кормили нас перед уходом.

Почему они не вышли к нам? Значит, мое вчерашнее впечатление, что мы им очень неприятны, правильно...

Какой парадокс: из любви к Грузии презирать нас, своих соотечественников... Хотя в их глазах никакие мы не грузины... А кто же мы тогда?!

* * *

Когда все время отстававший Степко остановился и заявил, что дальше не может идти, я с таким же хладнокровием, с каким он говорил в деревне у лазов о моем отмороженном пальце, сказал ему:

— При таком морозе, если не будешь двигаться, замерзнешь за десять минут!

Вобрав голову в плечи, Степко смотрел на меня, жалобно моргая отяжелевшими заledenельми ресницами. На полотенце, которым была обмотана нижняя часть его лица, под самым носом образовалась большая льдина, которую он и не собирался счищать.

— Но... вы же не оставите меня!..

— Оставим!.. Чтоб не замерзли все, придется пожертвовать одним. Это как необходимая хирургическая операция. — На слове «хирургическая» я сделал ударение.

Вернулся обмотанный по самые глаза половиной длинных отцовских кальсон, похожий на сосульку Того.

Поняв, что меня не разжалобить, Степко повернулся к нему.

— Почему вы бросаете меня?.. Не видите, что я больше не могу идти? — Полотенце, прикрывавшее его рот, немного растянулось в ширину. Видно, Степко сестрился жалобную гримасу.

— А почему ты не можешь идти?! — разозлился Того. — Ведь вчера вечером и сегодня утром ты жрал больше всех!..

Конвойный, который в отдалении ждал вместе с Омаром, подошел к нам. Омар же, отвернув лицо, обмотанное другой половиной семейных кальсон Того, и не повернулся, всей своей невозмутимой позой выражая полнейшее равнодушие к судьбе Степко.

Этот, если уж невзлюбит кого-нибудь...

— Что такое? — спросил конвойный.

— Он не хочет больше идти, — сказал я.

За два дня конвойный неплохо изучил нас и считал, что мы напрасно помогаем Степко.

— Скоро будет Кырк пынгар, — многозначительно сказал он.

Вчера конвойный рассказал нам, что в Кырк пынгар — Сорока ключах несколько дней тому назад волки сожрали солдата и арестованного, кото-

Окончание. Начало в №№ 5, 6, 7.

рого он вел в ардаганскую тюрьму. Солдат, видно, долго защищался, так как на том месте нашли винтовку, семнадцать отстрелянных гильз, ключья шерсти и одежды. Стая должна была быть огромной, чтоб так начисто сожрать и всех убитых волков.

— Ты же знаешь, что здесь волки сожрали двух человек! — начал шептать смотревшего исподлобья Степко Того.

Но так как непосредственной опасности не было, если Степко даже и испугался, он не был таким наивным, чтоб показать это.

Во всяком случае он зашагал. Сперва медленно, со стонами и оханьем, а затем не хуже всех остальных.

Часа за два до наступления темноты конвойный заволновался, стал оттаптываться и оглядываться по сторонам.

— Кажется, мы потеряли дорогу, — сказал он.

Это было равносильно смерти, и, вероятно, поэтому, я не поверил ему.

Кругом, куда только достигал глаз, стелилась ослепительно белая равнина без единой приметы, по которой можно было бы ориентироваться.

— Вот мы оттуда идем, — показал назад Омар.

— Нет, оттуда! — показали в разные стороны Того и я.

От наших советов было мало проку, и, поняв это, мы уже молча смотрели на конвойного.

«Нет. невозможно, чтоб этот молодой широкоплечий парень, с умным открытым лицом, ошибся. Ведь он погибнет вместе с нами...» — успокаивал я себя.

— Идти обратно всю ночь... Замерзнем... — конвойный говорил это вполголоса, для себя.

Я стал искать какие-либо предметы, чтоб помочь ему ориентироваться, но их не было... Хотя где-то далеко, на самом краю земли, выделялось на фоне неба что-то круглое, похожее на человеческую голову... потом были плечи и раскинутые от них по обе стороны горизонта руки... и оттуда до нас — плоская оконечевшая грудь...

Под нами лежала мертвая, покрытая белым саваном бездыханная земля, а мы, сбившись кучкой, стояли на ней — маленькие живые людишки, так боящиеся смерти...

Молча, с надеждой смотрели мы на конвойного, который что-то напряженно обдумывал.

— Подождите, — обратился к нам конвойный и зашагал обратно по протоптанному нами следу. Я только сейчас заметил, что тропа делала большой полукруг.

Степко неуклюже топтался на месте, словно желая избавиться от привязи, а затем рванулся догонять конвойного. Мы были до того взволнованы, что даже не удивились этой внезапно появившейся у Степко энергии.

Догнав быстро идущего конвойного, Степко зашагал в ногу с ним, вероятно, забыв, что только что не мог идти.

Хлопая себя руками и пританцовывая, мы смотрели, как удаляются, становясь все меньше, две темные, похожие на мух в молоке, фигурки.

Наконец через целую вечность они вернулись.

— Корхма, не бойтесь, — весело сказал конвойный и энергичным жестом руки показал в сторону, куда нам надо было идти.

Степко кивком головы подтвердил, что это правильно, и мы бодро зашагали, переговариваясь между собой глухими голосами из-за обматывавших рты тряпок.

— А зачем ты пошел за проводником, Степко?

— Правда, зачем?

— Потому что у него была винтовка!..

— Ну и что?

— Как, что?.. Если б появились волки, он стрелял бы!.. А вы... что вы делали бы, безоружные дураки?..

— А нас оставил на съедение волкам?..

— Не моя вина, что, когда распределяли мозги, вы опоздали!

Степко был очень доволен собой, а мне было смешно и немножко обидно. — Ты что-то стал вызывать себя держать. Интересно, что с тобой произошло? — сказал я.

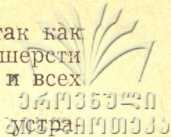
— Да, тебя не узнать. Это что, волки так на тебя подействовали? — с издевкой спросил Омар.

— А для меня вы не лучше волков!

— Я тоже? — довольно самонадеянно спросил я.

— Вы все!.. Подождите, на моей улице тоже будет праздник!

— На твоей улице, может быть, только не за наш счет! — Того и не собиравшись острить, и поэтому получилось так смешно.

Я и Омар не выдержали и захохотали, затем к нам присоединился и Того.
— Чего заржали!.. Если б вы знали, как я ненавижу всех вас, сволочей!
— Это в благодарность за то, что я тащил тебя? — в свою очередь обиделся Того.

— А сегодня ты прекрасно шел без чужой помощи, — добавил Того, — прасно мы это делали!

— Конечно, напрасно!.. — зло засмеялся Степко.

Но смеялся он недолго. Я сам не знаю, как это произошло. Когда мой кулак приплюснул его торчавший над полотенцем нос, что-то хрустнуло... И только тогда я осознал, что, кажется, искалечил его.

— Так ему и надо! — в сердцах вырвалось у Того.

Омар со злобной радостью кивал головой, а конвойный смотрел куда-то вниз, где из-под снега торчали лапы Степко.

Потом конвойный стал поднимать Степко, но тот валился обратно в снег.

— Да помогите же мне! — крикнул конвойный.

Мы с Омаром повернулись и пошли. Того нагнал нас и, схватив меня за руку, потянул обратно.

— Отар, пойдем... жалко!..

— Кого, этого мерзавца?! Да пускай он сдохнет!.. — Но я все же вернулся, и мы с Того, взяв из рук конвойного Степко, потащили его, как делали это и раньше. Теперь, конечно, было труднее, Степко висел на наших руках, как куль муки, а его обязанная красным платком, с нахлобученной поверх кепкой голова болталась из стороны в сторону словно у китайского болванчика.

Через некоторое время Степко стал приходить в себя, с удивлением оглядел нас и молча стал вырываться из наших рук.

Отпуская его, я с радостью отметил, что на полотенце крови не было. Тогда что же это так хрустнуло?.. Ах, да ведь это был кусочек льда, образовавшийся под носом от дыхания... Слава богу. А я уже думал, что сломал ему челюсть. На душе стало немного легче.

А через полчаса мы увидели вдали маленький домик с двускатной крышей, настоящей кирпичной трубой и высоко торчавшим над всем этим шестом, на котором что-то висело.

Одинокий домик в бескрайней заснеженной равнине... Мне показалось, что он появился по мановению жезла какой-то доброй феи. В довершение всего, приблизившись, мы увидели, что на шесте висят две привязанные за лапки гусиные тушки.

— Мне кажется, что это мираж, — сказал я шедшему рядом Омару.

— Нет, такими большими и жирными бывают только гуси, — ответил он.

Снег вокруг домика был расчищен. Конвойный довольно долго стучал, пока дверь слегка приоткрылась и появившаяся в щели рука замахала нам, чтобы мы скорее заходили.

После ослепительной белизны, из которой мы пришли, казалось, что в комнате царит полнейшая темнота. Потом на противоположной от двери стене забелело небольшое оконце, завешенное плотной занавеской, и стала высветиваться обстановка — квадратный стол, железная кровать, тахта и небольшая полочка с книгами.

Хозяин дома, повесив двустовлку на гвоздь над тахтой, предложил нам раздеться, и мы начали снимать с себя все, что было на нас надето, навязано и нахлобучено.

Уже раздевшись, мы заметили в самом темном углу комнаты пожилую женщину, которая стояла и смотрела на выросшую на полу гору тряпья.

— Садитесь, садитесь... — хозяин стал выдвигать из-под стола табуретки. — Сейчас мы растопим печь...

Мы, как школьники, уселись на табуретки, а хозяин, став на колени перед железной печуркой, стал усиленно дуть в темное отверстие, пока красные отблески не стали освещать его надутые, как у Соловья-разбойника, щеки.

Степко сидел ко мне боком, как назло на фоне окна выделялся его профиль с распухшей верхней губой, почти соединившейся с носом.

Растопив печь, хозяин отвел конвойного в угол комнаты, как раз за моей спиной, и я невольно услышал их разговор.

— Ведешь их в Ардаган? — спросил он у конвойного.

— Да, в Ардаган.

— Я их, конечно, накормлю, несмотря ни на что. Они ведь тоже люди! Но...

Последние слова заделали меня, и теперь я уже по-настоящему стал подслушивать.

— Спасибо! Аллах тебе воздаст должное!

— Аллах, аллах! — довольно непочтительно отозвался об аллахе хозяин. — Не аллах, а ваша тюремная администрация должна думать об их питании и дороге!

— Кто? — спросил конвойный.

— Как кто? Нет, ты не думай, что мне жаль куска хлеба. Но мороз как можно их выгонять из дому, какими бы преступниками они ни были!

— Эти? Но они не преступники, я просто охраняю их в дороге...

Наступала длительная пауза.

— А кто они? — уже другим голосом спросил хозяин.

— Грузины, которые отсюда бежали.

— Наши? Мои! Я ведь... Я ведь тоже! — дальше ничего нельзя было разобрано.

Не знаящие в чем дело ребята, вероятно, подумали, что хозяин болен какой-то нервной болезнью. Ничем иным они не смогли бы объяснить его дальнейшее поведение.

Какими-то странными шагами он подошел к нам и, нагнувшись, не говоря ни слова, стал заглядывать каждому в глаза, то улыбаясь, то с таким выражением, словно сейчас заплачет.

Понимая все, я улыбнулся ему. Омар, наоборот, не отводил от него угрюмого взгляда, а когда настала очередь Того, тот не выдержал и, повернувшись ко мне, полупешотом спросил по-грузински:

— Он не сумасшедший?

— Нет! — с гордостью за всю нашу нацию громко ответил я. — Он грузин! Хозяин закрыл глаза и глубоко вздохнул. И тут в наступившей торжественной тишине раздался голос Степко:

— Значит, гуся покушаем!..

Ох, как я пожалел, что не сломал ему тогда челюсть.

— Да! Да, да! Конечно, покушаете! — Хозяин бросился обнимать нас, все время повторя: — Конечно! Конечно!

Обняв поочередно всех, он ринулся к двери, открыл ее и тотчас же хлопнул, вспомив, что выходит на мороз, не одевшись.

Пока женщина надевала на него бараний тулуп и нахлобучивала на голову папаху, он все время жестами показывал нам, мол, подождите, словно мы собирались уходить.

Когда женщина закрыла за ним дверь, Того повернулся к Степко и очень внятно, с укором произнес:

— А ты все-таки свинья!

— Да, я свинья. — согласился с ним Степко. — Но у меня вырвалось.

— Ничего, — внезапно в роли примирителя выступил Омар. — Он же рад угостить своих.

— Конечно! — опять согласился Степко и после небольшого размышления добавил: — Иначе какой же он соотечественник?

— Это да! — поддержал его Того.

Лица у ребят были одухотворенные. Удивительно возвышает это чувство патриотизма, когда вдобавок есть все предпосылки отведать гуся.

С самого начала хозяин напоминал мне кого-то. Теперь я вспомнил, что он был похож на моего школьного учителя математики. Такого же небольшого роста, такое же узкое лицо с детским выражением вопроса в несоразмерно больших глазах и даже так же свисающие кончики усов. А впрочем все люди для меня теперь похожи на кого-то. Вероятно, потому, что я живу только воспоминаниями.

Конвойный о чем-то разговаривал с женщиной, а разморенные теплом ребята клевали носами.

Я незаметно наблюдал за Степко. Он машинально щупал распухшую губу, морщился от боли и притворялся слипавшимися глазами.

Хорошо еще, что я не сломал ему челюсть или не выбил зубы. Все могло случиться, но он сразу скovyрнулся, это ему и помогло.

Хозяин принял нас сперва за преступников. Говорят, что первое впечатление — самое верное. А ведь стать преступником так же легко, как опоздать на поезд. У одного плохо работают часы, у другого — сдерживающие начала.

«Преступниками не рождаются, а становятся!» — так проповедовал Новый со своих «честных» позиций. Наивный, он не знал того, что раз ты уже преступник, то какая для тебя разница, родился ты таким или стал?!

Интересно, какой разговор был у него с моей матерью? Конечно, она сказала ему, что ничего не знала, и плакала. А он, такой непреклонный в своих принципах, говорил с ней о побудивших меня на это мотивах нравственного характера. Пусть не беспокоится, я от них не отказываюсь... Только бывают положения, когда эти мотивы надо откладывать на потом. И не только для

того, чтоб как-то облагородить себя в собственных глазах, а потому что в данный момент иначе нельзя.

Хотел бы я теперь поговорить с ним о жизни, этой смеси благородства и подлости, высоких устремлений и самых низменных инстинктов!

Я знаю, он ответил бы мне: «Человек должен быть всегда человеком!». Легко оперировать умными изречениями, но как «быть человеком!», черт побери, когда другие...

С каким неимоверным трудом, падая от усталости, мы тащили этого Степко. А когда он увидел, что мы ему больше не верим, в благодарность наградил нас самой подлой насмешкой.

И чего мне переживать? Я был прав, когда двинул его!

Сколько я себя помню, я всегда прав перед самим собой. Только вот результаты такой уверенности почему-то всегда бывают плачевные.

Словно плетью, ударило холодным воздухом: окруженный морозным туманом, хозяин поспешно закрывал за собой дверь, напирая на нее обеими руками, в которых держал по гусю.

— Сейчас, сейчас я вас накормлю, мои... грузины.. Сколько лет я не говорил по-нашему! — Хозяин с женщиной исчезли в темном углу, где был проход на кухню.

— Принес обоих гусей, — шепнул, смешно шевеля губами, Степко.

— Да, — счастливо улыбнулся Того.

— А если б я не сказал... — Степко не хотел, чтоб его заслуга осталась незамеченной, и, встретив благожелательный взгляд Омара, ждал одобрения и от меня.

— Эх вы! Гусиные патриоты! — с презрением сказал я и заметил, как надулся Омар, который только себя считал настоящим патриотом.

— А что, ведь если я как грузин...

— Замолчи, падла! — процедил сквозь зубы Омар. — Жаль, что мы не убили тебя тогда!

— Когда? — Степко растерялся и мельком взглянул на меня.

Я знал, что Омар не посмотрит на меня, отбоявив свое звание истинного патриота, а вправлять мозги Степко не было никакого смысла.

Сильно занял отмороженный палец, и я занялся им.

— Хочешь, помассирую тебе палец? — Степко заискивающе смотрел мне в глаза.

— Отстань!

Он придвинул ко мне свою табуретку.

— Ты тоже хотел убить меня? — прерывающимся от страха голосом спросил он.

— Нет.

— А... когда они это... хотели?

— Значит, было!

— За что? Господи! Что я им такое сделал?

Он, кажется, впервые по-настоящему что-то переживал.

— За то, что ты подлый эгоист и сволочь!

— Но бы же тоже такие!

— Опять по морде хочешь? — это я сказал только потому, что не знал, что ему ответить.

Я не раз был свидетелем того, как очень низко павшие люди бросали вызов остальным, говоря, что они ничем не хуже их. И никто им обычно не возражал, потому что глупо доказывать подлецу, что ты не из того же теста, что и он.

В дверях кухоньки появился хозяин.

— Пока гуси будут готовы, мы немного разогреемся, — разливая водку в маленькие пузатые стаканчики, он продолжал: — Столько лет мечтал услышать нашу речь! И это когда родина рядом, а никто, совсем никто... Пей, пей! — уже по-турецки обратился он к конвойному, который ничего не понимал. — Я тоже, как они, «гюрджи»!

Крепкая водка, обжигая все внутри, разлилась по рукам и ногам, придавая им прежнюю силу и упругость.

— Пейте, пейте! — наливал нам снова хозяин. — Если б я знал, что этой водкой буду потчевать грузин!

Мы счастливо улыбались, и только конвойный не разделял нашего патристического энтузиазма, хстя и сказал хозяину:

— Про тебя говорят, что ты большой специалист.

Действительно, хозяин оказался дорожным мастером. Еще при меньшевиках он работал здесь, а потом уже не смог вернуться на родину.

Жил он именно здесь, вдали от населенного пункта, потому что в Сорока Ключах водилось много форели

— Если только форель переживет такую зиму, — горестно сказал он и внезапно переменял тему разговора, спросив: — Значит, вы бежали из Грузии?

— Да, — многозначительно ответил Омар.

— А что случилось, почему?

— Как почему? — оскорбился Омар.

— У меня большевики... — начал было Степко, но, видимо, вспомнив, чем все это кончилось в деревне у лавов, смолк.

— У каждого были какие-то свои личные причины, — довольно сухо сказал я, дав понять, что даже все гуси мира не дают ему права лезть в чужую душу.

— Понятно. Извините! — смущенно улыбнулся хозяин и стал упорно рассматривать свой разрисованный цветочками стакан.

Неловкая тишина длилась недолго. Хозяин не выдержал и стал расспрашивать о Грузии. Его интересовало абсолютно все, даже такие незначительные вещи, о которых я раньше никогда не думал.

И мы начали описывать ему красоты Грузии.

Теперь между нами царил дружба и понимание. Никто не перебивал говорившего, когда тот, вдохновленный своим описанием, до того увлекался и стучал краски, что в другой обстановке его просто бы назвали вруном. Это не было даже «святой ложью», так как мы верили в то, о чем говорили.

Забыв доходящую до ненависти неприязнь, мы стали единомышленниками, кровно связанными единственной великой любовью. И мы были счастливы.

Но сие длилось недолго, наше счастье. Как только женщина внесла на большом медном подносе сваренных в рисе, благоухающих гусей, родина вновь стала далекой и потерянной, а мы — вновь самими собой — жалкими, истощенными существами, единственной целью которых было поскорее наброситься на еду.

И мы набросились. Хозяин с умилением смотрел, как мы глотали громадные жирные куски, сопровождая их ложками риса. Даже все время хмурившаяся женщина несколько раз сочувственно улыбнулась, что-то сказав про аллаха, создавшего гусей, и его пророка Магомета, занимавшегося их распределением на земле.

Всего одолеть мы все же не смогли, хотя любой из нас на конкурсе сбжор мог бы получить первую премию.

Хозяин, с нетерпением ожидавший, когда мы кончим, с удвоенной энергией стал задавать вопросы.

Нас клонило ко сну. С трудом сдерживаясь, чтоб не зевнуть хозяину в лицо, мы стали односложно отвечать на бесчисленные вопросы, в душе посылая к черту все мотивы, возбуждавшие его неумную любознательность.

И тут я сделал потрясающее открытие: все возвышенные чувства и душевные порывы бывают только у людей с пустыми желудками!

Конечно, философским размышлениям и обобщениям удивительно помогает вода, но об этом надо будет подумать в другое время.

Когда разговор коснулся искусства, я начал рассказывать о наших поэтах и всех тех направлениях в поэзии, которые боролись между собой.

— Они влезают на деревья и оттуда читают свои стихи! — вмешался Степко и извиняюще улыбнулся, потому что перебил меня, единственного человека, который, по его ошибочному мнению, не хотел убивать его.

— А почему на деревья? — удивился хозяин.

— Потому что они футуристы, — разъяснил Омар.

— А что это такое футуристы?

— Как, что такое футуристы? — попал в трудное положение Омар и оглянулся на меня, чтоб я объяснил. Но я умышленно молчал, и ему ничего не оставалось делать, как продолжать.

— Футуристы, это... вот, например... возьмут отрежут отрежут задницу и прилепят на место головы... Отрежут грудь и прилепят ее на место... — Омар замаялся, так как не знал, куда теперь прилепить грудь, но все же нашелся: — А грудь прицепляют к носу!

— Что вы говорите?! — возмутился логически мыслящий хозяин. — Откуда же у него нос, если нет головы?

— Голову тоже куда-то прицепляют... — уже окончательно растерялся Омар.

— Интересно, какие скульпторы... Кто идет на это? — огорченно спросил хозяин.

— Я! — сказал Омар. — Я сам должен был стать скульптором!

— Ну, к чему все это? — засмеялся хозяин.

Тут пришлось вмешаться мне и рассказать о Маринетти и его грузинских последователях. Зная, что тут меня никто не перебьет, я так обстоятель-

но рассказал о футуристах, что, кажется, даже и Омар понял, кем он хотел быть.

— А как театры? — поинтересовался хозяин.

Тут большим докой оказался Того. Последнее время над нашей большой командой «Дуруджи» шефствовал театр имени Руставели, и мы имели право на бесплатный вход.

До того как начать ходить в бильярдную, Того все вечера проводил в театре и знал спектакли наизусть.

Кажется, Того был уже на последнем акте пятого или шестого спектакля, когда хозяин, наконец, заметил, до чего мы устали, и сказал женщине, чтоб она стелила нам постели.

Помогая ей, он даже стал извиняться, что за неимением места нам постелят на полу.

На какое-то мгновение мы почувствовали себя людьми и стали верить его, что это не имеет значения.

Когда хозяин пошел за тюфяком, всех нас поразил своей сообразительностью Того:

— Отогрелись, напились, наизрались, потом выспимся и вместо благодарности напустим им вшей!

— Мы же не берем, а оставляем! — сострил, похлопывая себя по раздувшемуся животу, улыбающийся Степко, но, увидев, что никому из нас это не понравилось, насунился и умолк.

— Надо сказать хозяину, — не очень уверенно предложил я, смотря, как женщина укладывала на расстеленный ковер принесенный хозяином пышный тюфяк.

— Ты и скажи, — стараясь не смотреть на тюфяк, сказал Омар.

— А почему я?

— Тогда Того.

— Нет! — строго произнес Того. — Омар столько говорил о футуристах, пускай теперь поговорит о вшах.

— Что за логика? — возмутился я.

— Если в вас нет столько мужества, то скажу я, — внезапно встал со скамейки Степко.

— Да, да. Давай говори! — Это был единственный случай, когда мы все трое сразу согласились со Степко.

Хозяин, сняв с тахты тюфяк, укладывал его рядом с первым.

— Дядя, — подошел к нему Степко. — Не надо... тюфяки.

— Почему? — Выпрямившись, хозяин ласково взглянул на Степко.

— Мы... нам не нужно... мы привыкли, просто на ковре... или...

— Что вы? Как я позволю, чтоб мои гости лежали без тюфяка!

— А... мы... мы не ляжем.

— Почему?

— Знаете, дядя, я... — Степко обернулся к нам за помощью, но мы отвели глаза, — у нас вши! Да, да! Очень много!

— Ну и что? Думаете, я не знаю? — Хозяин ласково потрепал Степко по щеке. — Хорошо, что ты такой честный, благородный парень!

— Ну что вы! — удивился Степко.

— Мы не можем....

— Мы этого не сделаем! — сразу заговорили Омар и Того, не желая даже единственный раз в жизни уступить Степко пальму первенства в честности и благородстве.

— Ничего, ничего! Завтра утром я вынесу тюфяки на мороз, а при сорока градусах вши и пяти минут не проживут. Не беспокойтесь и ложитесь!

Вероятно, вид у нас был более чем жалкий, потому что сердобольный хозяин тактично ушел на кухню.

— Какой он хороший человек! — развязывая тесемки от лаптей, с умилением сказал Того.

— Да! — педтвердил скупой на выражения добрых чувств Омар.

Степко о чем-то сосредоточенно думал.

— Знаешь, хорошо, когда тебя называют честным и благородным! — шепнул он, нагнувшись ко мне, и на лице его была счастливая улыбка.

— Степко, — также шепотом сказал я, — в каждом человеке больше хорошего, только надо уметь заставлять себя...

— Эх! — с горечью произнес он. — Разве я сам не знаю, что иногда... но я ведь тоже человек, и я стану...

— Конечно, когда привыкнешь, это легко...

Настроение у нас обоих было возвышенное, но, к несчастью, Омар подслушивал наш разговор.

— Рожденный ползать, летать не может! — громко сказал он, стягивая со своих худых ног брюки. И все полетело к черту!

— Он хотел меня... так я его сам убью! — зло прошипел мне на ухо ко, ложась рядом со мной.

Утром, пока мы добросовестно приканчивали все, что осталось от вчерашнего ужина, хозяин еще и еще расспрашивал нас о Грузии, и мы отвечали.

Понимая, что это единственное, чем мы можем отблагодарить его за гостеприимство, мы старались всю, а выражение его лица становилось все печальнее.

Зная, что у нас нет времени, хозяин говорил скороговоркой, запинался и смотрел на нас глазами нищего, выпрашивающего подавание и все время ожидающего, что его погонят в шею.

Мне по-настоящему стало жаль его, и вдруг до моего сознания дошло, что я такой же нищий, как и он.

На глаза наплыл туман от навернувшихся слез, а затем они потекли, обильные и очень горькие. Пришлось отвернуться, но хозяин заметил их и, как-то странно всхлипывая, с дрожащим подбородком бросился обнимать и целовать нас, желая нам на веки вечные счастья и здоровья.

Мы двинулись в путь, не предполагая, что с нами случится к концу этого же дня.

В сущности мы все это вытерпели бы, если бы не такой ужасный мороз. От поглощенного в большом количестве гусяного жира у всех нас, кроме конвойного, расстроились желудки.

По словам конвойного, ближайшая деревня была очень далеко, и нам надо было идти, чтоб до наступления темноты найти ее, а мы беспрестанно останавливались, чтобы прикрыть одного из нас, присевшего на короточки и теряющего сознание больше от холода, чем от резей в желудке.

Не знаю, может быть, со стороны мы были очень смешны, но в тот момент мне было совершенно не до смеха. Я был уверен, что наш последний час наступил и что так прозаически кончат свою жизнь, да еще когда ты уже за границей, было жесточайшей иронией судьбы!

Но милосердию божьему нет предела, и оно под конец осенило нас своей благодатью, опустив на землю сумерки, чтоб не дать нам лицезреть столь неэстетические мучения.

В наступившей темноте, желая как-то облагородить столь некрасивый конец, когда мы, как слепые щенки, тыкались из стороны в сторону, я перефразировал для себя слова, сказанные перед смертью Нероном: «Какой великий умница умирает!». Вместо «актера» — «умница». Неплохо найдено для такого трагического момента, но почему-то все время, уже помимо моей воли, кто-то внутри меня подсказывал, что слово «умница» следует заменить более подходящим «дурак»!

Уже ночью, в крошечной тьме, только благодаря жалобному вою оставленной кем-то во дворе собаки мы набрели на деревню.

Золотой пленкой ложатся на веки закрытых глаз лучи только что взошедшего солнца. Закинув за голову руки, я лежу у берега моря и слушаю, как приглушенно басит волна, подталкивая к берегу говорливую гальку, которой ранее приходшая не хочет уступить своего места под солнцем. И пока, обижено шелестя, волна откатывается назад и долго набирает дыхание, все громче спорят между собой разноцветные камешки, а затем снова ласково басит отороченная белым кружевом пены волна и снова спорит и возмущается галька...

Как провинившийся мальчишка, не решающийся взглянуть на отца, я боюсь открыть глаза и посмотреть туда, направо, где за подошедшим к берегу невысоким горным кряжем должна быть Грузия.

Это кажется невероятным, но она тут же, в каких-то двенадцати километрах отсюда. И сегодня там большой праздник — первое января.

В Хопу мы пришли вчера еще до захода солнца. Незадолго до нашего прихода по улицам этого небольшого пограничного порта были разбросаны куски отравленного мяса.

Я знал, что в Турции невероятное количество бездомных собак и что это такое же национальное бедствие, как кролики в Австралии.

Я даже читал о том, как однажды всех бездомных собак Константинополя вывезли на необитаемый остров, где от голода сильные стали пожирать более слабых, как под конец два оставшихся великана сражались между собой и как потом грозный победитель в этой борьбе за существование одиноко и жалко издыхал от голода.

Тогда, может быть, меня и увлекла эта дикая романтика, теперь же с неподдельной жалостью я смотрел, как эти «друзья человека» боролись со смертью, гордо, как это умеют только звери, не ожидая ни от кого ни помощи ни сочувствия.

Конечно, бездомных собак истребляют не только здесь, а во всем мире, и из самых гуманных побуждений, проявляя заботу о человеке, но, черт побери, почему эта гуманность, которую человек считает наивысшим проявлением своего высокообразованного интеллекта, относится только к нему? Ведь не один же он в окружающей его природе!

Может быть, эти мысли более подходили бы какой-нибудь старой деве, члену Общества охраны животных, но лезли они мне в голову от злости на свое бессилие, когда я смотрел, как несчастные собаки боролись с ужасной икотой, с тяжестью своего падающего тела, как, упав на землю, они с неимоверным усилием снова вставали и, делая несогласованные движения парализованными лапами, пытались куда-то уйти — от людей и смерти.

— А все-таки человеку должно быть стыдно! — сказал я.

— Какому человеку? — спросил Степко.

— Отраву раскидали по приказу властей! — стал объяснять мне Омар.

— Иногда человек бывает хуже собаки, — сказал я более понятно.

— Да, — согласился Того. — Люди становятся очень злыми, когда им это нужно.

А пришли мы в Хопа в отличном настроении, потому что это был последний этап нашего тридцатидвухдневного пути. И кроме того, еще утром, поднявшись, скользая по хвое и цепляясь за искривленные стволы невысоких сосен, на вершину скалистого перевала, мы увидели оттуда раскинувшееся от края и до края темно-бирюзовое море.

Омар видел море впервые и, чувствуя, что на него смотрят, постарался быть на высоте положения.

— Ничего особенного, — скривив губы, небрежно бросил он. — Я думал, что оно больше.

Не менее глупо было бы защищать море, и я ничего ему не ответил.

Затем мы спустились в зажатую горами долину и целый день шли по траве. Да, да, по траве, среди кустов вечнозеленых растений, дыша всей грудью. А с моря дул легкий бриз, и над головой у нас сверкало настоящее, уже не похожее на пожелтевший бычий пузырь солнце.

Мне понравилась Хопа с ее несколькими десятками маленьких домиков, шагнувшим в море на тонких деревянных сваях причалом и усыпанным мелкой галькой далеком ухидившим пляжем.

Чиновник, принявший от конвойного бумаги и отпустивший его, сказал нам, что через два дня будет пароход в Стамбул и что пока мы свободны.

— Только не забывайте, что граница в двенадцати километрах, — многозначительно округлив глаза, сказал он нам, когда мы уже выходили.

Затем были эти собаки, море и этот проклятый горный кряж, закрывавший от нас берег Грузии.

В пекарне, похожей на сарай здание которой было немного на отшибе, нам за двадцать курушей с человека позволили переночевать.

Надо было обойти с задней стороны громадную, похожую на крепость печь, подняться в полутьме по приставной лестнице и влезть в овальное отверстие, что и сделал первым Степко, всегда оказывавшийся во главе, если надо было поспать или поесть. За ним полезли Омар, я и Того и в таком же порядке сразу улеглись у правой стены, потому что даже сидя мы касались головой кирпичного потолка.

Спичек ни у кого из нас не было, пришлось в абсолютной темноте очищать под собой теплый песок от каких-то костей, тряпок и бумаги.

Оказалось, что мы были не одни. В противоположном углу кто-то закашлял, послав в нашу сторону волны водочного перегара.

От духоты и грязи меня мучило, а тут еще стали проявлять удивительную активность насекомые. По их ненасытности я догадался, что нашим постоянным спутникам пришли на подмогу и местные жители.

Молчание, потребовавшееся на то, чтобы после усталого тела «уложить» и не менее усталые мысли, внезапно прервал взволнованный возглас Того:

— Да ведь у нас сегодня встречают Новый год!

— Иди ты, знаешь куда?!

— Подожди. Какого числа мы были в Карсе?

— Правильно! Сегодня тридцать первое декабря!

— Какие мы дураки, чуть не прозевали.

— Да, там у нас...

— Мама...

Каждый ушел в свои воспоминания. Опять закашлял сожитель из противоположного угла, обдав нас водочным перегаром.

Я думал о доме и благодаря темноте мог дать волю своим чувствам. Никто не видел, как слезы текли у меня по лицу и с мочки уха капали на пол. Пришлось перебороть мучительное желание потянуть носом, но это сделали слева, затем справа. Новый год был в полном разгаре...

Снизу доносились равномерные шлепки ладоней по тесту, стук корыта о подставку и один и тот же хриплый голос, отдававший приказания.

Никто больше не говорил.

«Да, но, черт возьми, я же...», но, как я ни старался придать героико-романтический оттенок моим похождениям, заканчивая их триумфальным возвращением домой с «заграничным дипломом», ничего не выходило. Слишком уж грязно и душно было здесь.

Под конец я все же уснул, плотно прижимая локоть к потайному карманчику.

Проснулся я от невероятной жары. Видно, уже давно затопили печь и заложили хлеба, так как в пекарне стояла полнейшая тишина.

Я потрогал песок, он был сильно нагрет.

Нелегко было и спавшему слева от меня Того, сидящий силуэт которого вырисовывался на фоне овального входа в печь.

— Ты не спишь, Того?

Силуэт исчез, было слышно, как зашуршал песок. Я протянул руку — Того преспокойно спал.

Я моментально присел, больно ударившись головой о потолок, но, кроме пустого овала входа, ничего не увидел.

Снова закашлял пьяный в противоположном углу. «Вероятно, мне приснилось», — подумал я и уже собрался опять лечь, как снова зашуршал песок. Кто-то медленно полз к выходу.

Головой вперед я бросился за ним, но пока перелезал через барахтавшегося в испуге Того, вор уже спустился по лестнице. Я успел только высунуть в отверстие голову и увидеть, как он заворачивал за угол печи.

В луче копилки, стоявшей на карнизе, я все же заметил, что он был коренаст и волосы, выбивавшиеся из-под кепки, были у него соломенного цвета.

Это было невозможно, но единственный человек с такими волосами, которого мы видели в Турции, был переводчик Юсуф из Харса, оказавшийся затем Юзефом — польским политическим заключенным, бежавшим из Соловецкого монастыря.

Первое, что я сделал, это пощупал свой потайной карман, а потом уже стал отвечать на вопросы проснувшихся ребят. Своими сомнениями насчет того, что это был Юзеф, я с ребятами не поделился, зная, что они все равно не поверят. Потом мы спустились вниз, к копилке.

Трое припудренных мукой пекарей спали в углу на пустых мешках, а четвертый сидел около печи на табурете и, положив голову на край корыта, тоже спал.

Мы все, кроме Степко, стали проверять свои тайники, и тут Того заметил, что его пальто разрезано под мышкой с левой стороны, именно над тем местом, где у него был потайной карман. Вор, видно, точно знал, где он находится.

Начинало светать. Ребята полезли обратно на печь, а я пришел сюда, к морю.

Каким это образом Юзеф очутился здесь раньше нас, и откуда он мог знать о деньгах и даже о месте, где их прячет Того?

Постепенно светлело и становилось прозрачным мутно-серое небо, серебром заблестели высоко-высоко, в самой глубине небес, бывшие до того невидимыми облака. На таких облаках обычно рисуют бородатого бога, сидящего со свешенными вниз босыми ногами, а дьявола на таких, как те, низко проплывающих над землей свинцовых тучах, края которых стали окрашиваться темно-оранжевым цветом.

С необъяснимо радостным волнением я ждал восхода солнца, и по мере того, как становилось все светлее, мне казалось, что у меня проясняется и голова. Единственное, что я теперь любил, — было солнце. Великое, ни с чем не сравнимое солнце!

Я теперь больше ни во что не верю, хотя и знаю, что это трудно, но это так, и ничего не поделаешь. Даже этому примитиву Омару намного легче, чем мне, потому что он что-то ненавидит и во что-то, может быть, очень глупое, но верит.

Каким это образом Юзеф... Ага, теперь все становится ясным. И то, что он повел нас к себе и всеми силами старался напоить, и то, что он предлагал нам какой-то транспорт до Хопа, по сто лир с человека, а мы советовались

между собой — значит, имели деньги. А эта паршивая привычка Того незаметно, как он думал, потрагивать место, где они у него спрятаны.

Вне всякого сомнения, это был Юзеф. Еще когда у себя в комнате он показывал похабные пантомимы и свое умение владеть финкой, мне казалось, что он смахивает на уголовника, но его ореол беглеца с Соловков пересилил это впечатление.

А ведь после домика нашего гостеприимного соотечественника дорожно-го мастера мы прошли путь в пять раз длиннее и наряду с тягостным однообразием похожих друг на друга деревень видели такое, что при одном воспоминании по коже пробегают мурашки.

По дороге к Карсу мы прошли Ардаган, маленький заснеженный городок с понатыканными на улицах столбами, на которые мы налетали в темноте, пока нашли здание жандармерии. Ушли же мы рано утром, при белесом тумане, когда дома были едва различимы.

Хотя главные события в Ардагане разыгрались после нашего возвращения из Карса, но и при первом посещении Ардагана произошел небольшой инцидент.

В казарме жандармерии, куда нас на ночь сдал конвойный, нам благосклонно разрешили лечь на цементный пол около печи с условием, что мы будем поддерживать в ней огонь.

Чугунная печурка стояла в узком проходе между стоявшими у противоположных стен аккуратно застеленными кроватями. Всю ночь мы по очереди добросовестно подбрасывали уголь в печь, а к утру... Но тут истины не добьешься, так как каждый из нас потом доказывал, что была очередь другого.

Проснулись мы от разъяренных воплей, за которыми последовали не очень уважительные пинки ног.

Взбешенный старший жандарм в нижнем белье, изрыгая ругательства, показывал нам на потухшую печь.

Так как лежали мы на двух пальто, прижавшись друг к другу, а края двух других пальто, которыми мы прикрывались, цепко держали с одной стороны Степко, а с другой — Омар, то первыми привстали они, и тут же Омар получил звонкую пощечину. Затем жандарм замахнулся на Степко, но тот проворно прыгнул у него под рукой и, распластавшись на полу перед печью, стал дуть на потухшие угли.

Не опуская поднятой руки, жандарм повернулся к ошарашенному, жалко моргавшему Омару, залепил ему еще одну пощечину и, вихля толстым задом, подбежал к кровати и юркнул в нее.

Пока Степко, как заправский кочегар шуровал печь, тщетно стараясь скрыть свое злорадство, у Омара все краснее и краснее становился кончик носа.

Затем была дорога на Карс сорокаградусные морозы и опять сердечное гостеприимство турецких крестьян.

Была и такая деревня, в которой мы заночевали только потому, что сблизись с пути.

— Это не турки, а самые большие бандиты, какие есть на земле! — объяснял нам конвойный, когда мы уже в сумерках подходили к деревне, да же под снежным покровом казавшейся убогой.

— Ночью надо будет караулить, так как они могут перерезать всем нам горло.

Деревня действительно оказалась очень бедной, а люди удивительно симпатичными и до того добрыми, что вынули с самого дна доморощенного сундука завернутые в грязную тряпку пять кусков сахара и настояли, чтоб мы их съели.

Я никак не мог понять, какой они национальности, но до того поверил в их хорошее отношение, что, когда настала моя очередь караулить, преспокойно спал.

А вот в одной из деревень после этой кошмар начался для меня наяву.

Местность там была холмистая, с широкими глубокими оврагами, а деревня, к которой мы к вечеру подошли, была расположена на самой макушке довольно высокого, похожего на головку сахара холма.

Наверное, у подножья холма был родник или прорубь в речке, так как поднимающаяся к деревне крутая дорога вся была покрыта льдом от пролитой воды.

Это было единственный раз в жизни, когда я не получал никакого удовольствия от катания с горки. Наконец мы все же поднялись в эту деревню и постучали в дверь самой большой с виду землянки.

Через некоторое время мы уже сидели на полу вокруг громадной миски, полной отварным дробленым зерном, в середине которого янтарным глазом светилось растопленное масло.

Из-за густого слепящего дыма видны были только колени с положенными на них руками расположившихся вместе с нами вокруг миски многочисленных членов семьи.

Чей-то старческий голос возблагодарил за милосердие аллаха, а потом руки стали протягиваться к краю миски и, забрав пальцами кашу, направлялись к середине, чтобы окунуть ее в растопленное масло.

Это было «бургули» — мое любимое блюдо, и я собирался отдать ему должное, когда мой взгляд машинально последовал за костлявыми пальцами, обмакнувшими в масле кашу, а потом поднявшимися к... И тут я чуть не потерял сознание.

Пальцы закладывали кашу... в широко оскаленную пасть черепа! Когда я решился снова взглянуть в ту сторону, то увидел в клубах дыма длинные зубы, над ними зияющее отверстие вместо носа, пару глубокоосидающих глаз под выступающими надбровными дугами и совершенно голый череп.

Какая-то ужасная болезнь, сожрав у человека пол-лица, оставила его в живых.

Я стал вглядываться в окутанные дымом лица остальных членов семьи, все они были нормальными.

Ребята же, ничего не замечая, соревновались между собой в быстроте, совершенно забыв об элементарной вежливости. Есть я уже не мог и, видно, чем-то показал, что мне не очень хорошо, так как два глаза на черепе устали на меня. Затем человек встал и растворился в дыму, как привидение.

Оставшиеся ели очень долго, под конец все медленнее нагибаясь к миске, пока рука Степко не очистила все остатки каши на дне.

Нечего было портить ребятам настроение рассказом об увиденном. И без этого им было не так уж легко. По тому, как они округляли глаза и вбирали в себя воздух, было件件но, что перегруженные желудки мешали им свободно дышать. Они по опыту знали, что утром перед уходом редко кто кормит, а идти потом надо целый день.

Утром я с самого же начала отстал, а все остальные как назло шли очень бодро, имея хорошую вчерашнюю зарядку.

Несмотря на все мои усилия, спина шедшего передо мной Степко неуклонно удалялась. Когда же она совсем скрылась за поворотом у небольшого пригорка, я сперва только разозлился на ребят.

Потом у меня мелькнула мысль о том, что от самого Ардагана мы не встретили ни одного человека в пути и если я останусь один...

Кое-как я допелся до пригорка и обшел его, но ребята и конвойный словно в воду канули.

Передо мной начинался широкий овраг, и тропа, ведущая к нему, разветвлялась, и оба разветвления исчезали между громадными, покрытыми снежными шапками глыбами.

Остановившись, я крикнул раз, другой, третий... Только эхо удостоило меня ответом.

И тут я почувствовал себя ужасно одиноким.

Сперва я пошел по правой тропе, но, увидев осыпавшийся сверху совершенно девственный снег, повернул обратно к развилке. Проклиная свой пустой, почти прилипший к позвоночнику живот и подгибавшиеся из-за него колени, я начал петлять уже в левом лабиринте и, наконец выйдя к оврагу, далеко внизу, у самой кромки обрыва увидел цепочкой шедших ребят.

По спуску я шел как канатоходец, расставив для равновесия руки, но и на ровной дороге я не смог их догнать. А они, негодяи, ни разу не остановились, чтоб подождать меня.

Ох, и получают же они от меня! Я им скажу... И тут я начал, уже не знаю, вслух или про себя, выкладывать все, что у меня было на душе.

— Ты, — начал я с Омара, — корчишь из себя мужчину, а как проститутка оставляешь товарища в беде!

— Брось, слушай! Разве, когда ты бежал сюда, ты не думал, что здесь выживают только сильные и безжалостные!

— Хорошо! Как только мне будет лучше, я безжалостно побью тебя, потому что я сильнее!

Он ничего не ответил, побежденный своей же логикой, и я обратился к Того:

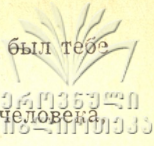
— Как тебе не стыдно? Мой лучший друг, а бросил меня, как....

— Твой лучший друг теперь не я, а Степко!

— Неправда! Мне просто жаль его!

— Ну и желей, никто тебе не мешает. Видишь, как он тебе отвечает взаимностью за то, что ты его таскал несколько дней!..

— Теперь разговор о тебе, а не о нем.

— Я... я не видел. Ближе всех к тебе был Степко, он и должен был тебе помочь. А если б что, тогда и я, конечно...

— Хорошо, я поговорю со Степко!

— Для чего? С ним говорить, все равно что требовать долги с человека, который никогда их не возвращает.

— Хоршая идея, требовать долг, Эй, Степко! Степко! Что, делаешь вид, будто не слышишь, сволочь?

— Нельзя ли немножко повежливее? Что такое, в чем дело?

— Можно и повежливее, даже на вы... Дело в сути, а не в форме. Скажите, пожалуйста, почему вы не возвращаете мне долг?

— А потому, что, кроме вшей, у меня ничего нет.

— Я говорю про другое, про то, что я так щедро одалживал вам. Про человечность! Я тащил вас, сам падая от усталости столько дней!

— Когда у меня будут деньги, то есть силы, я буду таскать вас на спине, сколько хотите! А сейчас я просто физически не могу вернуть вам ваш долг!

— Но мне он нужен сейчас!

— Очень сожалею, но вам придется немного подождать. Я сейчас в большом экономическом, то есть физическом затруднении...

— Но ведь тогда, я тоже...

— Если вы одалживали, значит, могли! А я сейчас никак не могу, извините, пожалуйста, но у меня нет времени!

— Ты большая гадина, Степко!

— А ты, чего? Едва стоишь на ногах и хорохоришься! Да тебя сейчас и двухлетний ребенок... Что, может, хочешь, чтоб я тебе морду набил?

— Ах, пользуешься моментом!

— А ты думаешь, это правильно, что ты сильнее меня и всегда пользуешься этим? А почему, если один раз оказался сильнее тебя, я не могу этим воспользоваться?

Тут я ничего не ответил... А они были так далеко, за целый километр от меня, надо было торопиться... Я поскользнулся и упал. Никогда не думал, что так приятно будет лежать, а потом, так трудно встать на ноги... И идти, идти...

Карс, некогда грозная цитадель турок-сельджуков, покоренная воинами царицы Тамар в 1204 году, теперь был мирным провинциальным городком, и только одно здание на главной площади, оцетинившееся со всех сторон выставленными в окна трубами печей-временок, имело воинственный вид.

Мы поднялись по внутренней лестнице на второй этаж и, перед тем как толкнуть замызанную дверь, сняли с голов когда-то красные платки, а с пальто веревочки, заменявшие пуговицы.

С трех сторон довольно большой приемной были двери рабочих кабинетов, а с четвертой — заиндевевые, скупно пропускавшие свет окна.

Диковинкой показался хоть и обшарпанный, но деревянный пол. «На этом полу намного лучше спать, чем на цементном», — промелькнула у меня мысль, и только потом я осознал, что это уже какая-то «собачья» психология.

Конвойный завел нас в кабинет, где полный собственного достоинства, похожий на майского жука чиновник, грозно сдвинув брови, осмотрел нас с ног до головы, а потом стал читать сопроводительную бумагу, вода по строкам отращенным до неимоверной длины ногтем мизинца левой руки.

— Они говорят по-турецки? — спросил он конвойного.

Конвойный сперва недоуменно приподнял плечи, а потом указал на меня.

— У которого из вас был наган? — сузив зло глаза, спросил меня жукообразный чиновник.

Когда я изучал язык, у меня было постоянное желание говорить на нем, но теперь оно совершенно пропало.

— Не понимаю, — сказал я.

— Кто из вас имел наган? — побагровев и из-за этого став еще чернее, закричал Жучок.

— Не понимаю, — сказал я.

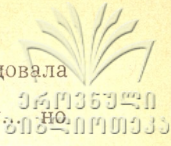
— Он не понимает, — сказал конвойный и взглядом дал мне понять, чтобы я не беспокоился.

— А какого черта ты мне... — Жучок поднял руку, сжав кулак, повернулся в кресле и постучал в стену за его спиной.

— Я могу возвращаться? — спросил конвойный. — Вот подпишите.

В кабинет вошел болезненного вида пожилой человек. Жалко моргая, он выслушал разнос начальника за опоздание, а затем выбежал исполнять приказание.

Из слов Жучка я понял, что он послал его за переводчиком по имени Юсуф. Мы стояли и ждали. Уставший Степко наделился на стоящий в углу стул. Незаметно приблизился к нему и сел, но возмущенное рычание Жучка заставило его тотчас вскочить и спрятаться за моей спиной.

Вернулся, учащенно дыша, посланный и сказал, что Юсуфа нет.

Это вызвало новый разнос несчастного сотрудника, а затем последовала очень эффектная пауза, во время которой Жучок думал.

— Попроси Абди-ага эфенди. Извинись, что мы сами не идем к нему с такими свиньями...

Сотрудник понимающе кивал головой, брезгливо взглянув на нас, когда начальник упомянул свиней, и поспешно вышел.

Я понял абсолютно все, что говорил этот напыщенный кретин, и все же иногда лучше не понимать, чем делать вид, что не понимаешь.

Открылась дверь, и в кабинет величественно вошел очень высокий, узкоплечий и широкобедный человек с лицом гермафродита, совершенно лишенным растительности. По желтизне кожи и морщинам видно было, что он далеко не молод. Одет он был с изысканностью провинциального актера на амплу светского льва начала века. Стоячий целлулоидный воротник с бабочкой, черный китель и полосатые брюки. Только ярко-желтые ботинки немного выпадали из стиля.

Выскочив из-за стола, Жучок с реверансами усадил пришедшего в свое кресло и стал рассыпаться перед ним в извинениях:

— Извините, что я осмелился вас побеспокоить, Абди-ага эфенди!.. Но, зная, что в Стамбуле вы общались в высшем свете... с иностранцами...

— Ничего, пожалуйста!.. — снисходительно проговорил Абди-ага, вытянув длинные ноги на целый метр из-под стола. — А какой язык вам нужен?

— Русский.

— А-а-а... можно!.. Я там знал одну русскую баронессу... как ее... у нее был салон... вспомнил, Гертруда Францевна! Когда бывало много народу, она сама помогала девушкам работать... — Абди-ага провел языком по фиолетово-красным губам, а потом стал оглядывать нас, выбирая, к кому бы обратиться. Выбор его пал на Того.

— Здравс-те-те... — упершись глазами в Того, сказал он.

— Здравствуйте, — вежливо ответил Того, но Абди-ага махнул ему рукой, чтоб он не перебивал.

— Здравс-те-те... скою денги пойдом спат... шлафен...

Того молчал.

— Кажется, они не понимают по-русски, — сказал Абди-ага Жучку. — Но я еще попробую.

— Если это не затруднит вас!

Широким жестом длинной руки Абди-ага ответил, что для него это сущая чепуха, и снова уперся глазами в Того.

— Твою мат! — сказал он.

— Твою мать! — возмущенно ответил Того.

— Спасибо! — сказал Абди-ага.

— И твою бабушку! — почти выкрикнул умеющий проявлять удивительное мужество в самые трудные моменты Того.

— Спасибо!.. — Абди-ага, довольно ухмыляясь, повернулся к Жучку: — Кажется, понимают.

— Тогда спросите, у которого из них был наган.

Абди-ага долго думал, пока построил фразу:

— Ти наган?.. — спросил он Того и, не получив ответа, каждому в отдельности задал этот же вопрос.

Мы пожимали плечами и говорили по-турецки, что не понимаем.

— Они понимают, но не хотят говорить! — скосил глаза в сторону стоящего рядом Жучка Абди-ага. — Они меня не обманут... я так же хорошо говорю еще на пяти языках!..

Вероятно, я не смог скрыть улыбки, так как Жучок закричал и рукой указал нам на дверь.

Мы вышли и у ourselves на скамейку у стены.

Около двери кабинета похаживал высокий статный мужчина в добротной шубе и «царских» сапогах, с надетыми на них новенькими блестящими галошами.

— Это, наверное, здешний богач, — сказал мне Степко. — Эх, была бы у меня его шуба!..

— Жалко такую шубу, ведь придется половину отрезать.

— Ну и что?.. Из лишнего ты сделал бы себе курточку, — великодушно пожертвовал мне излишек шубы Степко.

— А насчет браунинга он ничего не говорил? — озабоченно спросил Того. — Может быть, он и не знает про него?!

— Успокойся, раз не спрашивал, значит, не знает.

— Почему?

— А потому, что его наверняка присвоил себе майор.

Дверь кабинета отворилась, и из нее вышел полный собственного достоинства Абди-ага. Человек в дорогой шубе бросился к нему и, подобоостренно пригнувшись, стал что-то говорить на ходу, но Абди-ага не только не остановился, даже не повернул к нему головы.

Так прошествовали они через всю приемную, оба высокие, один с надменно поднятой головой гермафродита, другой статный и красивый, но не менее противный из-за своего рабского поведения.

У двери своего кабинета Абди-ага что-то грубо сказал человеку в шубе и захлопнул перед его носом дверь.

Казалось, что посрамленный человек в шубе должен был уйти, но он, словно ничего не произошло, спокойно зашагал по приемной, а потом пришел и сел на нашу скамейку.

— Вы грузины? — на хорошем русском языке неожиданно обратился к нам человек в шубе.

Оказалось, что он провел детство в Тифлисе, где его отец имел магазин на Майдане. Здесь у него самого был сыроваренный завод, дела шли прекрасно, и ему нужно было заполнить прилегающую к заводу землю, чтоб пристроить новый цех.

Затем он стал расспрашивать о Тифлисе... но, недослушав, побежал за вышедшим из кабинета Абди-агой.

Недалеко от нас Абди-ага остановился, и мы стали свидетелями самого удивительного из когда-либо слышанных деловых разговоров.

— Пятнадцать! — сказал Абди-ага.

— Семь! — сказал сыровар.

Они стояли, как давно не видевшие друг друга друзья, когда каждый из вежливости старается уступить слово другому.

— Четырнадцать! — с прежним спокойствием сказал Абди-ага.

— Семь! — упрямо повторил сыровар.

Тут Абди-ага плюнул ему в лицо.

Я даже заморгал от неожиданности, но сыровар не шелохнулся.

— Восемь! — сказал он.

— Тринадцать! — сказал Абди-ага и снова плюнул ему в лицо.

Сыровар молчал, и Абди-ага опять плюнул ему в лицо.

— Девять! — сказал сыровар.

— Двенадцать! — сказал Абди-ага.

— Десять! — произнес спокойно сыровар.

Абди-ага возмущенно вздохнул и закатил глаза к потолку.

— Одиннадцать! — уже в пароксизме бешенства прошипел Абди-ага и смачно плюнул в лицо сыровару.

Очень спокойно и убедительно сыровар отрицательно качал головой.

Побагровевший Абди-ага вытянул свои противные губы.

— Сейчас будет самый что ни на есть верблюжий плевок, — шепнул я ребятам, но ошибся.

Лицо Абди-аги расплылось в широченной улыбке... и он уже пожимал руку не менее счастливо улыбающемуся сыровару.

Затем Абди-ага что-то сказал сыровару, тот утвердительно кивнул головой, и они разошлись. Абди-ага прошествовал к себе в кабинет, а сыровар, вытащив платок и вытирая себе лицо, заходил перед нами.

Заметив, что мы устали на него, он весело улыбнулся.

— Ну как? — спросил я, будто не знал результата торгов.

— Все устроено! — со снисходительной улыбкой кивнув в сторону кабинета Абди-аги, сказал он.

— А если завтра он откажется? — почему-то желая доставить ему неприятное, спросил я.

— Что вы?.. Слово есть слово!.. Мы же мужчины, а не какие-то бабы! До свидания, счастливо!

— Счастливо!..

Сыровар ушел, уверенно шагая своими «царскими» сапогами в галошах по грязному деревянному полу.

— Я же говорил, что за границей делаются большие дела!.. — восторженно сказал Омар.

— Да!.. — многозначительно подтвердил Степко.

— Нет, лучше уж качать насос от твоей выгребной ямы, чем получать плевки в лицо, — сыронизировал я, потому что от всего этого меня немного мутило.

— Почему... ведь сыровар богатый человек. Видел, как он был одет?! — не понял Омар.

— И какой откормленный!.. Будь у меня сыроваренный завод... — как всегда, замечтался завистливый Степко.

— У тебя его никогда не будет, — буркнул Того.

— Почему?..

— Потому что у тебя хватит мозгов только на то, чтоб получать плевать.

— Не бойся... будь у меня деньги!..

Любому осточертели бы эти разговоры.

— Замолчите, идиоты!.. — гаркнул я на них.

Ребята смолкли и, почесываясь, стали обдумывать, что на меня нашло, а потом начали клевать носами.

Я же с горечью стал размышлять о том, что удивительно низкий интеллект моего окружения отнимает у меня все преимущества... хотя я не мог осмыслить, в чем они заключаются.

Сутулый старичок, который проходил мимо нас, остановился и, поставив на пол пустое ведро от угля, предложил нам закурить.

Все, кроме Степко, который просто физически не может этого сделать, отказались.

Пока Степко закручивал невероятной толщины сигарету из рыжего самсунского табака, старик сказал, что нас пошлют в Стамбул, а оттуда или во Францию, или в Бразилию как политических эмигрантов.

— В Бразилию не соглашайтесь. Там иностранцев посылают в такие места, куда даже бежавшие из Европы преступники не соглашались... и большая часть уехавших туда уже вымерла от желтой лихорадки.

Выполнив свой гражданский долг, старик взял ведро и заковылял по своим делам, а мне пришлось разъяснять ребятам, что он сказал.

По мере того как это до них доходило, выражение лиц у ребят менялось, а под конец стало точно таким, каким оно было после того, когда мы обожрались гусятиной.

Действительно, черт знает что такое!.. Ведь волнующий меня до этого вопрос о нагане оказывался сущей чепухой по сравнению с желтой лихорадкой.

Я поднялся и начал ходить взад-вперед. Заиндевевые стекла окон отдавали чернотой, как зеркала с облупившейся амальгамой. Зашпыленная лампочка под потолком бросала на пол опустевшей приемной расходящиеся тусклые круги света и высвечивала из полутьмы лица сидящих на скамейке ребят.

Я достал мое университетское удостоверение и вынул из него фотографию отца и матери. Став под лампочкой спиной к ребятам, я долго рассматривал ее... Нет, конечно, не этого хотели они для меня...

Нас, вероятно, забыли, так как продребезжал звонок и из всех дверей одновременно высыпали тепло одетые и укутанные по самые глаза чиновники.

Я побежал к нашей двери.

Утопавший в шубе, с высоченной каракулевой шапкой на голове малюсенький Жучок некоторое время стоял и смотрел на выстроившихся перед ним трех оборванцев. Взглянув на меня, он скорчил такую гримасу, словно я и был виной всех его несчастий. Затем, показав рукой, чтоб мы его подождали, ушел, высоко подняв голову, высматривая кого-то впереди.

Вернулся он с очень угрюмым и недовольным типом, единственной достопримечательностью которого был торчавший из-под обмотанного вокруг лица башлыка громадный волосатый нос. Носатый, видно, сперва отказывался от поручений, так как Жучок по инерции еще продолжал на него кричать.

В свою очередь, когда Жучок повернулся и ушел, носатый проводил его хотя и тихо, но весьма внятно произнесенными ругательствами. С нами же он оказался удивительно неразговорчивым и не сказал ни одного слова, пока мы петляли с одной плохо освещенной улицы на другую и не нырнули в подъезд стоящего на пустые дома и постучали в одну из дверей.

Нашему проводнику пришлось немного поспорить с пьяным верзилкой, который вышел на стук с лампой в руке и не соглашался нас принять без официальной бумаги. Потом верзила смиловился, провел нас в самый конец коридора... и запер в карцер.

Так же не произнес ни слова, утром следующего дня носатый вернул нас в главное управление.

Мы довольно долго ожидали, пока нас вызвали к Жучку, где коренастый с соломенного цвета волосами переводчик Юсуф на хорошем русском языке стал задавать нам разные интересующие Жучка вопросы.

Переводчик оказался поляком Юзефом, таким же эмигрантом, как и мы, и, разумеется, стоял за нас горой. Вопрос с наганом он урегулировал за несколько минут, заявив, что наган с «той стороны» является военным трофеем, а за трофей не наказывают.

Жучку ничего не оставалось, как согласиться с этим, а тут еще Омар попросил перевести, что большевики у него расстреляли отца, и Степко срочно до-
бавил то же самое про своего отца.

То, что Степко примазывал своего отца, Омару не очень нравилось, но он ничего не мог поделать. Степко врал не менее вдохновенно, чем он.

К их несчастью, Жучка это совершенно не заинтересовало, и разыгранная ими пантомима «жаждущих справедливой мести», когда ходят желваки и грозно округляются глаза, прошла вхолостую.

Единственный, кто преисполнился к нам сочувствия, так это переводчик Юзеф. Он даже взял нас к себе на ночь в комнату, которая одновременно была и его мастерской, где он рисовал вывески. Бутылочка раки, купленная Юзефом, подогрела наши взаимоотношения, затем раскошелились и мы... и пропьянствовали весь вечер и часть ночи.

Мне сразу же показалось немного подозрительным, что Юзеф все время старался выяснить, много ли у нас денег. И, конечно, вор, пытавшийся той ночью вытащить деньги у Того и порезавший ему пальто, был «наш друг» Юзеф.

На следующее утро после пьянки у Юзефа мы снова двинулись в путь. Наша дорога лежала обратно через Ардаган, откуда мы должны были свернуть на запад и, пройдя Артвин, попасть сюда, в Хопа.

Опять текли дни упорной борьбы с усталостью, холодом и в особенности голодом, так как та часть бедного крестьянского рациона, которым делились с нами радужные хозяева в деревнях, была явно недостаточна. Все дни пути до Ардагана мы только и говорили о том, как купим там хлеба, каурмы и наедемся до отвала.

И вот, наконец, наша мечта была осуществлена. Мы сидели у печки с туго набитыми желудками и осоловелыми глазами, смотрели на расставленные по обе стороны узкого и длинного помещения кровати, с нетерпением ожидая, когда ляжет последний жандарм, чтоб тоже лечь, только — на полу у печки.

Наконец, когда почти все жандармы улеглись, за исключением одного, который неуклюже пришивал к чему-то пуговицу, и старшего жандарма, возившегося со своим вещевым мешком, вдруг с шумом распахнулась дверь, и из ворвавшегося морозного облака появился человек в бурке и четыре жандарма за ним.

Чтоб не упасть от сильного толчка в спину, человек в бурке пробежал несколько шагов и остановился, широко расставив ноги. Вероятно, руки под буркой у него были связаны, так как он и не пытался поднять слетевшую с головы папаху. Вид у него был очень мужественный. Бритая голова, курчавая холеная борода, прекрасного качества бурка... он напоминал какого-то киногероя из жизни горцев.

Четверо жандармов бросились греться к печке, а арестованный в той же позе стоял у дверей. Судя по могучей шее и видневшимся из-под бурки мускулистым ногам в азиатских сапогах, он должен был быть физически очень сильным.

Жандармы, зло скаля зубы и жестикулируя, стали что-то рассказывать старшему. Я разобрал, что говорили о каких-то угнанных лошадях, но никак не верилось, что арестованный мог быть конокрадом... да еще в такие морозы!

Следом за этой группой появились две женщины, видно, жена и дочь арестованного. Оробев, они долго не закрывали за собой дверь, что вызвало взрыв возмущения жандармов. На женщинах были добротные тулупы с цветной вышивкой, а головы их укутывали большие черные шали. Растерянно оглядываясь, женщины увидели наконец арестованного. Они бросились к нему, но тут же раздался зычный окрик старшего жандарма, и они немедленно были отеснены в сторону от арестованного, словно застывшего на своем месте.

Внезапно одна из женщин подбежала к старшему жандарму и бросилась перед ним на колени.

«Сейчас начнется классическая сцена спасения отца красавицей-дочерью, — подумал я, — как в сказке...» И когда вдруг шаль, словно сорванная с картины завеса, соскользнула на пол, мы увидели удивительно красивую головку девушки лет шестнадцати. Схватив руку старшего жандарма, девушка пыталась поцеловать ее.

Смутившийся вначале жандарм высвободил руку, затем повернул к подчиненным уже улыбающееся лицо, двусмысленно подмигнул им и стал поднимать девушку с колен, просунув руки у нее под мышками.

Да, сказки потому так и называются, что ничего общего не имеют с жизнью...

Старший жандарм не успел даже выпрямиться, когда, словно черный вихрь, рванулся к нему арестованный и мощным ударом колена отбросил его в сторону.

Пока старший жандарм, крихтя и ругаясь, вставал с полу, все его подчиненные бросились на арестованного.

— Господи, сейчас начнется! — вырвалось у меня так громко, что испуганный Степко дернул меня за руку. Но я ошибся, арестованного только схватили и держали, а в это время старший жандарм очень энергично выпроваживал женщин.

Как мне показалось, арестованный облегченно вздохнул, когда за женщинами закрылась дверь, и, когда старший жандарм, изрыгая проклятия, направился к нему, он был уже совершенно спокоен.

С арестованного сорвали бурку и тупул. Несмотря на то, что руки у него были связаны за спиной, он яростно сопротивлялся, поворачиваясь всем телом то в одну, то в другую сторону, чем-то напоминая разъяренного буйвола. Его повалили на пол и, содрав сапоги с ног, прикрутили их к винтовке посредством ремня, так же как на плацу в пограничной деревне сделали это с Хасаном и его сообщниками, только били они по ступням уже шомполами и намного злее и дольше, чем там.

Когда из ступней полила кровь, арестованного заставили встать на ноги и бегать по проходу между кроватями, а все жандармы, лежавшие на своих кроватях, вскочили, вытащили каждый из-под тюфяка по тонкому пруту и, держа его в одной руке, опираясь другой о спинку кровати, ждали, похоже в своем коричневом трикотажном белье на облезлых вислозадых обезьян. И так же, как у обезьян, кривились их рожи, когда жертва проходила мимо и они хлестали из всей силы...

Упрямо нагнув голову, ворочая своими могучими плечами, арестованный все печатал по серому цементу пола кровавые следы, пока они не превратились в красную дорожку. И тут, с каким-то лихим гиканием, один из жандармов прямо с кровати прыгнул арестованному на спину и повис на нем, уцепившись за его шею. Раза два чей-то прут со свистом опустился вместо спины арестованного на ягодицы жандарма, и он взвыл под общий хохот остальных.

Потом арестованный упал. Успевший встать на ноги жандарм одно время, расставив ноги, стоял над ним, потом перешагнул и отошел в сторону...

Так и не пришедшего в сознание арестованного выволокли в карцер, а нам приказали обтереть мокрой тряпкой пол.

Все было кончено, и нам велели лечь спать. Мы улеглись «валетами», чтоб уместиться на двух пальто, расстеленных на полу. Мне выпало последним следить за печкой, и, довольный своим жребием, я скоро заснул.

Во сне я видел, как спасаю прекрасную девушку вместе с ее отцом от этих тридцати жандармов, которые почему-то ходили на четвереньках, выли, как шакалы, а иногда даже хрюкали.

Потом я с девушкой гулял по каким-то райским местам, очень похожим на фуникулер, на нашу гору святого Давида, и после страстных поцелуев девушка нежно положила мне голову на грудь, а я зарылся лицом в ее прекрасные волосы и задышался от страсти... и нехватки воздуха. Я проснулся и увидел, что ладью Степко подошвой плотно закрывает мне рот и нос.

С силой оттолкнув его ногу, которая угодила Омару в лицо, я притворился спящим и долго слушал шипящий от злости, но приглушенный, чтоб не услышали жандармы, голос Омара, честившего Степко за всю его паразитическую сущность.

Дремавший у печки Того проснулся и сказал мне, чтоб я заступал на свою вахту. Не без сожаления уступив ему свое место на никак не согреваемом цементе, я подкинул в печь угля.

Видно, я вздремнул, так как теперь на темной стене ватными четырехугольниками выделялись окна и, словно в воздухе, висели анфилады кроватей, ножек которых еще не было видно.

Молчаливым укором мне была потухшая печь.

«Если старший жандарм ударит меня, как тогда Омара, то я сдержусь и не отвечу!» — как можно более убедительно сказал я себе, не совсем уверенный, что это будет так. Затем я бросился спасать положение. На мое счастье, под злой еще притаился огонек, который я быстро раздул до грозно гудящего пламени, как в горне кузнеца. Затем пришлось идти за углем в громадную пустую комнату с заложенными кирпичом окнами и отсутствующей створкой дверей, в которые было виден заснеженный двор и протоптанная тропинка к уборным.

Торопливо наполнив ведро углем, я уже собирался тащить его, как вдруг увидел окованную железом дверь с зарешеченным окошечком. Вне всякого сомнения, это была кутузка, в которую вчера бросили арестованного.

На всякий случай держа в руке ведро, я подошел и заглянул. Сперва ничего не было видно, кроме белешего под самым потолком окна со вставленными накрест железными прутьями. В окно иногда залетали одинокие хлопья снега и медленно падали параллельно высокой грязной стене, пока не ложились на пол, чем-то напоминавший заснеженный могильный камень. А на этом камне ле-

жали припорошенные снегом цветы... да, да, я не ошибался, красные и розовые цветы...

Я стал всматриваться во что-то черное, виднеющееся за светлым снежным квадратом... и увидел лежащего на боку, с упрямо пригнутой к груди головой арестованного. То, что я принял за припорошенные снегом цветы, были его истерзанные, окровавленные ноги...

Я вернулся к пещке. Было тепло. Мирно спали в своих кроватях жандармы. А там, в карцере, лежал отец той прекрасной девушки, и снег на его ногах не таял...

Утром старший жандарм, увидев у меня в руках бритву, потребовал, чтоб я побрил его. Я отказался, мотивируя тем, что бритва очень тупая и что у меня нет мыла. Попробовав бритву на палец, старший жандарм приказал, чтоб я немедленно побрил его.

В конце концов побрил его Степко. Сделал он это хотя и без мыла, но довольно ловко и с явным удовольствием. Я догадался, что Степко симпатизировал жандарму за пощечину, которую тот влепил его злейшему врагу Омару, а может, это было бессознательное, не приносящее никакой выгоды, подхалимство.

Затем опять была дорога с ночевками в деревнях, внезапно кончившиеся морозы и выглядывавшая кое-где из-под снега так хорошо пахнувшая земля.

Было и так, когда унылое однообразие повторяющихся изо дня в день впечатлений будоражило что-то новое и незабываемое, например, развалины церкви на гребне горы с вознесшимся в высь классическим фасадом и прекрасным грузинским орнаментом на портике над полуразрушенной дверью. Мы вошли в эту дверь, и перед нами вместо задней стены раскинулся вид на лежащую далеко внизу долину. Мы даже не представляли себе, что стояли на такой высоте. Мы вышли обратно через дверь и начали спускаться по дороге, которая проходила рядом с церковью, хотя это и было самое неудобное для дороги место. «Могут отказываться от наших храмов, но не от проложенных нами дорог», — с гордостью за своих предков подумал я.

Потом, спустившись в долину, мы долго шли по крутому берегу широкой и бурной реки Чорох, пока не увидели на противоположном берегу прилепившегося к покатоному склону Артина.

В восточной части городка виделось кладбище, которое мы решили во что бы то ни стало осмотреть, так как нам сказали, что раньше оно было грузинское. Пришлось долго уговаривать проводника, который не хотел отклоняться от пути, и наконец мы были на кладбище.

Действительно, на некоторых могильных плитах еще можно было различить грузинские надписи. Но, к моему удивлению, принял я все это не так, как сам ожидал. Что-то во мне было сломлено... или погребено под навалившимися на меня событиями. А может, я просто не мог пожалеть тех, которые только после смерти и не по своей воле стали эмигрантами.

И опять дорога, у самой границы, с пограничными постами в малюсеньких, вырытых в глиняном откосе землянках, какой-то шатен начальник, назвавший нас глупыми, ничего не понимающими мальчишками, потом дорога по дремучему лесу, и на небольшой поляне — точно такой, как в романах Майн Рида, форт из громадных бревен, к которому мы подошли уже поздно ночью и издалека, спрятавшись за толстые стволы деревьев, чтоб нас не пристрелили из форта, ждали, пока наш проводник кричал, чтоб разбудить кого-нибудь из гарнизона.

И вот теперь я здесь, в Хопа. Лежу у моря, закинув за голову руки, и греюсь на солнце... а совсем близко, вон за тем невысоким горным краем... нет, об этом не надо думать, иначе сойдешь с ума! А ведь я думал об этом все тридцать два дня, которые был в дороге, думал все дни, которые был в пограничной деревне, думал с того момента, когда за спиной осталась полоска реки, границащая между моей и чужой страной...

Ребята, наверно, ищут меня, чтоб позавтракать. В особенности Степко, который привязан ко мне чисто физиологической потребностью в еде. Чувствую, что и с моей стороны немного некрасиво держать его словно собачку на привязи, но, вспомнив, что в отличие от собак, человек зачастую платит за добро неприязнью, я успокаиваюсь. Никто не сможет обвинить меня в поисках выгоды.

Конечно, ребята искали меня.

— Вот он где, а мы его ищем по всему Хопа! — Того улыбался во весь рот, что на голодный желудок было более или менее странным. Я взглянул на Омара. Он был явно чему-то очень рад, хотя и старался скрыть это. Под конец он не выдержал и засмеялся, громко и немного истерично.

— А где Степко? — почему-то заволновался я.

Оба повернули головы в сторону спускающегося к пляжу откоса, у подножья которого стоял Степко и словно тореадор размахивал своим пальто.

Я вскочил на ноги, чтоб лучше его видеть и понять причину его столь странного поведения. После каждого взмаха пальто Степко делал прыжок в сторону, словно пропуская разъяренного быка, а затем следовал новый взмах пальто и опять прыжок в сторону.

— Что он, с ума сошел? — спросил я ребят. Степко проделывал все это не только вполне серьезно, но и с ожесточением.

— Нет, это... Ха, ха, ха!.. — схватился за живот Того.

— Он... Ха, ха, ха!.. Он забрался туда, куда свалили издохших собак... а они как набросились на него!.. Ха, ха, ха!.. — почти визжал Омар.

— Кто, собаки?

Омар задыхался от смеха, и мне пришлось повернуться к Того и ждать, пока он тоже немного успокоится.

— Он пошел туда, где свалены отравленные собаки, ха, ха, ха!.. А мы шли немного поодаль, — переборов смех, заговорил Того. — Он сказал, что вчера видел на одной издыхающей собаке красивый ошейник...

— Будто другие не могли его видеть!.. — уже зло вставил Омар.

— Влез в самую кучу. И вдруг как побежит!.. Смотрим, а он весь черный от блох, даже лица не видно!.. — Того снова захохотал.

— Чего смеетесь, ведь блохи, нажравшись трупным ядом, становятся смертельно опасными... и Степко может сдохнуть... то есть умереть... — я решил разыграть ребят.

Того перестал смеяться и с недоверием смотрел на меня.

— Ну и пусть сдохнет! — с какой-то удалой веселостью сказал Омар.

Мы направились к Степко, который упорно продолжал делать «пассы» и «вероники» — отряхивать с пальто блох и отскакивать от них в сторону. Увидев меня, он очень деловито, хотя и прерывисто разъяснил:

— Вот выгоню их с пальто... затем надену его... и выгоню их с остальной одежды.

Но человек предполагает, а блохи располагают. Степко пришлось пять раз повторить задуманную им стратегию — спринтовать от кучки одежды до пальто и от пальто до кучки одежды, пока он, как говорят военные, не оторвался от врага.

В тот же вечер Степко серьезно заболел. Какая у него была температура, не могу сказать точно, но вне всякого сомнения очень высокая, потому что он отказался от еды.

Ночью в пекарне, где мы расположились на ночлег, Степко так метался на раскаленном песке, что пришлось спуститься к пекарям за советом. Самый старый пекарь, с седыми волосами на макушке и розовыми щечками младенца, посоветовал натереть Степко водкой и влить в него этой же водки по возможности побольше. Он сказал также, где ее можно достать, — оказалось, у него самого.

Того, как я ожидал, оказался на моральной высоте и предложил принять участие в покупке необходимого лекарства. Омар же, еще более категорично, чем всегда, отказался лечить «шантажиста».

Омар, разумеется, был отстранен от врачевания и для вида посапывал где-то рядом в темноте, пока я и Того с посильным участием благоухающего «лекарством» Степко проверяли лечебные качества второй, уже сугубо для лечебного персонала купленной бутылки. Все, что при этом говорили я и Того, вне всякого сомнения, было великолепными тостами за «дружбу до гроба», «самопожертвование», «всепрощение» и тому подобное. Сколько ни пыхтел в своем углу Омар, мы его не позвали. Мы решили, что это отучит его быть мелочным и злопатыным.

На другой день мы вышли из пекарни довольно поздно, первое, что увидели, это стоящий у причала пароход.

Отплывали мы ранним утром, когда перед глазами, словно застиранная простыня, стоял грязно-белый туман, мешая увидеть то, о чем каждый из нас втайне мечтал. Долго стояли мы, ухватившись за фальшборт, в надежде увидеть хоть краешек земли своих отцов, но тщетно...

Кричали сопровождавшие пароход чайки, мерно дрожала под ногами железная палуба, и слышно было из машинного отделения, как ходили шатуны. А собственное тело заполнялось чем-то очень тяжелым и неприятным, что спирало дыхание, сжимало сердце и наливало кровью глаза. Я знал — это была ярость. Бессильная ярость, способная толкнуть на убийство первого встречного или на самоубийство.

И все же, когда мы были уже очень далеко, взошедшее солнце рассеяло туман, и мы увидели в затянута фиолетовой дымкой дали врезающиеся в голубое небо белоснежные вершины Кавказского хребта.

тельство пробуждения и конца кошмара, я очень обрадовался... но, к моему удивлению, кошмар продолжился: я опять проваливался куда-то в пропасть, и эта спасительная лампочка проваливалась вместе со мной и опять же со мной взбиралась затем на головокружительные вершины, чтобы снова ринуться в пропасть.

Не сразу до меня дошло, что это шторм, и не такой уж слабый. Я со злорадством подумал о том, как теперь ребята будут утверждать, что они «рождены для моря». Вскоре мне самому стало так плохо, что надо было немедленно выходить на воздух.

Когда я слез с нар и, еще держась за них, случайно взглянул на ребят, то увидел желто-синие лица умирающих и три пары направленных на меня очень грустных глаз.

— Чепуха! Разве это качка!?! — произнес я тоном капитана дальнего плавания, в то же время обдумывая, как дойти до двери, не роняя своего авторитета.

Выдвывая восьмерки, я добрался до железной двери, с трудом открыл ее и вышел.

Светало, громадные темно-свинцовые волны с белым кружевом пены на гребнях то пропадали на дне глубокой пропасти, то горой вздыбывались над судном. В лицо бил сильный ветер, обдавая брызгами, и было очень холодно.

Пришлось через несколько минут вернуться обратно, конечно, приняв самый независимый вид.

Когда я подошел к нарам, жалкие, измученные глаза ребят снова устались на меня.

— Разлеглись, словно покойники!.. — презрительно проговорил я.

Они закатили глаза, а я молодецкато полез на нары.

Наступивший день был еще ужаснее, так как шторм все усиливался. Тщательно стараясь удержать свой желудок на положенном ему по топографической анатомии месте, я все же умудрялся выдержать марку — я помогал ребятам выходить на свежий воздух, приносил им протухшую парходную воду.

Лиха беда начало: все остальные дни шторм не стихал, а я продолжал корчить из себя добровольную няньку, в то же время проклиная свое самолюбие, заставляющее меня это делать, и ребят, которые никогда не смогут оценить такого самопожертвования.

ПЕРЕВОД АВТОРА

ДИДРО

РАССКАЗ

Не в пример соседям, возвратившимся с русско-турецкой войны с чинами и медалями, Эдемика Вешапидзе умудрился привезти из Порт-Артура дурную болезнь... Потом нарек своего безмозглого отпрыска звучным именем — Дидро и со спокойной совестью отправился на тот свет, заставив четырех дюжих мужиков тащить себя на кладбище Концхоула...

Осиротевший Дидро, со своей стороны, с завидным усердием и убедительностью опроверг учение своего великого тезки, французского просветителя Дени Дидро о врожденном таланте человека, навсегда застряв на рубеже между дважды два и трижды три.

— Э-эй! Дидройя — портартурский шпион!

— Ау! Дидройя — оймаковский выкормыш! — надрываются, задыхаясь от смеха, гутурские ребятишки на берегу Супсы.

— Вот я вас, мерзавцы! Стойте-ка там, сукины дети, погляжу, какие вы молодцы! — кричит Дидро, гоняясь с камнем в руке за рассыпавшимися в прибрежной рощице озорниками.

Не поймав никого, он с бранью и ворчанием убирается восвояси.

— Дидройя-ежик!

— Дидройя-ломовой!

— Дидройя-мылоед! — несется вслед за убегающим трусцою Дидро. Потому уставшие от преследования мальчишки с разбегу бултыхаются в прохладные воды водоворота Самгелиа.

Не было случая, чтобы Дидро бросил в детей камень. Замахнувшись на своих мучителей, он тут же опускает руку, внимательно разглядывает зажатый в кулаке камень, потом осторожно, словно жемчужину, прячет его в карман изодранных брюк.

Диковинными именами вроде Дидро в Гурии никого не удивить. Только в одном Гутури до войны жили чегыре Отелло, восемь Гамлетов, семь Шекспиров, пять Дездемон и три Офелии. И никто никогда не гонялся за ними с криками и улюлюканьем.

Дидро был исключением. Дидро, кроме собственного имени, имел еще три прозвища: Ежик, Ломовой, Мылоед.

Ежиком прозвали его благодаря топорщившимся, словно колючки ежа, волосам, и еще потому, что, заключив пари, ухитрился он голой ногой сдирать с каштанов колючую шкурку.

Ломовым Дидро прозвали потому, что не было на селе человека сильнее его. Не раз видел я, как он с перекинутыми через оба плеча тяжеленными хурджинами и огромными, полными до краев корзинами в обеих руках шагал из села в районный центр. Лишь неопытный новичок или человек без сердца и совести позволил бы себе в такой момент поздороваться с Дидро! Не сниская поклажи, он останавливался и, словно навьюченный верблюд с вытянутой шеей, взбухшими от напряжения жилами, вступал в беседу:

— Что-то не признал я тебя... Ты чей?

— Это я — Нодар, внук Кишварди!

— Кишварди? Повара гутурской столовой? Ай, какими котлетами он меня кормил бесплатно... Ты откуда?

— Из города.

— Ну, как там? Все спокойно?

— Спокойно.

— И на сколько дней ты приехал?

— На неделю.

— Ау, и за неделю ты думаешь стать человеком? Погляди на себя — кожа да кости!

— Дидройя, хватит болтать, опоздаем на автобус! — торопит его путник.

— Дай поговорить с человеком! А нет — так брошу эти вонючие мешки на дорогу, и плевал я на твои три рубля, понял? — предупреждает его Дидро, а потом говорит мне:

— Знакомься. Это — сын Ладико Каландадзе!

— Знаю его, Дидро!
— Ау, как обрадуется твоя тетка!.. А ты слышал, что твоего племянника Тамаза укусила змея?
— Как же, Дидро, ведь я был здесь!
— Да? А что его призвали в армию, знаешь об этом?
— Знаю.
— Смотри ты, все он знает! Что же ты сюда ехал. Сидел бы в своем городе! — обижается Дидро.
— Ну коли так, вернись обратно.
— Ни шагу отсюда! Вот донесу ему эти паршивые мешки до автобуса и мигом вернусь!

Дидро почти бегом срывается с места. Потом вдруг останавливается, обращившись ко мне и жалобно просит:

— Не зови меня Ломовым, ладно? А я бесплатно донесу твой чемодан до села, ладно?

Я глотаю подступивший к горлу комок и, улыбаясь, киваю головой, хоть мне хочется не улыбаться, а плакать. Потом я отношу свой чемодан к краю дороги, сажусь на него и жду возвращения Дидро.

Что касается прозвища Мылоед, то им Дидро был наречен в моем присутствии года три тому назад. Я только приехал в село на каникулы. Был воскресный день. Гутурские бездельники, собравшись в парикмахерской, с наслаждением внимали словопрению Дидро и парикмахера Эвтиме-брюхана. Когда я вошел в парикмахерскую, спор был в самом разгаре. На меня никто не обратил внимания.

— Хорошо, уважаемый Дидро, задай мне еще одну загадку. Не сумею отгадать — целый месяц буду брить тебя бесплатно! — упрашивал парикмахер напыжившегося Дидро. (Во всем селе Эвтиме-брюхан был единственным человеком, обращавшимся к Дидро с почтительным «уважаемый». Дидро, разумеется, не понимал издевательства).

— Так и быть, уважаемый Эвтиме! Вот тебе моя задача: на границе Японии и Америки сидит на заборе петух — головой к Японии, хвостом — к Америке. И вдруг снес петух яйцо на самой на линии границы. Кому принадлежит яйцо — Японии или Америке?!

В ожидании ответа Дидро сощурил глаза.

— Америке! — воскликнул Эвтиме.

— Почему? — спросил Дидро с иронией.

— Потому что хвост петуха обращен к Америке!

— Это ничего не значит! — окатил парикмахера холодной водой Дидро.

— Японии! — поспешил поправиться Эвтиме.

(Развязка этой опостылевшей загадки Дидро не нравится: петух не несется — это известно каждому. У Дидро подготовлен свой собственный новый, интересный финал).

— Эй, ты, чудак! — обратился он к парикмахеру. — Да разве Америка и Япония граничат друг с другом?!

Парикмахерскую потряс дружный хохот.

— Твоя взяла, уважаемый Дидро, ничего не поделаешь! — развел руками Эвтиме. — Но где ты выучил эту загадку?

— Где? В Порт-Артуре! — ответил Дидро так, словно вчера вернулся оттуда.

— Но когда же ты успел побывать в Порт-Артуре, уважаемый Дидро?

— А где, по-твоему, были я и мой отец в девятьсот четвертом?

— А мать? Где была твоя мать?

— Ну, что мне говорить с этим чудачком! — обратился Дидро к нам. — Скажите, люди, ведь мой отец женился на моей матери после возвращения из Порт-Артура?

Все согласно закивали головой.

— Но ты-то? Где же ты сам был в то время? — не отставал парикмахер.

— Я? Я находился в своем отце!

— Вот так память! — воскликнул Эвтиме, потом встревоженно посмотрел на Дидро и сказал:

— Уважаемый Дидро, никак температура у тебя! Покажи-ка язык!

Дидро вздрогнул. Сперва он окинул нас подозрительным взглядом, потом скромно высунул кончик языка и стал скошенными глазами разглядывать его.

— Ну, уважаемый Дидро, по кончику языка я ничего не узнаю! Высунь язык как следует, жалко тебе, что ли? — настаивал Эвтиме.

Дидро напрягся, выкатил глаза и почти на целую пядь выбросил свой огромный язык. И в тот же миг парикмахер мазнул его по языку мыльной щеткой.

— Эоу-у-у! — замычал Дидро, схватил грязную парикмахерскую салфетку, засунул ее в рот и высочил в дверь.

С тех пор к прозвищам Дидро добавилось третье — Мылоед.

— Ау-у-у! Дидрой-мылоед, портартурский шпион!

— Эге-ге-ей! Дидрой-мылоед, оймаковский выкормыш!

— Дидрой-мылоед! — надрываются, задыхаясь от смеха, гутурские ребяташки на берегу Супсы...

Это произошло весной прошлого года, в мае. Я приехал в село, чтобы помочь тете в ремонте дома — надо было менять черепичную кровлю.

Стояли горячие дни сбора чайного листа. Опасаясь за выполнение плана, районное руководство вывело на плантации всех поголовно — директоров и учителей, учеников и сторожей, парикмахеров и портных, сапожников и продавцов, доярок и птичниц... По просьбе бригадира Сергия в то утро вышел на работу и я.

Склон холма зеленел молодыми, свежими, сочными побегами чая. И в этом зеленом море, словно цветы на ковре, пестрели желтые, белые, красные, синие кофты, сорочки, блузки и майки гутурских девушек и парней.

Чай в основном, разумеется, собирали женщины и школьники. Некоторые из мужчин помогали весовщикам, другие разносили корзины с чаем, а больше топились в тени, дымили сигаретами и самокрутками и обсуждали проблемы мировой политики.

Я вел учет собранного чая. Вдруг кто-то крикнул:

— Дидрой идет!

Дидро, с раскрытым в улыбке до ушей ртом, спускался сверху. Он щедро раздавал во все стороны приветствия и в то же время, размахивая зажатым в руке камнем, предупреждал детей:

— Смотрите, пацаны! Не смейте называть меня Мылоедом, иначе вниз головой спущу вас по склону!

— Здорово, Дидрой-ежик! — крикнул кто-то.

— Ну, что я вам сказал?! — остановился Дидро.

— Сказал — не называть Мылоедом! — ответил другой.

— Ежик, Мылоед, какая разница?! — спросил строго Дидро.

— Ну так здравствуй, Ломовой! — поправился третий.

— Опять! — Дидро недовольно поморщился.

— Что же им делать, уважаемый Дидро! — вступился за детей Эвтиме-брюхан. — Как же тебя называть?

— Лучше уж портартурским шпионом!.. По крайней мере, всем известно, что я не шпион!..

Дидро подошел ко мне, хлопнул по плечу и сказал:

— Запиши меня в список, внук Кишварди!

— В который, Дидро? Сборщиков, весовщиков или грузчиков?

— А что, по-твоему, лучше?

— По-моему, лучше прилечь в тени под деревом, Дидро!

— Болван! Лежать в тени я мог и у себя дома! Запиши в грузчики!

Я записал.

— Как ты там написал? — усомнился Дидро.

— Дидро Эдемикович Вешапидзе, — прочитал я.

— Покажи.

— Пожалуйста!

Дидро долго всматривался в тетрадь, потом позвал парикмахера и спросил:

— Правду он говорит?

— Точно, уважаемый Дидро!

— Там не написано ни Ежик, ни Ломовой, ни Мылоед?

— Ничего подобного, уважаемый Дидро!

— А-ну, подоби-ка мне! — крикнул обрадованный Дидро и бросился к огромной корзине.

— Эта корзина слишком тяжела, лист пока влажный, уважаемый Дидро! — предупредил парикмахер.

Дидро снисходительно улыбнулся, подхватил стоявшего тут же мальчугана, поставил его на корзину и приказал:

— Ну-ка, нажми как следует!

Мальчик принялся ногами утаптывать лист. Чай в корзине опустился почти до половины.

— Теперь добавьте! — сказал Дидро.

Добавили.

— Еще!

Добавили еще. Корзина наполнилась до краев. Мальчуган продолжал трудиться добросовестно.

— Хватит тебе, сукин сын! — прикрикнул на него парикмахер. — Не видишь, сок уже капает!

Мальчика согнали.

Дидро обхватил корзину, приподнял.

— Мало! И это — плод труда всего села? Положите сверху еще мешок.

Положили мешок.

— И второй!

— Ну, теперь все! Не потянет! — заявил Эквтиме.

— Держу пари! — предложил Дидро.

— Идет! Сто раз брью тебя бесплатно! — выпалил парикмахер.

— Нет, уважаемый, ты и так задолжал мне на два года вперед! Ты, внучек Кишварди! Давай поспорим на брюки! — Дидро выразительно посмотрел на свои техасские джинсы.

— Зачем спорить, Дидро, я просто отдам их тебе.

— Я не нищий! — обиделся Дидро.

— Ну, что ты! Разве я... Вот пойду домой, сменю брюки и сам тебе их принесу.

Дидро еще раз потряс корзину и чуть поколебался, но отступить не стал.

— Поднимите! — сказал он решительно и опустился на колени, спиной к корзине.

Кто-то принес веревку. Ее два мешка привязали сверху к корзине, и четыре человека с трудом взвалили ее Дидро на спину.

— Держись, Дидройя-ломовой!

— Не подведи, Ежик!

— Давай жми, Мылоед!

Дидро выпрямился и тут же покачнулся, но быстро ухватился за тунговое дерево, растопырил ноги.

— Ау, Дидройя, убери руку, иначе проиграешь пари! — крикнул кто-то.

Дидро поспешно убрал руку и еще раз пошатнулся.

— Дидро, брось, ради бога, корзину и бери хоть сейчас мои брюки! — попросил я.

Но удержать Дидро было уже невозможно.

Первый десяток метров он, словно пьяный, прошел зигзагами, вихляя из стороны в сторону. Затем постепенно выпрямил шаг и наконец пошел медленно, но твердо и уверенно.

Ремни корзины глубоко врезались в плечи Дидро, жилы на лбу и шее взбухли, глаза налились кровью.

— Останови его! — попросил я Эквтиме-брюхана.

— Скорее Супсу остановишь, чем его! — ответил он.

До приемного пункта было метров триста. Затаив дыхание люди молча взирали на еле видневшуюся под огромной ношей человеческую фигуру. Потом толпа ожила, ахнула и хлынула следом. Впереди бежали дети.

— Давай, Дидройя!

— Еще немного и брюки Нодара — твои!

— Жми, жми, Дидройя!

— Обойди сейчас его спереди и поздоровайся с ним! Вот будет потеха! — пошутил кто-то.

Толпа взорвалась хохотом.

— Давай, Дидро, осталось десять шагов!

— Восемь! Шесть!..

— Крепись, Дидройя! Еще четыре шага...

— Молодец, Дидройя! Один шаг!

Не снимая корзины, Дидро опустился на землю. С минуту он сидел, не двигаясь, с онемевшими руками и ногами. Потом, когда с лица сошла синева и побелевшие, как мел, губы вновь обрели свой естественный цвет, Дидро широко улыбнулся и навзничь опрокинулся на траву.

Четыре человека кое-как подняли корзину на весы. На чашку поставили гирию, другую, подвесили третью, четвертую. Язычок весов не трогался с места. Тогда принесли трехкилограммовый камень, привязали к чашке. У весовщика Бенедикта от удивления глаза полезли на лоб.

— Вы что, сукины дети, решили угробить человека? — рявкнул он.

— Сколько? — спросил кто-то.

— Сто сорок одно кило!

— Ау-у-у! — вырвалось у толпы.

Все обернулись к лежащему в траве Дидро, но его там уже не было.

— Дидройя, где ты?

И вдруг увидели: с поникшей головой, болтавшимися, словно плети, руками Дидро спускался по тропинке вниз, к берегу Супсы. И впервые за всю

его жизнь вдогонку не раздалось ни Дидройя-ежик, портартурский шпион, ни Дидройя-ломовой, ойямовский выкормыш, ни — Дидройя-мылоед!..

«141 кг», — записал я красным карандашом против фамилии Дидройя-миковича Вешапидзе и закрыл тетрадь.

Вечером я завернул в газету свои тexasские джинсы и направился к Дидро. Двухкомнатный, крытый дранной домик Дидро стоит у самого берега Супсы. Все свое детство я провел здесь, в этих местах, и ни разу мне не приходило в голову заглянуть в этот дом. Не знаю, было ли это проявлением естественного чувства страха или стеснения, которое люди во всем мире питают к жилищу одинокого человека...

Помню, в весеннюю пору я часто часами стоял на берегу, с трепетом ожидая, что взбуршевавшая Супса вот-вот унесет убогое жилище Дидро. Но шли годы, а домишко стоял как ни в чем не бывало. Я как-то поделился своими опасениями с дедушкой, и тот ответил:

— Что — ты! Ты — дите! Вот я, старик, с самого моего детства во время каждого паводка прощаюсь с этим домом, а он хоть бы что! Знал Эдемника-бестия, где ставить дом! Фундамент под ним — сплошная скала, да такая, что ей нипочем даже две Супсы, вместе взятые! Так-то, сынок!..

Нынешней весной Супса разбуршевалась как никогда... И теперь, вступив во двор Дидро, я сперва испытал тот знакомый с детства страх, а потом радость оттого, что крепко и уверенно домик стоял на своем месте и единственным в этой ночи горящим окном взирал на сумасбродную Супсу.

Известно: слабоумные люди питают сильную любовь к животным, особенно — к собакам. Поэтому я ничуть не удивился, когда целая свора собак бросилась ко мне, виляя хвостами и повизгивая. Лишь одна из них угрожающе ощерилась и залаяла, и я сразу понял, что это — собака Дидро, потому что в чуждом дворе собака никогда не лает на посторонних. Я остановился и, не зная клички собаки, на всякий случай позвал ее:

— Дидро, Дидро!

Собака тотчас же успокоилась, подбежала ко мне и стала ласково тереться о мои ноги, словно приглашая в дом, потом побежала вперед, оглянувшись на меня и поднявшись на балкон. Я последовал за собакой.

Дверь в комнату была открыта. На старинном круглом столе посреди комнаты чадила коптилка. В углу комнаты на низеньком столике виднелась икона богоматери, а перед ней — высохшая ветка вербы. На левой стене висели два выцветших портрета — молодой женщины и усатого мужчины в черной чохе. («Родители», — мелькнуло у меня в голове). Под портретами стояла тахта, а на тахте лежал Дидро. На маленьком треножном стулике у изголовья стоял мокрый кувшин, и еще один плетеный стул с круглой спинкой стоял рядом. Вот и все, что я увидел в комнате. Впрочем, нет, под потолком висела электрическая лампочка, но она не горела.

— Можно к тебе, Дидро? — спросил я тихо.

Дидро улыбнулся и, приглашая сесть, глазами показал на плетеный стул.

— Отдыхаешь, Дидро? — спросил я.

Он отрицательно покачал головой.

— Нездоровится?

Дидро кивнул.

Мне стало не по себе. Подойдя к тахте, я взял кувшин, приподнял голову Дидро и дал ему напиток.

— Что у тебя болит, Дидро?

— Оборвалось, — прошептал он и облизнул губы.

— Что оборвалось, Дидро? — спросил я также шепотом.

— Не знаю... Вот здесь... И здесь... — Дидро приложил руку к сердцу, потом к правому виску.

Только сейчас я заметил, что лицо у Дидро было серым, а глаза — испуганными.

— Так я сбегал за врачом!

— Нет! Не оставляй меня! — Дидро схватил мою руку и сильно сжал ее. Дидро не сводил с меня глаз.

— Сколько получилось? — спросил он.

— Что, Дидро? — не понял я, но потом сообразил — он спрашивал про чай. — Сто сорок один килограмм, Дидро!

— Это много?

— Очень много!

— А все же?

— Восемь пудов и тринадцать килограммов.

- А это много?
- Семнадцать батманов и пять килограммов.
- Да, немало...
- Ну, я побежал к врачу!
- Нет, нет! Не уходи! — Дидро опять схватил меня за руку.
- Да, Дидро, я ведь брюки принес, — сказал я смущенно.
- Какие брюки?
- Какие! Ведь ты выиграл пари!
- Ты что, парень, шуток не понимаешь?!
- У меня их две пары, Дидро...

Дидро посмотрел на завернутые в газету брюки, которые я положил на стол, задумался, потом повернулся ко мне и тихо сказал:

— Поклянись отцом, поклянись матерью, поклянись всеми, что не оставишь меня!

— Клянусь отцом, матерью, всеми, что не оставлю тебя! — голос у меня задрожал.

— Подойди теперь к шкафу и выдвинь нижний ящик.

Я подошел к шкафу, нагнулся и выдвинул маленький нижний ящик. Он был полон бумажными деньгами — рублевыми и трехрублевыми.

— Есть там что-нибудь? — спросил Дидро.

— Есть. Деньги.

— Сколько?

— Много.

— А все же?

— Рублей сто — сто двадцать.

— Хватит на брюки?

— Ты с ума сошел, Дидро?

— Иди сюда, садись рядом со мной!

Я подошел. Дидро взял мою руку и заговорил:

— Эти деньги твои, Нодар! Сейчас я умру... Хоронить меня в моих брюках — грешно... Сними их с меня и надень твой брюки... Только не сейчас. Сейчас мне станет больно... Потом, после моей смерти...

Дидро закрыл глаза и надолго умолк. Если б не его горячая рука, сжимающая мою кисть, я принял бы его за спящего. Вдруг Дидро встрепенулся и привстал.

— Нодар, парень, рассвело! Стало светло, Нодар! Слышишь, парень, светло кругом! Все стало на свои места, все улеглось — дом, роща, Супса, собака, корова, кувшин, икона, мать и отец мой! — он выглянул в окно. — А вот и бог! Показался бог, Нодар! Слава тебе, господи! Как ты сумел осветить все? Покажись Нодару, великий боже! Дважды два — четыре, а трижды три — девять! — Дидро правой рукой дотронулся до своего виска. — Вот где стало светло!.. Я вижу теперь все! Я умираю внутри, во тьме, и выхожу наружу, на свет! Все мои боли остались там, внутри! Выйди на свет, моя душа, выйди!.. А что ты делаешь, боже?! — крикнул вдруг Дидро. — Убиваешь меня, боже?! Теперь, когда стало светло, когда ты всему отвел свои места, теперь ты хочешь отнять у меня душу?!.. Стой, боже! Не делай этого, господи!.. Нодар! Не разрешай ему! Попроси его, пусть не убивает меня! Пусть он покажется, поговорит с тобой! Умереть теперь, когда я перестал быть Ежином, Ломовым и Мылодом?! Скажи ему, попроси его, Нодар, пусть подарит мне хоть один день жизни! Попроси!.. — Дидро постепенно понижал голос, и последние слова произнес шепотом. Он опрокинулся навзничь, и теперь лишь по движению его побледневших губ можно было догадаться, что он продолжает уговаривать меня попросить бога о продлении его жизни.

Я хотел вскочить, бежать, звать на помощь, но Дидро по-прежнему крепко держал меня за руку. И тогда я закричал:

— Помогите, люди! Дидро умирает! Эй, люди, зовите врача! Э-е-е-й! Выходите, люди, помогите Дидро!..

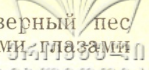
Ревела Супса, в припадке дикой злости угрожавшая разрушением всему вокруг. И никто не услышал моего крика. Тогда я упал на колени и обратился к иконе богоматери:

— Не убивай, боже, нашего Дидро! Разве можно убивать его теперь, когда все у него пошло на лад, когда все для него стало светло и ясно?!

Я почувствовал, как постепенно слабеет рука Дидро. Потом пальцы его разжались, и кисть руки медленно сползла к стоявшему на тренажном стульике кувшину.

Дидро больше не дышал.

— Эх, боже, где твоя справедливость?

Я встал и вышел во двор. Давешние собаки исчезли. Лишь верный пес Дидро лежал у ворот, уткнувшись мордой в передние лапы, и умными глазами глядел на меня.

Серые облака покрывали небо. И сквозь них, словно скрывающийся от преследователей преступник, украдкой пробиралась луна.

С воем и ревом бросалась на берег сумасшедшая Супса. И я, как в детстве, испугался, что вот-вот она снесет домик Дидро. Ну и черт с ним!

— Боже, пусть волна разрушит и смоем этот несчастный дом, пусть! — крикнул я. Но слишком громко шумела Супса, и всевышний не услышал моего голоса. Дом по-прежнему стоял себе, не ставя ни во что буйство бесновавшейся реки.

Я покинул двор. Собака поплелась за мной.

— Ты куда, пес?

Словно устыдившись, собака опустила голову и поджала хвост. Пройдя несколько шагов, я оглянулся. Собака шла за мной.

— Ты откуда, парень? — услышал я вдруг окрик.

Это был Теймураз Чанишвили, наш аптекарь.

— Был у Дидро...

— Ну и как он, Дидройя-ломовой?

— Умер, Дидро, уважаемый Теймураз! Нет его больше, скончался...

— Да ты что? Не может быть! — вскрикнул Теймураз и потом добавил: — А впрочем, так оно и лучше... Ну что за жизнь была у несчастного? Одно мученье... Слава тебе, господи! — аптекарь перекрестился и быстрыми шагами направился к дому Дидро. Собака поплелась за ним.

...Я взглянул на небо. Луны уже не было. Луна успела скрыться...

Перевод Зураба АХВЛЕДИАНИ

ОЖИДАНИЕ

РАССКАЗ

Очнувшись после тяжелого похмельного сна, Бидзина высунул руку из-под сверкающего белизной одеяла и потянулся за папиросами. Но папирос на стуле не оказалось.

Прошлой ночью он напился, еле дотащился до дома и свалился на лестнице. На шум выбежала Лена, в одной рубашке, втащила Бидзину в дом, уложила, дала лекарство. Прикладывая к сердцу теплый компресс и щупая пульс, выговаривала:

— Три года живете у меня в доме и все пьете, пьете. Пьете и курите. Табак и водка. Можно подумать, что вашему больному сердцу только того и надо...

С первой же встречи очаровала Бидзину белолицая, стройная Лена. «До чего же хороша!...» — восхищенно проговорил он. Но когда в ответ зеленые — чуть не в траву цветом — глаза Лены вспыхнули насмешливой уничтожающей улыбкой, Бидзина растерялся. С тех пор он молчал, словно воды в рот набрал.

Бидзина поглядел в окно на снег, поблескивающий под бессильным солнцем северного мая, на грачей, перепархивающих с дерева на дерево. По проселочной, переваливаясь на ухабах, катился грузовик.

Двое мужчин на дороге посторонились, пропуская машину. Бидзина издали узнал Алешу Кузнецова и Ивана Орлова. Кузнецов был высокий, поджарый, Орлов — коренастый, мордастый. Обычно с наступлением сумерек оба поджидали Бидзину возле аптеки и, заискивая, улыбаясь, уговаривали завернуть в закускую. Домой приходили редко — боялись Лены.

Сейчас они остановились на краю дороги и о чем-то говорили, кивая вслед проехавшей машине и размахивая руками: верно, обсуждали — идти с утра к Бидзине или не идти. Увидев за рулем грузовика Лену, дружки призадумались. Лена была крепкая, сильная. Говорили, что рука у нее тяжелая, как у дожего молодца. Видимо, это обстоятельство сдерживало пьяниц сильнее, чем опасе-

ния выслушать разносы острой на язык девушки.

Лена поставила машину у ворот, счистила грязь с сапог и вошла в дом.

Кузнецов с Орловым трусцой пробежали через двор и постучали в дверь к Бидзине.

Лена толчком распахнула дверь, спросила грубо:

— Чего надо?

— Нам бы твоего постояльца... — с умильной миной на лице отозвался Кузнецов. — На два слова...

— Немедленно покиньте двор!

— Не сердись, красавица, — все еще не теряя надежды, пытался подольститься Кузнецов.

— Я сказала — сейчас же вон со двора!

— Ну ладно, не шуми. Пусть даст на бутылку, и мы пойдем. Он у тебя добрый, не откажет.

— Что же вы, всю жизнь за его счет пить будете? Убирайтесь сию же минуточку, не то...

— Уйдем, ну ее. У этой ведьмы зимой снега не выпросишь. — мрачно буркнул Орлов на ухо приятелю и направился к калитке.

Перед тем как последовать за другом, Кузнецов насмешливо сощурился:

— Ты чего это постояльцевы деньги бережешь? За хахалю своего экономяю наводишь? — и осклабился было до ушей, но Лена не дала ему договорить. Сбежав с крыльца, она влепила такую оплеуху, что Кузнецов завертелся на месте и упал ничком в снег. Орлов спасся бегством. Кузнецов очнулся не сразу: медленно приподнялся, протер глаза, Отряхнул снег и, уже отойдя от калитки на изрядное расстояние, погрозил Лене кулаком. Лена вошла в дом и захлопнула дверь. Бидзина был в восторге. Присев на кровати и смеясь, он схватил Лену за руку и поцеловал ее широкое запястье. Лена неловко оттолкнула его. Бидзина упал на подушки и, чуть не задохнувшись от ярости, побелел как полотно. Потом лицо его покрылось красными пятнами. Оскорбленный до глубины ду-

ши, он пытался взять себя в руки, кусал губы и тяжело дышал. Да, всего несколько лет назад его не могли сбить с ног самые знаменитые борцы страны. А теперь... И еще раз со всей остротой ощутил он тот след, что оставила на нем война... А кто это сделал? Кто напомнил ему о беспомощности? Любимая женщина...

Иссиня-черные, красиво очерченные брови Лены то сбегались на переносице, то распрямлялись; от внимательного взгляда ее лучистых глаз не ускользало ни одно движение бледного, тонкого лица Бидзины. Лена нахмурилась, повернулась кругом и ушла в свою комнату. Вскоре она вышла из дому, села в машину и поехала в правление колхоза.

С ее отъездом Бидзина сразу обмяк. Он уже не злился на Лену; притихнув и закрыв глаза, он с болью думал о тех днях войны, которые отняли у него право вернуться на родину и забросили в это холодное северное село.

Сердце вело себя скверно: ныло, болело. Он встал. Оделся.

Лена вернулась.

— Сегодня воскресенье. Вы хоть в выходной отдохните, вон какие у вас тени под глазами. Не курите. Ваши папиросы я раздарила галкам. — Лена улыбнулась.

— Схожу в аптеку, там дел невпроворот.

— Голодный пойдете?

— Да.

— Перекусите хоть чего-нибудь.

— Не могу.

— Не обижайтесь, Бидзина, но ваша доброта переходит в глупость. Все пьяницы в округе стараются завести с вами дружбу. Сколько в долг берут, а ни один не возвращает. Если у вас есть лишние деньги, прибавьте мне за комнату.

— Сколько прибавить? — Бидзина горько усмехнулся.

— Я не шучу.

— Я тоже.

— Давайте мне половину вашей зарплаты.

— А может, больше?..

— Каждый месяц шлете деньги матери, тратитесь на папиросы, одалживаете пьянчугам и сами часто пьете, так что больше с вас не получить... Вот я вымою машину и подвезу вас до аптеки — мне в ту сторону, — сказала Лена и, задержавшись в дверях, добавила: — Не обижайтесь.

Лена кормила и обстирывала своего постояльца, но и плату брала с него порядочную. Иногда Бидзина с недоумением думал: Лена работает, и неплохо зарабатывает, для чего ей деньги? Эту чистую ясноглазую девушку, несущую с собой дыхание и аромат весны, не интересовало ничего, кроме работы и книг. Она почти никогда не вылезала из муж-

ского комбинезона и не снимала сапог. В свободный день запиралась дома и читала. С молодыми людьми, которым она явно нравилась, Лена обходилась пренебрежительно.

Она вымыла капот и дверь машины и крикнула Бидзине:

— Поехали!

Бидзина сел в кабину рядом с Леной. Когда его плечо коснулось мягкого ватника Лены, сердце у него сжалось.

— Почему вы сердитесь на меня, Лена, когда я бываю навеселе?

— Бессмысленный вопрос.

— Почему?

— Вы прекрасно знаете, что я терпеть не могу пьяниц.

— Не грубите.

— Я всегда такая.

— Очень жаль. Если б вы заглянули в мою душу, может быть, вы обошлись бы со мной иначе.

— У вас в душе только вино и водка, а я это ненавижу. Напьетесь, потом задыхаетесь, вам не хватает воздуха, вы, видите ли, умираете и просите меня помочь. Так и вправду умереть недолго. Но почему вы не думаете обо мне? Ведь я устаю за день, мне надо отдохнуть. Я и так очень поздно засыпаю.

— Читать перед сном вредно. А вы часто сидите за полночь и читаете.

— Днем нету времени. Но чтение меня не утомляет. Я устаю от вашего сумбура, который вы мне устраиваете. Раз вы так напились, что я подумала: «Ну, не жилец он, до утра не дотянет». Неужели вам самому не противно вспоминать ваши подвиги?

— Нет.

— Горбатого могила исправит. Вот ваша аптека, выходите. — Лена вспыхнула и остановила машину. — Когда заехать?

— Не стоит беспокоиться.

— Я спрашиваю, когда за вами заехать?

— Я не привык к такому вниманию...

— Забыли, что обещали мне половину зарплаты. Надо отработать!

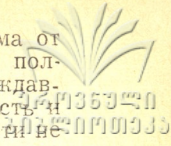
— Вы так любите деньги?

— Очень. Кроме того, снег тает. На улице грязница, вы мне пол затопчете. Лучше уж я побеспокоюсь заранее.

— Нет, вы невыносимы, ей-богу! — Бидзина сокрушенно покачал головой и пошел к аптеке.

У окошка рецептурного отдела стояли старушка и два мальчика.

Бидзина расстроился. Когда в аптеку набивалось много народу и длинные очереди выстраивались у всех отделов, Бидзина переходил от одного рабочего места к другому: помогал провизору, следил за работой фармацевта и ассистентов, спешил, волновался и в то же время испытывал скрытую, тайную ра-

дость — он делал дело, приносил пользу, облегчал кому-то страдание и боль. Когда же в аптеку за весь день наведывалось полтора человека, он чувствовал себя никому не нужным и неудавшаяся его жизнь теряла всякий смысл и цель.

В кабинете его встретила пухленькая блондинка Лида Добрынина. Засуетилась, вспыхнула вся, карие глаза ее заблестели. Бидзина был управляющим аптекой, Лида — его заместителем. Она усадила Бидзину на стул, обвила руками его шею и вдруг поцеловала. Бидзина оттолкнул ее от себя, покраснел, проговорил с упреком:

— Мы с твоим Федором вместе выпивали, в дружбе друг другу клялись. А ты...

Лида расхохоталась.

— Ты чего смеешься? Я отношусь к тебе, как к сестре. Других отношений между нами я не представляю. Не мучай меня, и себя не томи зря. Пойми это, наконец, и оставь меня в покое.

— Что ты выдумываешь, Бидзина! Никакой ты мне не брат, и я тебе не сестра. Я схожу с ума, когда смотрю на тебя.

— Замолчи, услышит кто-нибудь.

— Может быть, ты живешь с Леной? — глаза у Лиды недобро сузились.

— Не смей говорить так о Лене!

— Лена хорошая девушка, ты в ней не ошибся... Бедняжке очень много пришлось пережить. Немцы угнали их с матерью на работы в Германию. Лена была тогда совсем ребенком. А вернулась повзрослевшая, замкнутая, озлобленная... Между вами что-то есть, Бидзина, ты скрываешь...

«Ах, если бы!..» — подумал Бидзина.

— Я не нравлюсь Лене. Она здоровый, нормальный человек, а я...

— Ты любишь ее?

— Нет, при чем это, — солгал Бидзина.

— Тогда почему ты не со мной?

— А Федор? Как мне в глаза ему смотреть?

— Каждый раз, когда у нас приличный обед, Федя меня тормозит: давай пригласим Бидзину.

— Ну вот! А ты на что меня подбиваешь?

— Неужели тебя только это удерживает? Глупый!

— Пожалуйста, оставь меня. Если нас кто-нибудь увидит, нам не оправдаться.

Лида лукаво сощурилась, повела плечами и, постукивая каблучками, быстро вышла.

С того дня Бидзина всячески избегал уединения с Лидой. А она не упускала случая, чтобы, проходя мимо, не шепнуть ему ласкового слова.

Бидзина все чаще получал письма от матери. Последнее ее письмо было полно упреков: отец умер, так и не дождавшись любимого сына; теперь старости хвори принялись за меня; глаза почти не видят и со слухом неладно. Годы прошли, как кончилась война, а ты все не едешь и не едешь, и мне не разрешаешь приехать к тебе. Что случилось? Почему ты отвернулся от нас?

Бидзина достал из нагрудного кармана письмо отца, полученное два года назад; «Еще бы хоть разок увидеть тебя на борцовском ковре, а потом можно и умереть», — писал отец.

Это было последнее письмо отца.

Отец Бидзины, в прошлом прозванный борец, с детских лет тренировал сына. И когда тот — тогда еще первокурсник фармацевтического института — уложил на лопатки знаменитого иранского палавана, отец выбежал на ковер, подхватил сына на руки и расцеловал.

Каждое письмо отца волновало и будоражило Бидзину, звало домой, но он не смел поехать. Ему жаль было отца. И мать тоже было жаль. Смерть отца его совершенно потрясла. Он запил. Но забвения в вине не нашел, только сердце стало пошаливать...

Настойчивые и ласковые письма матери, полные тревоги и заботы, заставили наконец Бидзину подумать о возвращении на родину.

Единственным человеком, с которым ему трудно было расстаться, была Лена.

...Лена положила в чемодан Бидзины какой-то маленький сверток:

— Это от меня вашей маме.

И ушла к себе в комнату. Погодя она появилась опять. В черном платье, бледная, длинноногая, она не вошла, а вплыла черным лебедем.

— Ваши сослуживцы, наверное, придут вас провожать...

— Никто, кроме тебя не знает, что я сегодня уезжаю. Да и некому знать. Извини меня, если я сегодня буду с тобой на «ты». Позволишь?

Лена кивнула.

— Поедем, Бидзина, не то можем и опоздать.

В машине сумрачный, пригорюнившийся Бидзина время от времени приподнимал голову и взглядывал на Лену, не отрывавшую от дороги холодного, исполненного решимости взгляда.

Десять километров до станции проехали молча.

На станции Бидзина купил билет, нетвердым шагом направился к стоящей в стороне Лене. Сердце отчаянно билось, дышалось так трудно, что он боялся задохнуться.

— Войдите в вагон, поезд через несколько минут отходит, — сказала Лена,

когда Бидзина подошел к ней. Потом взглянула ему в глаза и спросила с какой-то вымученной улыбкой: — Вы, кажется, собираетесь заплакать. Что с вами? Ведь я не сказала ничего обидного.

Она взяла Бидзину под руку, прижалась к его плечу и тихим, незнакомым ему голосом заговорила: — Отец у меня был черкес, мать — русская. Отец был вспыльчивый, суровый, скупой на слова, но при этом удивительно мягкий человек. А мать — олицетворение доброты и щедрости. А я вот плохая, бессердечная, верно, Бедзина? Но, честное слово, я все вижу и все понимаю.. Не поминайте меня лихом...

Бидзина поцеловал ее загрубевшие от работы руки.

Загудел электровоз.

Бидзина поднялся на подножку вагона.

Поезд тронулся.

— Если я напишу, ты ответишь?

— Не знаю, — Лена быстро шла за вагоном.

— Прощу тебя...

Поезд прибавил скорость. Лена отстала, остановилась, крикнула:

— Мое письмо получишь по приезду!.. — Закрыла лицо руками, отвернулась. Кровь бросилась в голову Бидзине. Он схватил чемодан, рванулся к дверям, чтобы прыгнуть на ходу, но поезд шел уже полным ходом.

«Сойду на первой же станции и вернусь назад». — взволнованно думал Бидзина.

Однако до ближайшей станции настроение у него переменилось. Он опять впал в тоску и отчаяние.

«Мне незачем туда возвращаться. Лена совершенно равнодушна ко мне, разве я не убедился в этом за три года? Даже на вокзале перед прощанием не желала поговорить со мной — поднимитесь, говорит, в вагон: чуть не силой затолкала. Но что с ней случилось в последнюю минуту? Отчего она вдруг сделалась такая?.. Скорее всего, просто сжалась надо мной... Хотел бы я знать, что она напишет в письме?»

Мысль о письме Лены то пугала его, то радовала, чуть ли не каждую минуту он подходил к своему пальто, висевшему на стене у двери, и смотрел на то место, которого еще недавно касалась темноволосяя голова Лены.

Поздно вечером он вышел на знакомой с детства заснеженной платформе.

Закатал обшлага брюк, чемодан вручил оказавшемуся на станции соседскому парнишке, себе подобрал посошок — для опоры и пошел к отчому дому.

Он внимательно разглядывал знакомые дворы и новые кирпичные дома за высокими плетнями.

Калитку, сколоченную отцом и выкрашенную в яркий зеленый цвет, толкнул грудью и вздрогнул: почудился басовитый голос отца. Откуда-то с тревожным шелканьем вылетел дрозд.

Его не встречал дворовый пес Мурия. Видно, состарился и помер, бедняга.

Зато облаяла соседская собака.

На веранду дома вышла сгорбленная, седая, сильно постаревшая мать. Она сразу же узнала сына, вскрикнула и прижалась к нему.

Поужинали. Сели у камина на двух чурбанах.

Бидзина раскрыл чемодан, достал привезенные матери подарки — отрез на платье, туфли.

— Это вот тоже тебе, хозяйка моя просила передать, — он положил на колени матери маленький сверток.

Мать разрешила ножницами шпагат, которым был перевязан сверток. Развернула газету и вскинула на сына округлившееся от удивления глаза.

— Тут деньги, сынок... И письмо.

— Письмо?! — воскликнул Бидзина, не в силах скрыть радости.

«Мой добрый, хороший Бидзина! Я брала с вас за комнату большую плату, но для вас же собирала эти деньги. И дома и вне дома я каждую минуту чувствовала, что вы думаете обо мне, что я нашла приют в вашем добром сердце. В ваших глазах я всегда видела свое отражение. Но что делать, если я люблю другого! Я познакомилась с ним в городе Щецине, он был такой же пленный, как и я, такой же бесправный... Я не знаю, где он сейчас. Немалый срок прошел с того дня, как кончился война, но мне трудно поверить, что он лежит где-то в сырой земле... Я помню его живым...

Мой отец погиб на фронте, мать умерла у меня на глазах в Щецине. Неужели возможно счастье, способное заглушить боль всех утрат? Мне хочется, чтобы рядом со мной всегда была мама; чтобы я знала — в трудную минуту отец придет на помощь; чтобы я делилась с ними радостями, выслушивала их советы, чувствовала бы их ласку и заботу. Глупо говорить, что старики должны умереть, что это закон природы. У сердца и любви свои законы. Потому-то человек не может примириться со смертью. Разве для дочери или для сына его родители состарятся когда-нибудь?

Мне хочется радости, дорогой Бидзина, той человеческой радости, которую отняла у меня смерть родителей и гибель любимого человека. Уже несколько ночей я думаю о вас, и сердце мое сжимается от боли. Неужели опять одиночество? А я так привыкла заботиться о вас... Если вам трудно будет без меня, если время не сотрет в вашем сердце

мой образ, дайте мне знать.

Лена».

Сухими блестящими глазами Бидзина, не моргая, смотрел на письмо... Ее нарядное платье в тот день, неожиданный мимолетный порыв нежности, когда Лена прислонилась головой к его плечу, заронили в его сердце искорку надежды. Но что же? Оказалось, что Лена любила и любит другого, и все еще ждет и зовет его...

А ведь Бидзина был уверен, что она никого не любит.

Он подтащил тяжелый чурбан поближе к камину, сел и устался на пламя. Черты его лица постепенно смягчились, свет любви и отсвет камина озарили его; веки отяжелели: он видел себя на далекой северной станции, слышала голос Лены, голова ее касалась его плеча...

— Отец мечтал хотя бы раз увидеть тебя на борцовском ковре. Виски у тебя поседел, но ты еще сможешь выйти на ковер, хотя бы в память отца. Ему было почти пятьдесят, когда он побеждал сильнейших борцов.

Слова матери смутно доходили до сознания Бидзины.

Мать принесла теплой воды в тазу.

— Устал с дороги, сынок. Небось, ноги болят. Подержи их в теплой воде — отойдут, и спать будешь лучше.

— Не хочу.

— Ведь ты любил вымыть ноги перед сном?..

— Не хочу!! — не своим голосом крикнул Бидзина.

Мать растерянно заморгала и вся съежилась. Бидзина встал, прижал к груди ее седую голову, сказал мягко:

— Не уговаривай, мамочка. И прости меня...

— Где тебе постелить? — слезы любви и жалости к сыну увлажнили лицо матери.

— В комнате отца.

— Там холодно, ты простудишься.

— Нет, мамочка, не простужусь.

Бидзина погасил свет. Разделся, лег. Он спал беспокойно, ворочался, стонал. Ему снились танки и борцовский ковер.

Мать не спала. Она подбрасывала в камин хворост и щепки, растапливала огонь, чтобы сыну тепло было спать. Чуть дыша, подошла к его постели, хотела подоткнуть одеяло у ног. Осторожно просунула руку под одеяло, поширла. Ступней не было — они были отрезаны по щиколотки. В глазах у нее потемнело. Она пошатнулась, простонала:

— Сынок!.. Горе мне, сынок!..

Перевод Александра ЭБАНОИДЗЕ

Одной из важных сторон нашей литературной критики является «критика критики», так сказать, самокритика критического цеха. За последнее время в этой сфере критики наблюдаются интересные явления, хотя в большинстве случаев статьи, посвященные критике, носили, увы, характер общих рассуждений, общих оценок и наставлений.

В предлагаемой работе критик Гиви Вардосанидзе, известный своими острыми и боевыми выступлениями в этом плане, предпринял попытку дать конкретный анализ ряда литературно-критических работ. Ниже публикуется его статья, анализирующая первые выступления двух молодых грузинских критиков.

Гиви ВАРДОСАНИДЗЕ

ЭХО МОЛОДЫХ ГОЛОСОВ

Советы младшим коллегам

За последние годы в грузинской литературной критике появилось немало новых имен, и этого нельзя не приветствовать, ибо довольно долго ряды наших критиков пополнялись крайне медленно. Наконец молодые силы дали о себе знать. Опубликовав свои первые статьи, новое пополнение сказало свое первое слово. Наш долг — повседневно следя за творчеством молодых критиков, способствовать их скорейшему творческому росту и созреванию.

Молодые критики Джансуг Гвинджилия и Сосо Сигуа сделали лишь первые шаги на этом поприще. И все-таки их статьи уже привлекли внимание. Одна из таких статей Джансуга Гвинджилия («На юге», журнал «Цискари», № 6, 1971 г.) — о книге стихов Вахтанга Джавахадзе. Не ограничивая себя ее рецензированием, критик говорит и о его поэзии в целом. Он делает попытку раскрыть внутренний мир поэта, показать своеобразие его поэзии, стремится объяснить, чем отличается эта книга от прежних, что в ней нового, ценного.

По мнению рецензента, поэзия В. Джавахадзе самобытна и интересна: он усматривает в ней элементы поиска, эксперимента, определенного, что ли, творческого риска, стремление активно утверждать свои поэтические воззрения. Критик находит внутреннюю структуру книги хорошо продуманной. Привлекает его цельность ее содержания и настроения. В книге Джавахадзе, утверждает Д. Гвинджилия, осязаемо восприятие современности. И это одно из ее главных достоинств.

Со всем этим можно как спорить, так и соглашаться. Можно и принять на веру. Поскольку же речь в данном случае идет о молодом критике, важно проследить, насколько точно и убедительно аргументирует он свои соображения, достаточно ли последователен в своих принципах.

Однако, пытаясь обосновать то или иное предположение или положение, Д. Гвинджилия довольно часто противоречит сам себе, бывает неточен. Постараемся это доказать. Критик пишет: «То, что хочет сказать современный поэт и современный человек, в сущности одно и то же, разница в форме выражения, и поэтому акцентировка внимания на этом основном моменте — одно из достоинств поэзии Вахтанга Джавахадзе».

Несколько раньше столь же рьяно он убеждал нас в следующем: «Может, ни в чем так не нуждается грузинская поэтическая культура, как в страстях и волнениях, которыми живет наш век. Поэтому, если даже поэзия Вахтанга Джавахадзе не отвечает этим требованиям, она все же заслуживает внимания, остается значительным явлением».

Как соотносить эти положения?

«Чувством современности настолько пронизано его поэтическое творчество, — поясняет критик свое положение, — что он иногда жертвует формой ради содержания: он доводит его до читателя освобожденным от художественного оформления. И если сфера влияния стихов достаточно велика, то это

заслуга правильной мысли (в них заключенной), а не эстетической функции (нагрузки), которую они несут».

А как же тогда быть с утверждением критика, будто содержание у всех одно и разница лишь в форме выражения, что поэтому Вахтанг Джавахадзе свое внимание акцентирует на этом основном моменте? Кроме того, он явно упрощает сложные явления, когда заявляет, что смысл у всех один. Общие у нас идеология, мировоззрение, позиция. Смысл же неисчерпаем, если под ним разуметь содержание жизни, всегда изменяющуюся и развивающуюся действительность. И задача искусства именно в том и состоит, чтобы для каждой мысли найти соответствующую форму выражения. Чтобы каждая мысль была воплощена художественно, полноценно. Если форма принесена в жертву мысли, если поэт доносит ее до читателя освобожденной от художественной оболочки, это уже не искусство, не поэзия, и нет оснований говорить о какой-либо, тем более большей, сфере влияния стихотворений. В поэзии только та мысль, то содержание правомочны, которые переданы на языке поэзии. Это элементарная истина, во все не исключаяющая первичности содержания в искусстве. Возможно, это невольная ошибка, хотя вряд ли, так как критик повторяет свое утверждение не раз и даже варьирует его. Более того, оно красной нитью проходит через всю статью.

«Отличительная особенность нового сборника Вахтанга Джавахадзе, — пишет Гвинджилия, — это обособленность поэтической мысли, примат поэтической мысли, который в книге так заметен, и, на наш взгляд, это шаг вперед Вахтанга Джавахадзе, потому что этот фактор поэт выносит за пределы поэтической культуры...»

Для чего нам в поэзии такой примат мысли, при котором поэт эту мысль выводит за пределы культуры письма?

Немного ниже читаем: «Поэт принципиально отказывается от художественного мастерства при создании стиха, так как его принцип — в каждом явлении выявить новое содержание и мысль». И еще ниже: «Поэт поставил себе целью утвердить первичность поэтической мысли. Это признак творческой зрелости, так как особенная зависимость от каждого явления, передача душевного настроения как можно в более новом аспекте — обязательны для утверждения всякого оригинального голоса, для пояснения своих позиций. Поэтому и переместилось на задний план в этой книге чувство поэтической формы».

Значит, надо принципиально отказаться от поэтической формы, от художественного творчества, чтобы только в любом явлении обнаружить новую мысль, новое содержание? Но как передать эту мысль, это содержание, если мы принципиально пренебрегли средствами выражения, отказались от них? О какой творческой зрелости может идти речь, если в поэзии мысль не выражена поэтическим языком? С каким новым аспектом передачи душевного настроения и утверждением какого оригинального голоса мы должны иметь дело, когда отрицаем форму, пренебрегаем ею, художественным творчеством, всем тем, что создает поэтическую форму?

«Но чувство поэтической формы, — читаем мы в статье Гвинджилия, — иногда стоит на должной высоте и именно при разрешении тех произвольных тем, которые отстают по своему содержанию. Стихи, посвященные Галактиону (Табидзе), передают душевную неудовлетворенность поэта, волнение больших страстей...»

Оказывается, поэзия Вахтанга Джавахадзе не в таком уж безнадежном состоянии: изредка его все же посещает ощущение необходимости поэтической формы. Но вот беда — это бывает тогда, когда поэт касается незначительных тем. Следовательно, актуальное содержание мешает созданию яркой формы. Она совершенна лишь тогда, когда выражает неактуальные темы, а ведь дело обстоит как раз наоборот: большая, глубокая тема и порождает новые и совершенные формы выражения. И еще — почему критику кажется, что такая тема, как «Галактион Табидзе», незначительна, не актуальна? Ведь в искусстве тема сама по себе еще не все решает. Актуальное значение темы органически сочетается с ее художественной значительностью. Разве можем мы говорить о высоком содержании поэзии, высоких идеях, если содержание, мысль не выражены в соответствующей форме? А между тем в той же статье Гвинджилия есть такое место: «Вахтанг Джавахадзе все-таки иногда входит в отличающий его азарт». Если иногда, то почему же тогда отличающий его? И еще — в начале статьи критик пишет: «Со дня выхода его на литературную арену в представлении читателя он живет как мастер самобытного оригинального почерка». Но если поэт отрицает форму, если принципиально отвергает ее, то как же он умудряется иметь оригинальный самобытный почерк? А может, по мнению критика, именно в отрицании формы, в оскудении художественного мастерства и выражается оригинальность и самобытность поэта?!

Следующие строки сообщают: «Нередко пользуется он подтекстом не как средством прикрытия основной цели, а для придания основной мысли эстетической функции».

Итак, выход найден, оригинальным выражением почерка мы можем считать подтекст. Причем подтекст этот особый — он придает произведению эстетическую функцию. Но ведь подтекст всего лишь частная категория эстетического, а не его выразитель.

В статье Д. Гвинджилия «Мир, полный света» (журнал «Мнатоби», № 9, 1972 г.) разобраны книги Реваза Инанишвили, вышедшие в последние годы: «Голубой клубок», «Где живет сказочник», «Записки вечерней поры».

«Беседой об этих трех книгах мы хотим вскрыть творческую природу писателя, охарактеризовать его интересный духовный мир».

Такую заявку делает критик в самом начале статьи. Далее он постарался разобратся в творчестве Реваза Инанишвили и при этом проявил наблюдательность, во многих случаях сумел правильно объяснить основные моменты его творческого метода.

И все же, несмотря на то, что в целом поставленную перед собой задачу автор статьи разрешил, она изобилует огрехами различного характера. В ней много туманных, неясных мест, несуразностей и неточностей. Отмечая своеобразие рассказов Р. Инанишвили, критик пишет: «...Несколько прекрасных нюансов — и фрагментарно освещен характер человека. Вот весь результат. Это известный художественный прием, и прием достаточно себя оправдавший. И все-таки остается одно условие. После этого все внимание должно быть обращено на целостность взаимоотношений и стремлений людей. Это требуется для широты полотна — это обязательно для совершенства картины».

Именно такими страстями обращает на себя внимание «Голубой клубок». Что же касается его художественных достоинств, он стоит намного ниже многих произведений писателя, но тут дана широкая картина страстей. Ясно освещены движения души человека».

Почему «после этого»? Почему так категорично выделяется из общего творческого процесса фрагментарное освещение с помощью нюансов характера человека? Разве обстановку целостности взаимоотношений людей, их стремлений нельзя передать пусть даже фрагментарно освещенными нюансами характеров? Разве это не единый творческий процесс? «И требуется это не для широты картины — лишь для совершенства ее», — пишет критик. Что — «это»? Сперва осветить характер человека фрагментарно, нюансами, а затем показать в целом взаимоотношения и стремления людей? Если даже мы примем предложенный критиком вариант творческого процесса, то почему он обязателен лишь для совершенствования картины и не годен для широкого полотна?

Ведь примеров таких художественных полотен, где характер — и не один, и не два — передан именно с помощью нюансов, отдельными штрихами и деталями, немало. И потом — не из отдельных ли картин и эпизодов состоит большое полотно?

Почему же критику не нравится «Голубой клубок» с художественной точки зрения, если тут дана обширная картина человеческих страстей и движения души человека освещены полно и ясно?

«Предмет, который пытается описать Реваз Инанишвили, — читаем мы в статье, — он признает только в художественном облачении. В грузинской прозе только у одного-двух писателей заметны такие переходы одного в другое художественных выражений и нарисованной картины».

Как понять признание предмета в художественном облачении? Что значит — «переход одного в другое художественных выражений и нарисованной картины»? Понять это невозможно даже после приведенного автором для подкрепления своего утверждения богатого иллюстративного материала. Надо было просто сказать, что обыденное явление увидено глазами художника или — описано художественно.

Видно, критик сам почувствовал в этом необходимость и после цитат из рассказа пришел к такому ясному выводу. «Это живописание служит тут не поверхностному эмпирическому поклонению. Предметы здесь оживают в цвете перед нашими глазами». Значит, можно было четко и понятно выразить свою мысль? К чему же тогда вся та искусственная туманность, которая затрудняет, а порою, как в данном случае, делает вовсе невозможным понимание того, что хочет сказать автор.

«Удивительная забота о слове обусловила тот счастливый факт, что невозможно сделать много замечаний в адрес Р. Инанишвили». Неужели это — единственная гарантия быть застрахованным от замечаний? И тут же: «Но есть одно замечание существенного характера, вытекающее из недр творчества самого писателя». Значит, все же есть замечание. Посмотрим — какое?

«Большей части его произведений все-таки не хватает одного — приобщения героев к большим человеческим страстям, после чего они станут неизменными персонажами литературы».

Следовательно, они не обязательны для литературы? И без них можно обойтись? Вот ведь как может обернуться такое утверждение! А чтобы не было лазейки для разных толкований, в том числе и нежелательных для автора, — ведь он-то так не думает! — надо предельно осторожно и точно формулировать свои выводы. Слово — оружие обоюдоострое!

И еще — что считает критик важными понятиями в искусстве? В творчестве Р. Инанишвили с большой художественной силой переданы такие понятия, как счастье и горе, верность и двуличие, вечность и бренность, познание прекрасного и страсть к нему... И сделано это с большим внутренним достоинством, с чувством меры, без излишнего сгущения красок и ложной патетики. Нам кажется, это одно из больших достоинств творчества Р. Инанишвили, показатель его высокой художественной культуры. Поэтому прав критик, когда пишет: «Писатель питает большое уважение к чувству меры». Но уже следующее предложение так туманно, что просто повисает в воздухе: «На понятные плоскими фразами бегство и романтику человека он не трагит внимания». «Именно в таком характере (имеется в виду персонаж из «Голубого клубка») проявляются в книге все стремления сегодняшнего дня...».

Возможно ли это?

«Сегодняшняя международная жизнь, подвижная и свободная, с поразительной интенсивностью способствует сближению и смешению людей, а затем и национальностей», — пишет критик.

И опять неточность формулировки. Ибо речь идет о сближении, взаимовлиянии, а отсюда и обогащении. При чем же тут — смешение?

Одну из последних статей Д. Гвинджилия, посвященную разбору творчества М. Лебанидзе («Цискари», № 11, 1972 г.), характеризуют все плюсы и минусы, присущие критике. И здесь он тоже в основном дает правильную оценку творчеству поэта, достаточно убедительно анализирует его произведения. Наблюдения его порою остроумны. Критик доброжелателен к поэту. Он задается целью раскрыть его самобытный мир.

Это не значит, что критик отказывается говорить о недостатках. Он указывает на них, иногда даже очень резко. Однако и в таких случаях остается на позиции доброжелательного советчика.

Но и в этой статье мы встречаемся с непоследовательностью в суждениях, туманными рассуждениями и теоретически неверными положениями, неудачными, неясными по мысли предложениями.

Критик неспроста останавливается на двух последних книгах поэта: «Помню» и «Взятие Аниси». Он пишет: «До сегодняшнего дня нам приходилось говорить о ранее написанных стихотворениях. Мы с умыслом оставили для главного разговора последние две книги поэта: «Помню» и «Взятие Аниси». Оставили потому, что в ранних стихотворениях проявился двусторонний характер поэта — искания как с положительным, так и с отрицательным результатом, а в целом они все были отмечены печатью таланта Лебанидзе... За последние годы Лебанидзе наиболее развился в одном направлении. Два названных сборника стихотворений — тому доказательство.

Сборник стихов «Помню» завоевал признание. Признание заслужил уже стабильный, отмеченный тональностью Лебанидзе почерк; этот почерк ранее терпел соседство с ним чужой интонации. В этой книге резко своеобразным стал стиль Лебанидзе, этот стиль сохранил только основные поэтические качества».

А через каких-нибудь три десятка строк читаем: «Но насколько находится в сфере поэзии весь этот цикл воспоминаний? Являются ли воспоминания в чистом виде предметом поэзии? Эта книга стихов порождает вопросы такого характера. Книга частично отдалена от предмета поэзии, от того существенного, которое стоит выше всякого явления».

В данном случае, как говорится, комментарии излишни. Но мы не можем удержаться от искушения хотя бы просто сказать: так писать нельзя. Критик утверждает то, что тут же отрицает, то, что он считает достижением поэта, сам выносит за пределы поэзии. Он пишет: «М. Лебанидзе отдал дань темам, которые испокон веков не стареют. Но поэт уже не считает их (и справедливо) опорой для своеобразия таланта. Он стремится к контакту с явлениями своего времени».

Таким образом, критик уведомляет нас, что своеобразие таланта Мурмана Лебанидзе проявилось в стихотворениях, написанных на современные темы, в которых изображаются явления, характеризующие нашу эпоху. Во-первых, это присуще всем поэтам и не указывает на своеобразие именно поэзии М. Лебанидзе. Во-вторых, все стихотворения («Приходит, приходит в горы весна», «Ладо»,

«Тамуния Кавтарадзе», «Памяти Гурама Рчеулишвили», «Ах, как бесцветна смерть в постели», «Памяти Сосо Иорамашвили»), которые критик приводит как образцы высокой, своеобразной поэзии, не отражают в чем-либо полностью впечатление нашу современность.

В статье Д. Гвинджилия больше места отведено доказательствам положительных сторон поэзии Джавахадзе, чем глубокому, конкретному ее анализу, обоснованию критических замечаний. О цикле стихов «Мысли» критик пишет: «...В нем даже не заметно следа поэтического вдохновения... Они больше — попытка, мотивированная желанием что-то сказать, чем плод творческих поисков. Цикл «Мысли» — вместительные потухших чувств». Этот упрек почти не подкреплен конкретным анализом произведений.

Часто критик повторяет одно и то же. Так, мы читаем: «своеобразный почерк», «своеобразной тональностью отмечены строки поэта», «Почерк поэта настолько своеобразен, что...», «тайна слова Мурмана Лебанидзе в основном в своеобразии почерка», «независимый почерк поэта обуславливает его своеобразие...», «...это своеобразие — обычное явление в поэзии Мурмана Лебанидзе», «нельзя отрицать сказанного поэтом, отмеченное печатью его своеобразного почерка...», «в целом все было определено почерком Лебанидзе» и так далее. Такие повторы неоправданны, ибо не продиктованы необходимостью. Это — и не прием, а просто — или небрежность, или бедность языка, или непродуманность.

* * *

Статья Сосо Сигуа «Зов» («Цискари», № 6, 1971 г.) небольшая по объему, одна из лучших работ молодого критика. Поэтому и начнем с нее. Посвящена она сборнику стихов Резо Амашукели. Помимо в основном правильной оценки книги, в ней разбираются вопросы художественного стиля, поэтики. Автор статьи анализирует структуру стиха, касается мелодики, интонации, ритмики, пытается раскрыть сущность художественных образов, их своеобразие.

Как отмечает критик, «эмоциональная сторона» стихов Амашукели достигнута скорее большей нагрузкой отдельных художественных образов, чем логической связью системы образов. Для него наибольшую ценность представляет так называемая орнаментная, избилующая сравнениями фраза, в которой конденсируется вся сила чувства». Или: «Его стихи по технике строения художественного образа обнаруживают родство с техникой, привнесенной модернистской школой. Хотя этот момент тут не выполнен с присущим ей совершенством мелодии и чистотой интонации». И еще: «В лирике Резо Амашукели принцип мелодики не доминирует. Его стихи не нежны и не музыкально-прозрачны. Но они подчиняются единому резко акцентированному и вычekanенному ритму».

Основное внимание в статье уделено эстетическому анализу поэтики, социальное же анализу отведено крайне мало места. В заключение критик пишет: «Этот гражданский пафос, чувство современности, описанные с несомненным искусством чувства и волнения современников придают сборнику привлекательность и определяют его истинные художественные достоинства».

Но для читателя остается неизвестным, в чем заключаются и как проявляются этот гражданский пафос и чувство современности в стихах Амашукели.

Ничего не сказано также о чувствах и волнениях лирического героя — нашего современника, который затерялся в рассуждениях об образах, мелодике, интонации. А главное, очевидно, все-таки именно это. То же, о чем столь просто и легко говорит автор статьи, как раз и должно служить созданию его образа. Так каков же он? Может ли рецензент задаться целью проанализировать сборник стихов того или иного поэта, умолчав об этом? Не сказав об основном?

По мнению Сигуа, ни одно художественное произведение не гарантировано от языковых огрехов и сборник стихов Р. Амашукели в этом отношении не составляет исключения. «В нем мы можем найти стихи, написанные не на одном поэтическом уровне, иногда туманные и эмпирические строки». И далее автор статьи приводит следующие примеры: «На красной черепице сидели голуби, как...», «и строке, как тельцу, уготованному для закланья, сверну шею с ревом».

Не субъективны ли эти оценки?

В другой статье — «Поэмы Отара Чиладзе» («Мнатоби», № 7, 1971 г.) речь идет об изменениях, происшедших за последнее время в жанре поэмы. Автор выявляет характер этих изменений, высказывает довольно обоснованные предположения и выводы. Критик останавливается на десяти поэмах Отара Чиладзе. Он отмечает те качества, которые определяют своеобразие поэтического стиля О. Чиладзе, новизну его поэзии. Можно привести много выдержек из статьи, свидетельствующих о том, что критиком правильно охарактеризован поэтический мир Отара Чиладзе.

Но как и в предыдущей статье Сигуа, и здесь не выделена тема гражданского пафоса, гражданского звучания поэзии О. Чиладзе. И поэтому это скорее работа литературоведческого характера, а не критического плана.

Некоторые поэмы (например, «Тако и Заза») только лишь аннотируются. Подчас критик говорит о них так скупо, чего-то не договаривая, что о многом приходится догадываться самому. Такое стремление к конденсации часто переходит в искусственность, затрудняющую восприятие сказанного.

«Для поэта главное — превращение зрительного в художественный образ, — пишет критик, — это первый путь эмоционального воздействия, так как вместе с тем музыкальная основа фразы не так совершенна, чтобы читателя увлекла сильная стихия музыкальности произведения».

Пожалуй, это несколько упрощенное толкование процесса эмоционального воздействия поэтического творчества. Критик довольно близок к истине, когда говорит, что «поэт не дает читателю времени насладиться акустикой фразы, совершенством звучания стихов, описанием собственных мыслей или эмоциональным описанием окружающей действительности».

Итак, значительную роль играют переживания, эмоции. Без этого поэзия немыслима. И художественная ценность поэзии во многом зависит от переданных переживаний, эмоций.

«Желание познать сущность и причину факта или явления вынудило О. Чиладзе не браться за шлифованные, чистые и эстетически законченные образы, так как такими фразами можно представить символы, трудно расшифровываемые, отдаленно намекающие, а анализировать суть трудно, — пишет критик, — Поэтому и допустил он в стих не столь приемлемые выражения, апоэтические образы...»

Во-первых, почему невозможно познание факта или явления с помощью нежных, чистых и эстетически законченных образов? Какие тут могут быть законы? Почему это нельзя совместить? Такими фразами (или образами) можно только представить отдаленно намекающие и трудно расшифровываемые символы. Что этим хочет сказать критик? Предложение не закончено, мысль неопределенна и туманна.

Видимо, это произошло от желания сжато высказать свою мысль, но результат достигнут плачевный. Получилось туманное, не доступное пониманию рассуждение...

В ходе разбора поэмы «Итальянская тетрадь» критик высказывает предположение такого рода — «в течении поэтической мысли столько притоков, что они переходят в отражение «потока любознательности», где отдельные образы не туманны, но, вместе взятые, как система, оставляют впечатление алогичного». Далее это положение иллюстрируется соответствующими строками.

Содержит ли течение мыслей поэта и система его образов алогичность в той степени, чтобы дать возможность высказать это утверждение?

В данном отрывке налицо абсолютно ясная, логическая связь между образами, течение поэтической мысли последовательно, система образов или системы их служат передаче определенной мысли. Этот отрывок мы прочитали бы так: «Какие мысли будит в нас ночь? Может, мы молчим или вспоминаем о смерти, которая неминуема, но мысль о смерти преждевременна, так как вокруг царствует жизнь: смело мчится поезд, бледные платаны гордо подняли головы на холодном ветру. Какое время думать о смерти, когда луна не захотела оставить своей любимой улычку...».

Тут кончается одна система мысли и соответствующих ей образов и начинается вторая; между ними есть связь, более того, вторая пристокает из первой: мысль о смерти лишняя, все в мире стремится к жизни; жизнь олицетворяют поезд, платаны, луна... И мы должны учиться этому стремлению, чтобы помочь кому-то «дать воду, солнце или тень». И рождается третья система — кто делает это? «Таких мало, наверно... потому что много жадных, скупых, которые только о себе думают». И за этим следует четвертая система: «Да будет так. Это значит, что мы отличаемся друг от друга: есть ты, есть я...». И между ними есть непосредственная связь; четвертая система — логическое продолжение третьей.

Так где же алогичность системы образов? Другое дело, что каждое продолжение могло быть иным и предыдущее тогда тоже было бы другим. Но то, что есть, то конкретное явление, с каким мы имеем дело, — в этом нет алогичности.

Если в данном случае критик акцентировал слабость связи и в единой системе образов нашел алогичность, то в другом случае у него все получилось наоборот, он нашел между образами (также чрезмерно подчеркнута) глубокую внутреннюю связь и композиционную цельность, достигнутую методом «потока любознательности», и поставил это выше архитектоники классического стиха.

Чтобы дать читателю возможность самому разобраться в этом, приведем упомянутый отрывок полностью:

«В этой поэме (речь идет о «Цирке». — Г. В.) особенно ощутимо усиление «потока любознательности». Большая часть пассажей состоит, на первый взгляд, из непонятных, а на самом деле объединенных глубокой внутренней связью образов». И далее приведен один из примеров. По мнению критика: «Приведенный отрывок — это завершенная картина, цельность которой создается при помощи символической веревки и настоящей и становится ясным различие между цирком и жизнью. Этот, на первый взгляд, хаотичный фрагмент, — внимательно прислушаемся к голосу критика, — связан более жесткой композицией и внутренней последовательностью, чем архитекторника классического стиха».

Думается, комментарии тут излишни...

Под конец автор статьи справедливо отмечает, что этот прием стал литературной практикой также молодых мастеров поколения Отара Чиладзе и это открыло новые перспективы для нашей литературы. Между тем следует сказать, что прием этот может стать положительным явлением лишь в том случае, когда, пользуясь им, поэт не затемняет идею, когда художественный замысел остается ясным и доступным пониманию читателя. К сожалению, так бывает не всегда...

В статье «Миф и реальность» («Цискари», № 4, 1972 г.) критик ставит себе целью, как он сам пишет, «...разбить на отдельные компоненты стилистический комплекс Ш. Нишнианидзе, показать своеобразие его и эстетические достоинства».

Как же решена им эта трудная задача?

Анализируя стилистическое своеобразие поэзии Нишнианидзе, критик делает теоретические выводы, основанные на конкретных примерах. Кстати, такой метод вообще характерен для С. Сигуа, как исследователя.

Но некоторые его положения нам кажутся все же спорными. Свою статью он начинает так: «Литературная критика, как резко дуалистический жанр литературоведения, на сегодняшнем этапе своего развития лишена возможности объективно аргументировать мысль. Скучность функциональных знаний вынуждает ее обращаться к граничащим с ней дисциплинам (имеется в виду метод логического анализа, привнесенный извне), что пресекает субъективное своеволие, и тогда частично удается обрисовать характеры по категориям. Качественный же анализ эстетического феномена по своей сложности — вне возможностей человека».

Согласиться с этим утверждением — значит, признать, что до нынешнего времени критики ратобали впустили и им остается только сидеть сложа руки, ибо они лишены надежды добиться хоть каких-либо конкретных и серьезных результатов в своей работе. Вряд ли кто-нибудь примет всерьез подобное соображение. Далее: скучность функциональных знаний вынуждает критику обращаться к граничащим с ней дисциплинам, пишет критик. Во-первых, даже вооруженной теми знаниями, которые имеются сейчас в ее арсенале, критике удастся сказать свое веское слово, и во-вторых, разве необходимость заимствовать методы исследования у смежных дисциплин — это что-то недопустимое? Более того, без взаимообогащения, взаимовлияния, взаимопомощи сегодня просто даже невозможно представить себе развитие какой-либо отрасли науки или искусства. И наконец, что значит слова: «...пресекает субъективное своеволие, и тогда частично удается обрисовать характеры по категориям»?

Если критика потеряет свой субъективный феномен и станет характеризовать явления лишь по категориям, она утратит свою сущность, свою особенность, перестанет быть искусством. Ведь критика, как известно, — это синтез науки и искусства. И если лишить ее одного из этих компонентов — критики просто не станет. Критика, как искусство, присутствует только там, где имеется феномен «субъективности», где художественный факт воспринят конкретным субъектом. С. Сигуа же не только теоретически пропагандирует переход критики лишь на научные рельсы, но и пытается сам на практике осуществить это. И он — не исключение. Претензией на критику являются многие статьи, не выходящие за рамки литературоведения. В них господствует наукообразное мышление по категориям и нет даже намека на принадлежность к области искусства. Поэтому и отсутствуют в таких статьях эмоциональная сторона, такие элементы литературно-художественных жанров, как образ, сравнение. Язык их лишен образности, сух и невыразителен. Очевидно, и подобные труды имеют право на существование, но литературная критика не может развиваться этим путем.

Наша задача — не деформация такого ее свойства, как синтез, а углубление и развитие его. Надо широко открыть доступ в критику формам литературно-художественных жанров, их способам и возможностям.

Да и не только критика будет в беспомощном состоянии, коли «лишена возможность объективно аргументировать мысль», но и, если верить критику, наука тоже. «...У нас в руках книга, — пишет Сигуа, — в которую вошли стихи, принесшие их автору славу одного из ведущих современных грузинских поэтов. Но аргументация этого вывода, принятая априорно и интуитивно, о чем свидетельствует данная статья, на этой ступени научного мышления не удается».

Вряд ли с этим можно согласиться...

С. Сигуа не раз подчеркивает то положение, что в поэзии Шота Нишнианидзе «...романтическая реальность определяется способностью видеть, в сущность которой вторгается индивидуально идущий внезапный внутренний музыкальный каскад, пропорционально развивающий общую эмоциональную направленность». Для иллюстрации этой мысли приводятся две строчки.

Присяде всего, почему только «романтическое» — общее качество, характеризующее поэтическую индивидуальность (живописная образность), — в этом случае низведено к частному случаю — к романтической действительности, «в сущность которой вторгаются»? В сущность чего, в сущность видения? Индивидуально идущий? Видимо, под индивидуумом подразумевается поэт. И почему внезапный внутренний музыкальный каскад?

Если внутренний музыкальный каскад пропорционально развивает общую эмоциональную напряженность, тогда, может, именно это и разрушает существенное положение автора о примате аспекта живописи?

Не слишком ли много вопросительных знаков для одного предложения?

Пороку критик обобщает частные явления в поэзии Ш. Нишнианидзе, что может дезориентировать читателя, вызвать у него превратное представление о его поэзии вообще. «Логическое развитие гиперболизированной живописи, — читаем мы в статье С. Сигуа, — доходит до метафоричности, и действительность воспринимается как система ребусов и так далее. Структура образов как задача. Напротив, конкретные понятия, эмпирическое содержание которых нельзя объединить в одной плоскости, под давлением единой эмоции воспринимаются как нечто целое...»

«Специфику этих образов литературной реалистической поэтикой не объяснишь», — заключает автор.

Возможно, в некоторой степени это и справедливо в отношении приведенных автором строк, но правильно ли это частное явление принимать как нечто характерное для поэзии Ш. Нишнианидзе? Если это действительно так, то невозможно было бы объяснить, как поэзия Нишнианидзе смогла занять одно из первых мест в поэзии социалистического реализма. Но затем критик снова становится на верный путь, уточняет свои выводы и уже совсем справедливо пишет: «Художественные образы Ш. Нишнианидзе, как уже было отмечено, не простые, в традиционном понимании этого слова».

В разделе статьи, названном «Плененные миражи», читаем: «Содержание поэзии Ш. Нишнианидзе вытекает (в большинстве случаев) из специфики понятий поэтом мифов», что Ш. Нишнианидзе опирается на грузинский языческий пантеон, поэтому персонажи его стихов — Чинка, Али, Ачокочи, Ачопинтре, лесной человек, дэв...». Любопытное наблюдение. Но все же думается, мы имеем тут скорее дело с явным преувеличением. Правильнее было бы, видимо, сказать не «в большинстве случаев», а «иногда», не «опирается», а «использует». Так было бы вернее и точнее.

Эта концепция ниже еще более углубляется, что усиливает односторонность подхода, в итоге приводящую к упрочению поэтического мира Ш. Нишнианидзе. А отсюда и — ошибочность позиций критика, который пишет: «...Текущая действительность соотносится с наивной безграничностью моделей первобытного мира. Поэтому художественный мир Ш. Нишнианидзе сохранил непоколебимую простоту. Культ холодного интеллекта и урбанизированный мир не могут существовать рядом со сказочно чистым, переливающимся и полным природных красок миром — в одной плоскости и в концепции одного автора как равнозначные эстетические ценности; нужно поступиться либо одним, либо другим. Служение двум богам приведет к внутренней трещине, к потере веры. Душа поэта пленена идеальной природы, теми жизненными силами, которые не следуют соблазнительной дорогой техники и культуры и чувствуют близость к земле. Урбанизация грозит перерождением национального, а картины сельской жизни и природы как будто явились из грузинских сказок, настолько в них сохранены национальный колорит и «первозданная прелесть...».

Итак, по модели критика существуют два мира: один — холодного интеллекта, техники и культуры, урбанизированный мир и другой — мир первозданных моделей, сказочный мир, чистый, переливающийся красками. Из этих двух миров поэт должен выбрать один, так как существование их в одной плоскости, в концепции одного поэта невозможно.

И Шота Нишнанидзе останавливается на первом, поскольку он эстетически более ценен. Приходится повторить, что такой подход крайне упрощает поэтический мир Ш. Нишнанидзе. Меньшая поэтичность урбанизированного мира, руссонизм — точка зрения, уже отвергнутая в поэтической практике культуры, урбанизации и национального колорита.

Столь же не нова и не оригинальна мысль о несовместимости культуры, урбанизации и национального колорита.

Ниже критик пишет: «Мир, увиденный в поэзии Ш. Нишнанидзе, переживается как непосредственная действительность, в которой помещена сущность субъекта. Тут чувствуется предметное их существование. Контакт с внешним миром устанавливается без посредников. Изображение ограничено объективной действительностью. Можно его развить, но снять — нет».

Но это уже ничего не меняет в вышесказанном, тут только еще раз проявилась непоследовательность в суждениях, недочеты в логическом течении мысли. Может, мы имеем дело с двумя различными феноменами и отношение к ним критика тоже дифференцировано? Но разве «текущая действительность», мир техники и культуры, урбанизированный мир — это нечто иное, чем «увиденный мир» и «непосредственная действительность»?

Такими мои замечания на полях статей, рассмотренных выше. Сделаны они с единственным намерением помочь молодым коллегам разобраться в своем же творчестве на поприще столь сложном и ответственном, как литературная критика.

При этом я исходил и из своего порою горького опыта, из желания показать — как важна в этом деле четкая, ясная позиция, умение точно формулировать свои мысли, последовательно, логично их излагать, глубоко анализировать явления, преподносить все это в форме яркой, впечатляющей и доходчивой.

Гурам АСАТИАНИ

БОЛЬШИЕ ОЖИДАНИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЕ

В 1957 году в только что основанном журнале «Цискари» были напечатаны три рассказа никому тогда неизвестного писателя Гурама Рчеулишвили. В первых литературных опытах молодого писателя только очень приблизительно можно было разглядеть главную тенденцию его последующего творчества.

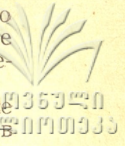
Теперешний, обновленный облик грузинской литературы создан не только поколением Гурама Рчеулишвили, так же как не создан и теми, несколько более старшими, чем он, писателями, которые вступили на литературное поприще со страниц журнала «Цискари». Но обновление все же началось, и началось именно тогда, когда произошло подлинное литературное крещение этих писателей, и, поскольку это и впрямь было началом — первыми шагами надолго вперед рассчитанного движения, оно сопровождалось всеми неотделимыми от процесса обновления сложностями.

Это было в то же время и начало своего рода возрождения, в частности — возрождения той традиции, которая укрывала грузинскую прозу XX столетия в самые плодотворные периоды ее развития. Как известно, в свое время выдающиеся таланты принесли с собой в этот жанр исключительное многообразие художественного мышления, тематики и стиля. Почти в одно и то же время творили Нико Лордкипанидзе и Василий Барнов, Михаил Джавахишвили и Константин Гамсахурдия, Шалва Дадияни и Лео Киачели, Серго Клдიაшвили и Демна Шенгелая.

Главное, чем молодежная проза 60-х годов возродила надежды у грузинского читателя, было довольно явственно обнаруженное стремление к многообразию.

Почти одновременно появляются на свет «Старые музыканты» Мераба Элиозишвили и «Волны стремятся к берегу» Арчила Сулакаури — два произведения, явно антиподных в смысле художественной манеры. Эти рассказы дают нам возможность говорить о двух

Продолжение. Начало в № 7.

различных типах мастера, и в то же время в них можно разглядеть исток двух своеобразных течений, проявившихся в то время в грузинской молодежной прозе.

С одной стороны — «чистый» реализм, живые, колоритные характеры, знакомое, родное окружение, быт, изображенный щедрыми красками, естественный, почти «сырой» язык, сердечный юмор, который зовет нас к снисхождению в отношении к человеческим слабостям и вообще к большему состраданию.

С другой стороны — мир суровой символики, почти полное отрицание локализации, контрастно подобранные психологические штрихи, остранный фон действия, неоднозначный язык, наблюдаемое рассудочным взором взаимодействие характеров.

Главное здесь — не степень мастерства, а его качество. Ни Арчил Сулакаури, ни Мераб Элиозишвили не завершили этими рассказами своих творческих биографий. Это был лишь их дебют в прозе. Но как говорили древние греки, начало — половина пути... В этих рассказах уже явственно проглядывают некоторые основные свойства их дальнейшего развития.

Еще примечательнее то, что у этих двух, как будто противоположных потоков обнаружилось глубинное единство, взаимопересекающиеся точки: оба эти рассказа пронизаны духом и стремлением, характерными для 60-х годов. Углубленное внимание к реально существующей личности, острый интерес к ее человеческой сути — таков главный пункт их сходства.

* * *

С творчеством литературной молодежи 60-х годов прочно связана проблема так называемой «лирической прозы». Вторжение поэзии в прозу, скрещивание двух стихий в рамках одного жанра, разумеется, не может быть признано исключительно заслугой пришедших в прозу поэтов. Аналогичные устремления (порою даже еще раньше) были заметны и в творчестве исконных прозаиков. Так или иначе, но сегодня этот процесс является реальностью, зафиксированной литературной фактологией.

Лиризм никогда не был чужд грузинской прозе, но в 60-е годы он выполнил весьма примечательную для того времени миссию. Он уничтожил тот своеобразный барьер, который прежде часто был замечен между писателем и материалом — когда писатель «обработывал» ту или иную тему (подобно тому, как, скажем студент обрабатывает данные для реферата), когда избранная писателем «тематика» не была в то же

время основным итогом его жизни, его духовного опыта, когда его отношение к материалу с определенной точки зрения опиралось на принцип а priori.

Такому подходу (который и раньше отмечался только в виде тенденции) в 60-е годы гораздо более решительно и резко, чем когда-либо, противопоставился принцип а posteriori.

Личный, непосредственный опыт — только то, что знаешь ты сам, то, что ты знаешь лучше кого бы то ни было, то, чем в конечном счете являешься ты сам, — вот одна из главных заповедей этой литературы, ее ведущее направление.

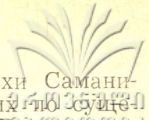
* * *

Поворот грузинской молодежной прозы к реальному человеческому материалу предвещал новый рост заинтересованности в обычной «рядовой» личности. Эта тема и раньше почти постоянно стояла в центре интересов нашей литературы. Но в 60-е годы она приобрела новые, «дополнительные» свойства. «Рядовой» человек превратился в синоним «человеческого» человека.

Характерно в этом отношении то почти беспримерное сочувствие и поддержка, с которым отнесся грузинский читатель к героям Нодара Думбадзе. Не одним только неиссякаемым юмором и остроумием привлекли и прельстили его действующие лица повести «Я, бабушка, Илико и Илларион». Автор этой книги осуществил его давнее желание: давно уже в грузинской литературе не появлялись такие простые, такие человеческие персонажи. В их проделках, в их веселых перебранках проглядывало гораздо больше признаков истинной нравственности, чем в «примерном» поведении всех надоевших персонажей, персонифицирующих этические нормы.

В дальнейшем Нодар Думбадзе, начавший со «смеха», обратился и ко многим серьезным собственно этическим проблемам сегодняшнего дня. Правда, здесь он столкнулся с большими трудностями, но сама по себе подобная попытка означала его глубокую сопричастность с духовными интересами и запросами современности.

С темой «человеческого» человека пришел в нашу литературу Огиа Иоселиани. Несмотря на сильный романтический поток, которым характеризуется его проза, он сумел создать почти неприкрашенные картины жизни современной имеретинской деревни. Нет сомнения, что некоторые взгляды О. Иоселиани (в частности, о взаимоотношениях города и деревни, крестьянства и интеллигенции) оставляют впечатление тенденциозности. Но даже там, где он явно пристрастен, опорой для него слу-

жит живая действительность, факты, реальные явления, а не заранее заданная умозрительная концепция.

60-е годы стали особенно значительными для Ревазы Инанишвили. Среди писателей существует распространенное определение — «хорошая литература» — «Хорошая» в данном контексте — синоним добротности, совершенства, как совершенного мастерства, так и нравственного совершенства. Р. Инанишвили — один из наиболее ярких представителей современной «хорошей» грузинской литературы. Его предшественниками в грузинской прозе были Шно Арагвиспирели и Нико Лордкипанидзе. Он необычайно спокойный писатель, редко теряющий равновесие. Слово боится, что волнение может замутить его чистоту (правда, в мутной воде можно выловить большую рыбу, зато в ней не разглядеть того, что лежит на дне, а разглядеть это — величайшее счастье для писателя). Спокойствие и уравновешенность, с которыми он вошел в грузинскую литературу, ничем не напоминают равнодушную лояльность обывателя. Это качества эпика, который, творя, забывает о себе. Каждая строка «Записок вечерней поры» проникнута такой уравновешенностью: никаких излишеств, ни одного «запрещенного приема». Он, как большой мастер, умеет сохранить это качество: честно, надежно кроит и шьет; бережными и ласковыми руками создает то, чем должны воспользоваться другие. Гуманность — неотделимое свойство как его ищущей доброты мысли, так и его стиля.

Р. Инанишвили также писатель деревни. Но следует сказать, что деревня для него отнюдь не только объект реалистического изображения. Она — источник его вдохновения, поскольку именно здесь видит он то, без чего, по его убеждению, жизнь потеряла бы смысл, — незамутненный исток наших национальных начал. Ни один из современных писателей не сохранил это ощущение в столь чистом виде.

Правда, Р. Инанишвили попытался создать и образ интеллигента-горожанина («Кто-то опаздывает на автобус»), но здесь его ожидал меньший успех, и не потому, что эта тема была для него менее органичной, а по более серьезной причине: в нашей литературе он нашел гораздо более бедную традицию в этом отношении.

Здесь мы вплотную подошли к одному из наиболее острых вопросов современной грузинской литературы. Проблема интеллигенции стояла во главе литературных проблем почти во все предшествовавшие эпохи (после средних веков). Как мы знаем, только избранные из избранных сумели создать ее полноценный образ. До мозга костей интеллигентами были авторы «Тартаре-

на из Тараскона» и «Мачехи Саманишвили», хотя ни один из них в силу своего не касался этой темы. Разумеется, это вовсе не означает, что всякий уважающий себя писатель должен счесть эту тему раз и навсегда запретной для себя. Речь идет лишь о сложности.

В грузинской литературе XIX века только Илья Чавчавадзе осмелился вывести в качестве главных персонажей своего романа людей с интеллигентным духовным складом (как известно, ни Арчил, ни Кесо не принадлежат к числу самых сильных образов, созданных им). Та осторожность, которую проявляли, обращаясь к этой теме, прозаики нашего столетия, не должна удивлять. В памяти грузинского читателя на весьма бледном фоне сохранилось лишь немного таких образов.

«Интеллигентность» — не профессия, так же как и не знак сословной принадлежности. Это особая разновидность душевного строя человека, особая «порода», вывести которую искусственным путем несравненно труднее, чем любую сельскохозяйственную культуру.

Прозаики 60-х годов попытались создать образ современного молодого интеллигента. Эти попытки в основном развивались в правильном направлении: объектом внимания были выбраны не внешние признаки интеллигентности: словесные или тем более ведомственные приметы (такие примеры не раз встречались в нашей литературе, когда ради соблюдения тематического равновесия специально писали о «технической интеллигенции», «сельской интеллигенции», «творческой интеллигенции» и т. д.), а существенные свойства духовной жизни современного грузинского интеллигента.

За эту чрезвычайно сложную задачу взялись несколько грузинских писателей, но здесь мне хочется в первую очередь упомянуть те особенно характерные для молодежной прозы 60-х годов образы, вокруг которых появились различные точки зрения. Я имею в виду персонажей прозы Тамаза Чиладзе и Гурама Гегешидзе. Упоминание этих двух авторов вместе создает еще один примечательный для «новой прозы» 60-х годов контраст.

Несмотря на принципиальные различия, главным образом — творческого характера, круг их интересов в определенном пункте оказался почти одинаковым. Они попытались «изнутри» взглянуть на современного интеллигента, «изнутри» исследовать его природу. Сложный, подвижный, многослойный мир интеллигента они противопоставили заледеневшей одноклеточности обывателя.

Если Т. Чиладзе дал своеобразную поэтизацию этого мира, то Г. Гегеши-

дзе пошел главным образом по пути его сурового анализа. Я не стану здесь характеризовать успехи, достигнутые в указанном направлении. Скажу только, что они шли, в основном, по нехоженым дорогам и каждая пядь, которую им удалось одолеть, была равна гораздо большим расстояниям, пройденным по наезженным магистралям традиционной литературы.

* * *

Существуют темы, которые в разные времена приобретают конкретный исторический оттенок. Так, например, требование справедливости в 60-е годы предстало перед нами не просто как традиционная (и вообще характерная для гуманистической литературы) тема, а как один из самых острых и злободневных вопросов современности. Эту в высшей степени острую проблему под разными углами затронули Серго Квдншвили («Пепелище», книга II), Григол Абашидзе («Жизнь впереди») и Константин Лордкипанидзе («Смерть еще подождет»).

Но примечательно, что особое внимание к ней проявили наши молодые прозаики. «Возвращение Авеля» Арчила Сулакаури, «История болезни Бичико» Реваза Чейшвили, «Мой дядя сапожник» и «Муций Сцевола» Чабуа Амирджиби, образ Абибо в «Солнечной ночи» Нодара Думбадзе — вот те произведения и те образы, посредством которых наша молодежная проза выразила свое отношение к тому, что она знала и слышала об этой «теме».

Это не просто дань, не поверхностный «отклик», а сознательный шаг, продиктованный внутренней потребностью, без которого престиж гражданственности современной грузинской прозы, безусловно, был бы поставлен под сомнение.

* * *

Почти все вышеперечисленные представители молодежной прозы 60-х годов обогатили литературу этого периода своими индивидуальными красками. В целом ряде случаев этому многообразию не мешала даже тематическая близость. Стучалось, что, даже используя сходные художественные приемы и средства, разные писатели достигали по существу различного художественного эффекта.

В таких несхожих обликах предстал, например, перед нами юмор Нодара Думбадзе и Мераба Элиозишвили, несмотря на то, что оба познакомили нас со своими героями с одинаково доброй улыбкой.

Реваз Чейшвили и Нодар Цулейскири внесли в образ «рядового» человека элементы гротеска. Они постарались до крайней степени заострить некоторые качества его характера и этим путем об-

нажили некоторые «странности», таившиеся в глубине его характера.

Р. Чейшвили привлек интерес читателей в первую очередь своей едкой, острой, эскизно обрисованные в его рассказах быт и характеры свидетелей — или о зоркости глаза прозаика.

Р. Чейшвили нигде не производит насильно над своими героями. Он заставляет их действовать и наблюдает за ними, замечает каждое неверное движение, каждую кривую линию, — и все это переносит на полотно, показывая читателю образ и его окружение в неожиданном разрезе.

По своему призванию он новеллист, вернее говоря, даже — великолепный мастер сатирического эскиза. Это качество его таланта, а не недостаток («Мой друг Нодар», по существу состоит из нескольких почти независимых друг от друга новелл).

Смех Н. Цуленскири более мягок и грустен. Здесь же следует сказать, что автор «Тутарчелы» в последнее время привлек наше внимание помимо иронических рассказов («Телевизор», «Сын Баркляя де Толли») также и как публицист. Он по своему характеру — типичный писатель шестидесятых годов, скромный, нешумливый, но внутренне бескомпромиссный литератор.

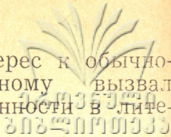
Если не ошибаюсь, об Эрломе Ахведиани, который выявил свою гротескную манеру преимущественно в кинематографе, в нашей критике пока вообще ничего не было сказано. Я вряд ли пригложусь на роль его интерпретатора, но думаю, что опубликованное им до сих пор — лишь небольшая часть гораздо более содержательной и напряженной творческой жизни. То, что у другого могло предстать лишь самоцельной манерностью, в его сказках и рассказах, в силу трудно объяснимого воздействия, оставляет впечатление безусловной истинности. Он гораздо больше думает, чем рисует. Несравненно больше подракумеваает, чем говорит словами.

На протяжении последних пятнадцати лет в нашей литературе добавилось еще несколько, по моему глубокому убеждению, обладающих имен: Гурам Дочанашвили, Давид Джавахишвили, Гурам Схиртладзе, Гиви Магулария, Владимир Сихарулидзе...

Творчество некоторых из них по своему содержанию и форме предвосхищает уже новую ступеньку в грузинской прозе.

* * *

Говоря о творчестве молодых писателей шестидесятых годов, о том, что они создали, следует отметить и то, что развитие «новой прозы» этого периода проходило небезошибочно. Каждый, кто пересматрив критическую литературу того времени, заметит, как часто пользо-

вались тогда в нашей прессе некоторыми употреблявшимися и раньше незападными эпитетами: «камерность», «мелкотемье», «опасность формализма», «антиреализм», «узость горизонта» и тому подобное. Нельзя сказать, что все эти эпитеты употреблялись безосновательно.

В нашей молодежной литературе лет десять назад существовала скрытая опасность самоизоляции, замыкания в ирреальном, выдуманном мире. К счастью, эта тенденция не получила развития.

* * *

И все же грузинской литературе 60-х годов (а я и сейчас ясно слышу тон тогдашней жизни, мышления, речи), как мне часто думается, все же чего-то не хватало...

Говорили как будто нарочно приглушенно, вполголоса, сознательно избегали повышения голоса, поскольку больше всего произвольно опасались фальши. Страх фальши, ложного пафоса был так велик, что он кое-где породил другую крайность — искусственную естественность, вялый стиль. Сдержанность стала заметна не только в манере, но наложила свой отпечаток и на содержание.

Это была та, пожалуй, осторожность, которую проявляет мастер, испытывая новое сочетание красок или новое созвучие, чтобы чувство меры не изменило ему. В отношении некоторых тем и проблем это были годы именно такого испытания, время взятия пробы.

Выше уже было сказано об одновременном существовании в грузинской молодежной прозе двух резко отличных тенденций. Здесь следует заметить, что у обоих этих течений обнаружился свой крайности: в виде натуралистической бескрылости и сухой манерности.

Результатом обеих крайностей (проявившихся, в основном, у «эпигонов») стала новая разновидность поверхностности: с одной стороны — точное, но «бесмысленное» копирование реальности, эмпиризм, откровенно однозначные образы, а с другой стороны — упрощенно воспринимаемая сложность, схематизм, неясность. В конце концов, это была та же поверхностность — то есть как раз то, потребность преодоления чего и дала толчок появлению обоих этих течений. (Разумеется, мы здесь, сознательно сгушаем крайности. Сути же рассматриваемых тенденций это не касается).

Углубления в духовный мир человека оказалось недостаточно для создания по-настоящему значительных характеров. Как видно, эти глубины нуждались в ином, гораздо более сильно освещении.

Обостренный интерес к обычному, рядовому, естественному вызвал своего рода культ умеренности в литературе.

Такое художественное отношение к действительности вскоре почти исчерпало свои возможности и как собственную антитезу породило новую потребность — обостренную жажду необычайного, исключительного.

Следует сказать, что и литература 60-х годов почувствовала грядущую актуальность подобных требований и в пределах своих возможностей попыталась сделать соответствующие шаги. Но изменения такого характера в прозе минувшего десятилетия проглядывали лишь в виде зародыша.

Хотя грузинская «новая проза» 60-х годов и отказалась смело от схем, эталонов, фетишей, для нас и сегодня совершенно ясно, что она, по существу, оставила открытым вопрос о подлинном герое литературы.

Привлекательная сама по себе фигура «человечного человека» оказалась весьма элементарной, как только он захотел встать в позу «настоящего героя» своего времени и сменил свою непретенциозную исповедь на монолог пророка и проповедника. Очень легко оказалась раздавленным «рядовой» герой Гурама Гегешидзе, отдавшийся на волю течения жизни. Быстро надломился герой Гурама Панджикидзе — «сильная личность», — поскольку сильнейшей его страстью было честолюбие.

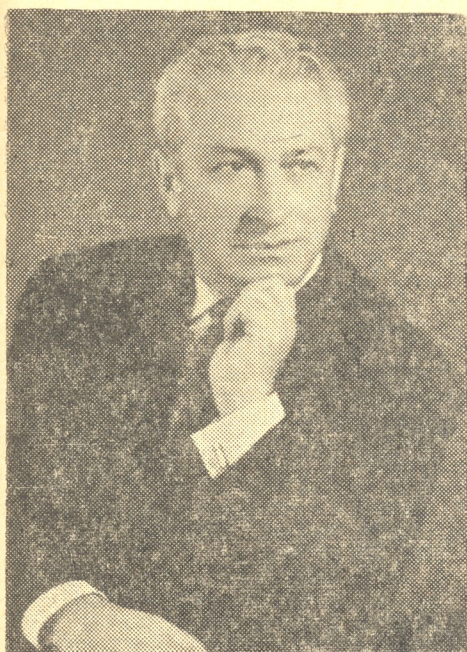
В образе современного молодого человека осталась необнаруженной и нераскрытой та внутренняя потенция, полноценное раскрытие которой могло придать этому образу героический облик. Должно быть само собой ясно, что здесь речь идет не о новом «серийном» производстве образов «положительных» или «идеальных» героев, а о глубоких, всесторонне осмысленных и рассмотренных в перспективе характерах.

Если в нашей литературе существует действительно неотложная потребность — то это в первую очередь именно такой герой. Нам необходимы умные, не только мыслящие, но ищущие и активно борющиеся в одно и то же время — сильные и глубокие, пронзительные и деятельные герои.

Такие качества, такие духовные возможности всегда были присущи и сегодня также свойственны личности по-настоящему передового нашего соотечественника и современника. Нужно найти только и художественно воплотить их. Нужно взором писателя, художника увидеть то, что не под силу разглядеть вооруженному глазу.

Александр БАРАМИДЗЕ

Верный призванию ученого и гражданина

Отмечая шестидесятилетие со дня рождения известного грузинского советского ученого и общественного деятеля Георгия Николаевича Джибладзе, нельзя не сказать о поистине удивительных по значительности и щедрости результатах его напряженной творческой работы на протяжении почти полных четырех десятков лет.

Им опубликовано более двадцати объемистых книг, множество научных исследований, а также очерков, статей научно-популярного характера. И все это он успешно совмещает с кипучей научно-педагогической и общественно-государственной деятельностью.

Семинадцать лет Г. Н. Джибладзе самоотверженно трудился на ниве грузинской прессы, пройдя путь от корректора до редактора республиканской газеты. Был видным партийным работником, в том числе секретарем горкома партии и Центрального Комитета КП Грузии.

Одно время Георгий Николаевич исполнял обязанности секретаря Союза писателей Грузии; в 1953—1960 гг. возглавлял Министерство народного образования; с 1963 года по сегодняшний день — министр высшего и среднего специального образования. Г. Н. Джибладзе — депутат многих созывов Верховного Совета Грузинской ССР. С 1935 года читает лекции в вузах. В настоящее время — профессор Тбилисского государственного университета (по совместительству). Он известен как популярный оратор и великолепный лектор.

В 1940 году Георгий Николаевич защитил кандидатскую, а в 1948 году — докторскую диссертацию. В 1959 году был избран академиком Академии педагогических наук РСФСР; с 1960 года — действительный член Академии наук Грузинской ССР. Ему присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки.

Голый перечень всех этих фактов, думается, уже сам говорит за себя. Невзирая на наличие интеллектуальных данных и таланта, он не смог бы всего этого добиться без упорного труда и огромной самодисциплины.

Георгий Джибладзе — эрудированный исследователь широкого профиля. Закончив аспирантуру по новой грузинской литературе (ученик проф. М. Зандукели), он никогда не замыкался в рамках своей узкой специальности. Примечательно, что обе диссертации были защищены им по проблемам эстетики («Проблема прекрасного в природе и искусстве», «Искусство и действительность»).

Одним из первых в Грузии он занялся разработкой сложнейших вопросов теории эстетики, и с этих позиций успешно рассматривает важнейшие факты и явления многовековой истории грузинской литературы.

Анализу актуальных проблем эстетики посвящен его монументальный труд «Искусство и действительность», дважды издававшийся на грузинском языке; переведен он также и на русский. Целиком проблемы эстетики освещают и другие его крупные работы «Вопросы теории эстетики» (1962) и «Эстетический мир Руставели» (1966). Пред-

мет первой — социальная природа эстетики, проблема простоты в художественном творчестве, эстетические идеалы Ренессанса, характер театралных образов, эстетические взгляды Плеханова, критика современной идеалистической эстетики и так далее. Вторая — освещает эстетику Ш. Руставели, его поэтику и этику. Автор убедительно показывает национальную самобытность гениального грузинского поэта, выявляет сущность руставелевской поэзии.

Не раз возвращался Г. Джибладзе к вопросу литературной деятельности первого грузинского марксистского критика А. Цулукидзе, чья роль в истории развития грузинской критической мысли оценена им по достоинству.

В настоящее время под руководством Георгия Николаевича готовится к изданию университетский курс по истории грузинской эстетической мысли. Наконец, отметим его солидную работу по педагогике — «Принципы эстетического воспитания» (Тбилиси, 1968), за которую ему была присуждена премия имени Якоба Гогebaшвили.

И все же Г. Джибладзе в первую очередь — неутомимый исследователь грузинской литературы; тщательно изучая вопросы дореволюционной письменной культуры, он столь же пристально следит за текущим литературным процессом. Наделенный острым аналитическим умом, он в то же время одарен большой способностью синтетического обобщения. Его труды по вопросам истории грузинской литературы богаты фактическим материалом, выводы же сформулированы предельно ясно и четко.

Искусно пользуясь первоисточниками, он строит свои рассуждения смело и уверенно, хотя порой и спорно, но всегда достаточно аргументировано.

Страстный и бескомпромиссный полемист, он в то же время предельно объективен в оценке работы других. Так, восторженной рецензией встретил Георгий Николаевич квалифицированный труд Георгия Надирадзе «Эстетика Руставели», несмотря на то, что некоторые из положений автора он не разделяет. Искренней благодарностью проникнуты статьи о научно-педагогической деятельности его учителей Корнелия Келелидзе и Михаила Зандуели («Патриарх грузинской филологии», «На путях истории литературы»).

Труды Г. Н. Джибладзе о грузинской литературе в основном представлены в его критических этюдах. Пока в свет вышли четыре объемистых тома (1958 — 1963 гг.).

Глубоко изучено им творчество таких классиков грузинской литературы XIX века, как Николоз Бараташвили, Георгий Эристави, Даниел Чонкадзе, Илья Чавчавадзе, Акакий Церетели, Георгий Церетели, Александр Казбеги, Важа Пшавела, Эгнате Ниношвили, журналист и публицист Сергей Месхи. Некоторым из них посвящены обширные монографии. Таковы «Поэтический гений Бараташвили» (1968) и «Илья Чавчавадзе» (1968). Все стороны жизни и многогранной общественно-политической и литературно-публицистической деятельности выдающегося вождя национально-освободительного движения Грузии XIX века Ильи Чавчавадзе изучены в монографии Г. Н. Джибладзе с исчерпывающей полнотой.

Строгая принципиальность отличает его критические статьи о современной советской литературе, нередко пронизанные лирическими излияниями души. Именно так написан один из его последних очерков «Дни и стихи Ладо Асатиани» («Цискари», 1972, XI).

Вне поля зрения Г. Н. Джибладзе не осталась творчество ни одного значительного грузинского советского писателя, будь то поэт, прозаик или драматург. Неизменно откликается он на злободневные вопросы советской литературы.

Много написано им о великих русских писателях (Пушкине, Грибоедове, Тургеневе, Некрасове, Толстом, Блоке, Валицком) и мыслителях (Белинском и Чернышевском, Добролюбове, Писареве, Плеханове).

Не раз касался Г. Н. Джибладзе в своих работах благотворного влияния русских революционеров-демократов на формирование и развитие передовой грузинской эстетической мысли и литературы. • Чрезвычайно полезную работу проводит он по ознакомлению русских читателей с грузинской литературой. В этом плане следует назвать его книгу «Романы и реалисты в грузинской литературе XIX века» (Тбилиси, 1963), специально подготовленную с учетом интересов русской читательской общественности. На русском языке опубликованы также его очерки о Важа Пшавела и Иосифе Гришашвили.

На пороге своего шестидесятилетия Георгий Николаевич, как всегда, преисполнен неисчерпаемой творческой энергии и активности. Он говорит, что в ближайшее время будет опубликован ряд его новых трудов. А мы знаем, что слово его не расходится с делом.

Пожелаем же ему, чтобы так было всегда, чтобы еще очень и очень долго он был полон сил и энергии.

СЛОВА ДРУЖЕСКОГО ПРИВЕТА

Поздравляю с днем рождения и обнимаю моего стареющего друга. Мужайся и не унывай.

Твой **МИХАИЛ ШОЛОХОВ.**

Министерство высшего и среднего специального образования СССР сердечно поздравляет Вас, видного руководителя и организатора высшего образования Грузинской ССР, с шестидесятилетием со дня рождения. С присущей Вам активностью Вы отдаете все свои силы, знания и опыт непрерывному повышению качества подготовки специалистов для нашего народного хозяйства, их коммунистическому воспитанию. Ваши научные исследования по педагогике известны широкому кругу ученых, студентов и специалистов. Находясь на посту министра высшего и среднего специального образования Грузинской ССР, Вы, Георгий Николаевич, постоянно проявляете заботу о развитии высших учебных заведений республики. Ваша многогранная государственная, партийная, общественная деятельность, организаторский талант отмечены партией и правительством высокими наградами.

Министр высшего и среднего специального образования СССР
В. П. ЕЛЮТИН.

...Ваша жизнь — яркий пример искренней преданности делу народного просвещения. Вы прошли славный путь от учителя до министра высшего и среднего специального образования республики. Своей научной и организаторской деятельностью Вы, дорогой Георгий Николаевич, во многом способствуете дальнейшему развитию народного образования Грузии, Ваши труды в области педагогики, литературы и эстетики играют большую роль в деле воспитания и обучения молодежи, в повышении культуры многих тысяч учителей.

Президиум АПН СССР высоко ценит Вас как выдающегося ученого-филолога и педагога, человека с прекрасными душевными качествами, преданного делу развития просвещения народа.

Президент Академии педагогических наук СССР **В. Н. СТОЛЕТОВ.**

Уважаемый Георгий Николаевич, в связи с Вашим шестидесятилетием шлем Вам сердечные поздравления. Желаем

Вам крепкого здоровья и успехов в вашей деятельности.

Секретарь Союза писателей СССР
В. М. ОЗЕРОВ.

Сердечно поздравляю со славным юбилеем. Желаю дальнейших успехов.

НИКОЛАЙ МУСХЕЛИШВИЛИ.

Ужасно жаль, что в дни Вашего юбилея мы не вместе и что нет возможности сказать Вам лично, как высоко мы Вас ценим, как уважаем и любим.

Ваш **АНДРОНИКОВ.**

От всего сердца приветствую Вас, дорогой друг, в дни вашего молодого юбилея. Всего Вам доброго, радующего, весенне-прекрасного.

Профессор **ДМИТРИЙ БЛАГОЙ.**

Дорогой Георгий, я тебя братски приветствую, поздравляю со славным юбилеем, желаю тебе, чтобы количество томов твоих произведений росло с каждым годом.

ГЕОРГИЙ ГУЛИА.

Дорогого друга горячо поздравляю с шестидесятилетием, желаю доброго здоровья, счастья, больших творческих успехов.

Академик **М. Б. МИТИН.**

Сердечно поздравляю великолепного человека, большого ученого и неутомимого общественного деятеля.

Академик Академии педагогических наук СССР **М. А. МАЗМАНЯН.**

Глубокоуважаемый и дорогой Георгий Николаевич! Сердечно, горячо поздравляю Вас со славным юбилеем — 60-летием со дня рождения. Желаю Вам доброго здоровья, долгих и счастливых лет жизни, новых больших успехов в благородном служении просвещению, искусству, педагогической науке. Пусть присущие Вам высокие человеческие качества — доброта, благожелательность, творческая активность и принципиальность еще многие, многие годы радуют нас.

Ваш **АНАТОЛИЙ ВОЛКОВ.**

САПЕРЫ НЕ ОШИБЛИСЬ НИ РАЗУ...

В Н-скую часть я попал не случайно. Дело обстояло так: как-то один мой приятель, офицер, прислал ко мне богатырского сложения солдата. Юноша держался скромно, не совсем уверенно. Несколько секунд он краснел, смущался. Наконец с трудом процедил сквозь зубы, что пишет стихи, пришел показать их, ждет совета и помощи...

Ну что же, стихи пишут многие, возраст был подходящий, а на дворе стояла весна. «А если парень к тому же хоть чуточку влюблен, — подумал я, — то это вполне нормальное явление...»

Не скажу, что я с восторгом встретил сообщение Володи Максименко — так звали солдата. Очень часто такие стихи бывают интересны только для самого автора. Поэтому я, может быть, и не с очень уж большой охотой попросил прочесть что-нибудь из сочиненного им. И он начал читать тоном человека, уверенного в собственной правоте. Я попросил прочитать еще, но теперь уже слушал внимательно, может быть, даже чуточку взволнованно. Потом попросил прочесть еще и еще! И солдат читал, нисколько не удивляясь моим просьбам, очевидно, считая их вполне естественными.

Так он читал без малого час, и я весь был во власти его поэзии. Передо мной стоял, безусловно, одаренный человек, родившийся поэтом и для поэзии.

Я расспросил, кто он, откуда, что он читает, чем интересуется...

Комсомолец Владимир Максименко (он родился почти через три года после войны в маленьком шахтерском городке Гуково Ростовской области) сын шахтера. Теперь я сам начал читать его стихи, и вдруг в голове закрутились чудесные слова покойного Михаила Светлова из «Гренады»: «Откуда у парня?!» Действительно, откуда?!

В течение года молодой солдат регулярно присылал свои стихи. Наконец редакция одного из московских журналов решила послать меня в Н-скую часть, где Володя Максименко нес свою службу. Посмотреть, поговорить с его товарищами, почувствовать обстановку, в которой создавал свои стихи солдат и которая вдохновила его... Здесь я и встретился со многими замечательными людьми, в том числе с командиром части.

Снова стояла весна, зеленели деревья, величаво текла Волга-матушка. Чистенький, опрятный военный городок принял меня приветливо. Я попал, как говорится, с корабля на бал: в прекрасном здании клуба проходило торжественное собрание по случаю окончания некоторыми воинами армейской службы.

За столом президиума сидели командир части майор Б. Д. Быстров, другие офицеры... Увидев командира части, я сразу вспомнил книгу Н. Н. Жданова «Огневой щит Ленинграда». Припомнились слова: «...На Ленинградском фронте выросла плеяда замечательных разведчиков, внесших свой ценный вклад в дело победы над гитлеровскими захватчиками. Такие офицеры, как майор В. А. Огурцов, капитан Н. А. Чохонелидзе...».

На сцене рядом с президиумом стояло человек двадцать солдат в парадных мундирах, знаменосец держал знамя. После напутственных речей офицеров Чохонелидзе и Быстрова каждый из увольняющихся в запас воинов выступил, попрощался с товарищами, потом, преклонив колена, целовал уголок боевого знамени и под туш оркестра спускался со сцены.

Вот на трибуне рядовой Виктор Филиппов — подтянутый, высокий солдат. Он очень волнуется... Призывался из Камышина Волгоградской области. Отец его воевал под Сталинградом, а сам Виктор до призыва работал токарем. В армии он стал орудийным наводчиком. Было трудно, и он знал, что идет на трудное дело. Наводить орудие на цель — это ведь, ой, как не просто! После первых стрельб очень увлекся новой профессией. Вскоре Виктор начал выполнять нормативы, вышел и в передовые воины. Даже на выполнение тех приемов, на которые уходит пятнадцать-семнадцать секунд, Филиппов тратил теперь двенадцать-тринадцать секунд, не больше.

И вот служба кончилась. Конечно, не так-то просто расставаться с соевыми живцами, с командиром. Но там, на «гражданке» его ждет сельскохозяйственный институт. Виктор Филиппов оставляет строй довольный, даже гордый: ведь он подготовил себе достойную смену — молодых солдат-умельцев. Прекрасными наводчиками стали рядовые Сытник, Добижа, Иванов...

— Товарищи! — обращается Виктор к залу. — Несите армейскую нашу службу только на «отлично!» Будьте бдительными! И еще читайте, много читайте, увлекайтесь спортом! Все это поможет вам успешнее решать непростые солдатские дела, быть грамотными защитниками любимой нашей Отчизны...

Вслед за Филипповым выступили Владимир Макей из Уральска, Султангалiev из Казахстана...

После торжественного митинга командир части, представительный мужчина с большими серыми глазами и широким лбом, пригласил меня в свой кабинет.

Подтянутый, молодежавший, он оказался интересным собеседником, прекрасно разбирающимся и в литературе, и в искусстве. Полковник страстно любит литературу, в особенности поэзию. Прочел по-грузински Галактиона (его любимый поэт), прочел Есенина... Когда я рассказал ему о причине своего приезда, он заулыбался, покачал головой.

— А-а, Максименко! Да, это очень одаренный человек. Он не только поэт, но и неплохой художник. Его таланты здесь нам хорошо служат. Но что касается дисциплины, то в этом он иной раз и прихрамывает...

Вдруг полковник расхохотался весело, заразительно и рассказал любопытный эпизод из воинской жизни. Случай был, как говорится, из рук вон... Мы от души посмеялись:

— Легко же он отделался! — заметил я.

— Очень легко, — сказал командир и закурил. — Но поэт он, как говорится, божьей милостью...

Потом мы вышли из кабинета, и полковник представил меня саперам.

— Если уж писать, так надо писать об этих людях мужественной профессии, для которых война никогда не кончается. Настоящие они герои! — сказал командир, знакомя меня с майором Даниэлем Май, капитаном Владимиром Айвазяном и лейтенантом Юрием Романовым.

И я вдруг вспомнил строки газетного очерка:

«Оглушительный взрыв сотряс воздух. Высоко в небо взлетели осколки и комья земли. Затем наступила тишина. И снова взрыв... Нет, это не военные действия, не орудийный обстрел и не авиационный налет, хотя в воздух взлетают подброшенные силой взрыва стальные осколки. Это саперы подрывают на полигоне обнаруженные вражеские снаряды. Подрывают, чтобы советская земля была полностью очищена от «эха войны»...».

Я нахожусь в Ленинской комнате саперов. В фотовыставке, плакатах, цифрах отражена героическая, поистине подвижническая работа, которую вели солдаты и офицеры этого подразделения в последние годы. Вот на фото капитан В. Айвазян. Он производит подрыв. На другом — рядовой Колбасов. Он сфотографирован за переноской вражеских снарядов. Еще немного времени, и они будут уничтожены. Солдат помнит, что за каждое неосторожное движение можно заплатить жизнью. Ведь сапер ошибается лишь раз в жизни! И Колбасов с осторожностью и искусством виртуоза ведет укладку боеприпасов для взрыва...

Да, солдатам есть у кого учиться!

Майор Даниэль Май, командир подразделения саперов... В этих местах он воевал в Отечественную, здесь он проходил с боями, а теперь приходится здесь трудиться с миноискателем. Поселок южнее Брянска... Здесь он проходил в сорок третьем году, освобождал этот поселок...

Майор Май подходит ко мне и протягивает газету «Брянский рабочий», в которой опубликован очерк В. Васенкова. Читаю и проникаюсь еще большим уважением к этим людям. Мы живем, работаем спокойно, а они каждую минуту рискуют жизнью! Читаю:

«Потянуло на дождь, и водитель «газика» рядовой Анатолий Андреев прибавил ходу.

— Успею на место раньше тучки, — успокоил старший лейтенант Юришинец. — Все будет, как у Бондарчука.

— Почему у Бондарчука?

— А как же? Анатолий пять месяцев возил на съемки режиссера «Войны и мира».

К месту происшествия, действительно, приехали «раньше тучки». Вокруг никого не было.

— Так положено, — объяснил старший лейтенант. — Выставлено охранение. У обочины дороги бок о бок лежат мины, снаряды, гранаты. Еще одно зло войны. Солдаты изо дня в день ищут спрятанную до поры до времени суровым прошлым смерть. Медленно, шаг за шагом идут они среди сожженных и слушают, что скажет им земля. Надевают наушники миноискателя. Вывозят ушники тихо. Земля под ногами сдерживает свое дыхание. Там — смерть.

— Здесь мы должны осмотреть сто пятьдесят гектаров, — говорит лейтенант Романов и показывает на карте.

Коричневая ниточка дороги. Лес — справа и слева. В углу квадрата пометка: «Бр. могила». Парни в армейских гимнастерках готовы. Молодые, веселые парни. Где их отцы? Не все ведь дошли до дома...

По тем же дорогам, выискивая незажившие раны земли, идут сыновья. На привале улыбаются, подшучивают друг над другом. А возьмут в руки миноискатель — посерьезнеют, сразу станут будто взрослее.

Анатолий Андреев рассказывает:

— В Навле это было. Там на строительстве школы нашли в земле склад гранат. Они уже проржавели, тряхни чуть — взорвутся. А вывезить надо. Положили мы эти чертовы штуки в ящик с опилками. Поставили в машину. Везу. Впереди мостик бревенчатый, а в нем бревна нет. Тряхнет сейчас так!.. Но ведь назад не поедешь...

А сколько таких рейсов было у рядового Виктора Светелика! Офицеры группы подрывников сказали о нем в один голос: «Выдержанный, хладнокровный, дисциплинированный».

Вспомнилось армейское: «От дисциплины до подвига — один шаг».

Вот найден склад боеприпасов, сто шестьдесят снарядов, мин. Все сто шестьдесят извлечены из земли безошибочными, чуткими, как у хирургов, руками, которые осторожно кладут в машину эти смертоносные чушки, готовые «психануть» от любого неосторожного прикосновения.

Кузов смертей! А в кабине, за печаным засыпом, двое — Светелик и недавний выпускник артиллерийского училища лейтенант Романов. Отчаянный. На его счету уже семьсот подрывов. Отчаянный — не значит безрассудный. Просто человек очень смело и очень ответственно выполняет свое дело.

Еще несколько сот мегров, и уже цель. Подходить близко туда, где разгружается машина, запрещено. Опасно.

И вот все готово. Сейчас прогремят взрывы. А на бровке ямы, за которой выплеснется столб желтого дыма, растет щавель. Вышла после дождя радуга. Прополз вдали пассажирский поезд. Чтобы не врывалось в эту жизнь горе, и рискуют ежедневно старший лейтенант Юришинец, лейтенант Романов и все их подчиненные.

Война отзывается безжалостно, мстительно. В деревне подорвались подростки. Остался слепым и безруким мальчик, который ничего не знал о войне... Где-то саперы не успели помочь. Хотя и горючили. Только за это лето они обезвредили две тысячи хранящих роковую беду мин, гранат, снарядов.

Сейчас еще сто шестьдесят взлетят на воздух. Уже горит запальный шнур. Дрогнула земля.

— Раз! — считает Романов. — Два... Три...

Первая серия взрывов окончена. В кабинном зеркальце видны плотно сжатые губы Анатолия Андреева, его синие-синие глаза и над ними — звездочка на пилотке...

Такая же звездочка, только больше, потому что одна на всех, и там, на братской могиле, мимо которой пройдут саперы отряда. Когда-то у ребят, возможно, и зацемит от страха сердце, но руки их не дрогнут, и они не отступят. Потому что о каждом из них можно сказать: «Он весь в отца». А отцы у них были солдатами».

...Капитан Владимир Айвазян пригласил ребят в Ленинскую комнату на встречу со мной. Кстати, эту комнату оформили Владимир Максименко и рядовой Василий Алексеев. После того как Максименко по моей просьбе прочитал несколько стихотворений, у ребят развязались языки, они начали говорить непринужденно, что-то рассказывать, шутить.

Особенно разговорчив был рядовой Николай Гординский. Он спортсмен-лыжник, гимнаст. Сегодня Николай получил партийный билет. Рассказывал он темпераментно, глаза и щечи у него горели.

— Когда мы приехали на разминирование, было такое ощущение, что попали в совершенно другой мир... Нам казалось, что на каждом углу нас подстерегает смерть, — Николай старался выразить ужас на своем лице, но ничего не выходило: радость, исходящая из глубины его души, не давала ему этой возможности, и было странно, когда он с сияющим лицом рассказывал о трагических вещах. — В Сватуше, от Волговерховья, находился немецкий склад

боеприпасов, который фашисты, отступая, подорвали... Под конец работы я подхожу к кустам... Взрыв!.. Это подорвали очередную мину — в воздух взлетела гимнастерка. Я страшно перепугался, думал, что человек, оказалось, это был гимнастерка нашего майора Рыбина, который просто снял ее с себя и повесил на куст.

Грустную историю рассказал рядовой Нестор Чебану:

— Помню, во Ржеве недалеко от совхоза «Рассвет» дали нам место для очистки от мин. Это была роща... Рощей смерти называли ее, здесь проходили ожесточенные бои. Мы здесь с солдатом Курманбабаевым обнаружили противотанковые гранаты и рядом с гранатами — портянку и сапог с костями ноги... Стало жутко, от гнева сжалось сердце — это был сапог нашего бойца. Запомнилась еще Иванова-гора... Здесь наше подразделение окружало восемь рядов колючей проволоки... Там большой холм-курган — могила советских солдат. Все они как один отдали жизни в бою, но не сдались врагам...

В беседу включился рядовой Светелик:

— Земля дышит, говорят здесь, и действительно: дышит огненно. Недавно подорвался трактор. Двадцать лет копали картошку на этом участке, а под землей скрывались восемьдесят снарядов, все поле было усеяно минами. Но земля постепенно с нашей помощью расстает с этими смертоносными штучками. Вот здесь, кстати, мы нашли необычную самодельную партизанскую мину — диковинку инженерного искусства. А в Брянске, в центре города, во время рытья фундамента экскаватор совершенно случайно выкопал авиабомбу весом в восемьсот килограммов! Была объявлена тревога. Улицы опустели. Помню, с какой осторожностью загрузили мы машину, а потом вели ее по всему городу. Тогда же на улице Олега Кошевого нашли еще сто шестьдесят снарядов!

Рядовой Владимир Клепиков рассказал о том, как капитан Айвазян помог ему преодолеть страх. Вообще о капитане Владимире Айвазяне солдаты-саперы отзываются исключительно тепло.

Капитан Айвазян, с тех пор как окончил суворовское училище, не снимал военную форму. Мужественный человек, он со своим отрядом только за два года обезвредил по Калининской области двадцать семь тысяч мин! Офицер награжден Почетной грамотой Совета депутатов трудящихся Калининской области.

Под конец Айвазян говорил о Володе Клепикове:

— Он у меня артист, увлекается художественным чтением. В совхозе «Рассвет» целых три часа не отпускали его со сцены — читал очерк о боевых побратимах.

«Вооружившись миноискателями, — читал он, — парни выстраиваются на небольшой поляне. Лейтенант Романов обращается к строю:

— Слушай приказ по разминированию и очистке местности! Идите уступом, интервал друг от друга — десять-пятнадцать метров, расстояние между вами — два метра. Впереди — ефрейтор Юркин.

Снова звучит команда:

— Миноискатели к работе готовы!

Начинается напряженная работа. Монотонно гудят наушники. Солдаты медленно продвигаются вперед. Метр за метром прослушивается местность. Но вот гудки в наушниках смолкли. Значит, под миноискателем находится какой-то металлический предмет. Что это? Кусок ржавой проволоки? Консервная банка? Старый болт? А может быть, мина?! Идет кропотливое исследование. И вот вырисовывается куце тело снаряда. Как его извлечь? Это решает лейтенант Романов. У Романова приятное, открытое лицо, застенчивая улыбка. Но сейчас он строг и предельно серьезен.

Операция выполнена точно. Снаряд извлечен. Руки солдата осторожно несут смертоносный груз...

Подъехала специально оборудованная машина, солдаты начали погрузку, осторожно укладывая боеприпасы на песок.

Машина тронулась в путь. Что и говорить, рейс предстает опасный. Все зависело от мастерства водителя. Он вез груз, который мог взорваться при любом неловком толчке. А дорога — колдобины, ухабы...

Водитель рядовой Виктор Светелик искусно управляет машиной. За его плечами не один десяток таких рейсов.

— Сейчас мы занимаемся полной очисткой местности, — рассказывает старший лейтенант Юришинец. — Ведем поиски там, где шли бои. Нередко нам помогает местное население. Да вот беда, чаще всего саперов вызывают после того, как произойдет несчастный случай. Так было в селе Гремячее Навлинского района. Подорвалось сразу шесть мальчишек. Ребята нашли снаряды и решили «глушануть» рыбу.

Последние пятьсот метров пути самые трудные. Машина, покачиваясь с боку на бок, продвигается вперед буквально сантиметрами. И вот, наконец, финиш.

Опять звучат команды. Начинается разгрузка. Снаряды, мины, бомбы перекладываются в небольшие ямы. Сверху укладываются тротилловые шашки.

Романов и двое помощников поджигают огнепроводный шнур. Затем быстро вскакивают в «газик», и машина на бешеной скорости удаляется прочь. Надо отъехать подальше. Ведь осколки разлетаются на километр. Гонка продолжается считанные секунды. Машина останавливается в небольшой ложбине.

— Ложись! — командует лейтенант. Все пригибаются, ждут. Томительно тянется время.

И вдруг тишину разрывает мощнейший взрыв. За ним следует второй, через несколько мгновений третий. Вверх поднимается столб дыма. Трудная, опасная работа завершена.

Над нами проносятся испуганные утки.

— А не страшно брать снаряды в руки?

— Кому-то надо брать! — отвечают бойцы. Для них война не окончена, она продолжается каждый день».

...Много еще других историй довелось мне услышать там, в части, а сколько еще такого, чего я не услышал и не узнал, сколько героизма и мужества в повседневной жизни этих смелых, сильных духом людей!

Реваз Инанишвили пишет о сегодняшней жизни, о людях, которые вокруг нас. Пристально всматривается он в нашу действительность и, изображая ее, помогает читателю своих книг постичь сущность бытия советского человека на примере грузинского характера. Средствами художественной литературы он борется за того человека, которому под силу честно и наступательно решать самые ответственные задачи девятой пятилетки. Он — один из тех писателей, кто не является сторонним наблюдателем событий, сам всегда в гуще жизни и черпает из ее артезианских глубин живительную влагу своего творчества.

УТВЕРЖДАТЬ ДОБРО, ЧТОБЫ ПРЕОБРАЗОВЫВАТЬ ЧЕЛОВЕКА К ЛУЧШЕМУ

*Писатель РЕVAЗ ИНАНИШВИЛИ отвечает на вопросы критика
ДЖУМБЕРА ТИТМЕРИЯ*

— Вы — автор многих книг. Ваши произведения переведены на многие языки. О Вас, о Ваших книгах пишутся критические статьи. Расскажите, пожалуйста, как начиналась Ваша литературная деятельность?

— Первым моим литературным опытом было стихотворение. В нем, помнится, есть такие строки: «Красный всадник, стоящий на страже...». Затем я написал рассказ о коршуне, в основу которого легла легенда.

Детство мое накрепко связано с грузинским селом, с виноградниками и с прибрежными иорскими рощами. Воспоминание об этих местах и сейчас вызывает во мне щемящее чувство грусти и благодарности. Я говорю об этом потому, что считаю — одиночество (а в детстве я проводил много времени один — у окна, рисуя, читая, что-то записывая) и врожденная чувствительность (особенно по отношению к природе) многое подсказывают писателю.

— А влияния литературные? Как Вы к ним относитесь? В частности, лично Вам какой писатель особенно близок?

— Для меня самый близкий по духу писатель Важа Пшавела. Его «Высохший бук», «Восходит, светает», «Думы маленького пастушка» и «Воспоминание» оказали огромное влияние как на манеру моего повествования, так и на мое мироощущение. И сегодня Важа для меня тот, перед кем я внутренне отчитываюсь и как писатель, и как гражданин. Что же касается других, утверждать не решаюсь. Знаю, например, что у Томаса Манна были в свое время изумительные фигуры для подражания: Толстой и Фирдоуси. Манн любил повторять высказывание Фирдоуси: «Я тку ковер, у которого нет конца и края».

— Вы — один из наиболее характерных представителей нашей сегодняшней грузинской прозы. Что бы Вы сказали о ней? Какие ее черты наиболее примечательны и что, на Ваш взгляд, определяет ее самобытность — национальную и индивидуальную?

— Современная грузинская проза, не только сегодняшняя, но и предшествующего периода, не поддается однозначным определениям. Но все же, говоря о самобытности грузинской прозы, о ее автономности, что ли, я бы снова повторил то, что неоднократно уже было сказано: это поклонение родной природе, преданная любовь к своей стране, органически вытекающая из национального характера и всегда присутствующая в нашей классике; по этому пути развивается и современная грузинская литература, в частности ее проза. В ней, как и в других жанрах, идет борьба за чистоту и совершенство грузинского языка, и предела этой работе быть не может.

— Каждому времени сопутствует свой стиль. У каждого писателя своя манера письма... И тут, видимо, существуют какие-то общие закономерности, обус-

довленные социально-общественными сдвигами в быту и сознании. Что Вы могли бы сказать на этот счет?

— В том, что каждая эпоха наложила свой отпечаток на стиль литературных произведений, убедиться нетрудно (трудно лишь разграничить эти эпохи во времени и пространстве). Возьмем стиль так называемых куртуазных романов, их спокойное, сентиментальное повествование, затем обратимся к классике, хотя бы к грузинской, к началу двадцатого века: Нико Лордкипанидзе, Сандро Цирекидзе, Джаджу Джорджкия, Сапо Мгеладзе и другие... И затем следующее поколение — Михаил Джавахишвили, Константин Гамсахурдия, Демна Шенгелая, Серго Квдиашвили, Константин Лордкипанидзе. Между этими двумя поколениями — бездна в подходе и подаче литературного материала. Если у первых, между их коротких строк, мы все время ловим взгляд, устремленный в небос, то вторые трезво осматриваются вокруг, в них куда заметнее сила земного притяжения, они все время ощущают вещественность земли. В нынешней эпохе я очень определенно чувствую ее спортивность, что ли. Мне отчетливее всего другого бросается в глаза лаконичность и резкость спорта — будто перед глазами мелькает теннисный мячик, мечущийся из стороны в сторону. В современной грузинской прозе все чаще встречаются авторы, подобные Гураму Рчеулишвили, шагающие в тяжелых альпинистских башмаках, но я не вижу в этом ничего дурного.

— Поскольку Вы в основном работаете в жанре небольшого рассказа, хотелось бы услышать Ваше мнение о его возможностях.

— Сказать, что у широких полотен больше возможностей для отображения эпохи — было бы не совсем правильно. Чехов в основном был автором произведений малой формы. Но тем не менее он великолепно отобразил свинцовые мерзости быта минувшего века. Очень хорошо сказал Паустовский: если бы однажды на улицу вышли персонажи всех рассказов Чехова, Москва превратилась бы сразу в мир полицейских, приставов, чиновников в сюртуках, дам с зонтиками, мастеровых с согнутыми плечами, старых артистов и докторов в экипажах. О Фолкнере, главным образом известном своими романами, справедливо говорят, что в малом жанре, в частности в новеллах, он достигает поистине недостижимых вершин мастерства.

— Когда в прошлом году я писал о Вашей книге, то высказал такую мысль: «Реваз Иванишвили — мастер маленьких рассказов и новелл, и думается, он до конца должен быть верен этому жанру. На это предположение наталкивает и его повесть «Голубой клубок». Возможно, это мнение уже бытует в силу инерции, а Вы своей деятельностью, очень может быть, докажете обратное и начнете работать над созданием повести или романа. Хотелось бы поделиться своими планами на этот счет и высказали отношение к своей работе в жанре рассказа.

— Я сам настойчиво повторяю, что моя стихия — рассказ. Ведь у Шопена не было больших произведений, но мы не представляем сегодня мир музыки без него. Мысль в рассказе должна быть высказана четко, интенсивно и, естественно, лаконично. Я вспоминаю, как однажды на одном из конкурсов первой премии удостоился двухстрочный рассказ: «Меняю девичье вечернее платье на детскую коляску». Сколько в этой строке трогательной грусти и совершенно очевидно все перипетии женской участи. Малая форма для меня та сфера, где я чувствую себя гораздо увереннее.

— Какое из последних произведений грузинской советской литературы произвело на Вас самое сильное впечатление?

— Из произведений грузинской прозы последнего времени наиболее значительным явлением мне представляется «Дата Туташхия» Чабуа Амиразджиби. Этот роман своим напряженным сюжетом и, самое важное, смелыми концепциями, думается, не может не взволновать читателей, не вызвать сильных переживаний. «Дата Туташхия» еще в процессе «освоения» критикой и общественностью. Надеюсь, роман будет оценен по достоинству.

— Мне кажется, что в Вашем творчестве в значительной степени звучит тема: человек и природа, человеческое в человеке. Это, естественно, подразумевает глубокий психологизм и поэтичность, истинный реализм. Сейчас в процессе научно-технической революции, в процессе углубления урбанизации человек все больше отрывается от живой природы, а это неизбежно сказывается на его мышлении, поступках, чувствах. Не считаете ли Вы, что литература и искусство обязаны постоянно восстанавливать в человеке потребность общения с природой, принимать к живительным силам родной земли?

— Мне непонятно, почему иной раз в произведениях писателя, обращаясь к природе, ищут идеализацию патриархальности, призыв к возвращению современников к избушкам и «нетронутой» природе.

Как-то в одном совхозе корчевали столетние дубы, чтобы на их месте заложить фруктовые сады. Директор хозяйства, хлопнув меня по плечу, насмешливо спросил: что, сжимается сердце, когда дедовские дубы корчуют? Я думаю, что никто не осудит человека за то, что при виде этой картины у него не только сожмется сердце, но и брызнут слезы. Но продиктовано это было необходимостью, а писатель призван разбираться в природе вещей, во всех жизненных аспектах, заглядывая в самую суть явлений.

Земля принадлежит не только нам, людям, но мы единственные существа, наделенные разумом. И поэтому обязаны проявлять добрую волю и разумно управлять нашей планетой. Мы не имеем права с сожалением оглядываться назад, а обязаны очень зорко смотреть вперед. Надо постараться, чтобы на нашей земле было как можно больше зеленой травы с чистой прозрачной росой на ней.

Я совершенно отчетливо помню вчерашний безрадостный день сухих степей Самгори, и поэтому виноградники, покрывшие сегодня эту землю, и журчащая по ним вода вызывают во мне чувство глубокого удовлетворения. И когда я пишу рассказ об одиноком дереве доха, срубленном где-то в прибрежной роще, то надеюсь, что этим вторгаюсь в ход событий, помогаю готовить почву, на которой будут разумно и рачительно хозяйничать будущие поколения.

— Очень много ваших произведений написано для детей, и это дает право критикам и читателям считать Вас детским писателем. Творчество детского писателя обычно развивается по двум направлениям: он либо пишет книги, конкретно адресованные детям и юношеству, либо — о детях, но которые предназначены для взрослых. Я считаю курьезом то, что однажды «Маленький принц» Экзюпери попал в раздел детских книг. Интересно было бы узнать Ваше отношение к современной детской и юношеской грузинской литературе, к своей работе в этой области.

— Ясно, что не любое написанное о ребенке произведение можно отнести к детским. И не только «Маленький принц» попал в разряд «произведений для детей». Не так давно один искусствовед доказывал, будто истоки искусства для детей заложены в творчестве Леонардо и Рафаэля, ибо и тот и другой рисовали детей. А ведь дети-то эти — всего лишь младенцы на руках Мадонны...

Споры вокруг определения «детская» литература продолжаются... Многие считают, что детскую литературу вообще не следует выделять. Но я убежден: детская литература — существует. Ведь автор «Анны Карениной» писал маленькие рассказы специально для детей: его «Филиппок», «Акула», «Прыжок», «Заяц» и другие — гениальные образцы детской литературы. Вспомните, как он рассказывал внукам историю о мальчике, искавшем в огороде огурцы. И вы поймете, что перед Толстым сидит мальш с маленьким запасом жизненного опыта, но обладающий большой способностью фантазировать; и писатель подыскивает фразы, образы, простейшие по своей форме, но, бесспорно, вразумительные, и при этом говорит обо всем более отчетливо, с подчеркнутой интонацией, точно расставляя акценты. Недаром же эти рассказы написаны специально для учебника начальной школы.

Я должен согласиться с тем, что прежде детская литература не выделялась так резко в общем потоке литературы. Теперь же, когда и трехлетний ребенок претендует на роль читателя, для него нужна особая книга, обладающая своеобразной синтетичностью, в которой с раскрытием понятий сочетается музыкальность: звучание и ритм.

В нашей республике нет таких давних и богатых традиций детской литературы, как, скажем, в России, Англии, Германии. — лишь Важа Пшавела заложил основы настоящей грузинской детской литературы. О ее существовании свидетельствует и тот факт, что «Приключения Саламуры» А. Сулакаури и замечательная детская поэзия Маквалы Мревлишвили удостоены премии имени Руставели. Успешно работают в детской литературе Д. Джавахишвили, Э. Ахвледиани, К. Коберидзе и другие. Но наш маленький читатель требует большего: ему нужны увлекательные книги о героизме и мужестве человека. Как-то мой сын сказал мне: я назову тебя настоящим писателем только тогда, когда ты напишешь такую книгу, как «Таинственный остров» Жюль Верна. И должен признаться, у меня от этих слов настроение сильно испортилось...

— В заключение — самый традиционный вопрос: каковы Ваши творческие планы, над чем Вы сейчас работаете и какие социально-этические, нравственные, психологические проблемы Вас сейчас больше всего волнуют?

— Планы мои очень конкретны: постараться писать лучше, чем писал вчера и позавчера... Писать пока неизменно рассказы, которые будут способствовать утверждению добра на земле, поскольку добро — это тот феномен, который стал в мире самой великой функцией преобразования человека, и в которых в большей степени выразилось бы все течение нашей сегодняшней жизни.

Давид МАЙСУРАДЗЕ,
доктор исторических наук, профессор

ПАРТИЯ И ЛИТЕРАТУРА

К 70-летию II съезда РСДРП

Коммунистическая партия всегда рассматривала художественную литературу как одну из форм общественного сознания, важнейшую составную часть человеческой культуры, мощное средство воспитания трудящихся в духе коммунизма, советского патриотизма и пролетарского интернационализма.

В резолюции II съезда РСДРП «О партийной литературе» говорилось о том, «что насущной задачей партии в данный момент является создание строго выдержанной литературы, доступной для возможно более широкой массы читателей»¹. Здесь подразумевалась в первую очередь политическая литература, но эта резолюция определяла политику партии и в области художественной литературы.

В трудах основоположников марксизма изложена разработка проблемы идейности и политической тенденциозности литературы. «Отец трагедии Эсхил и отец комедии Аристофан, — писал Ф. Энгельс, — были оба ярко выраженными тенденциозными поэтами, точно так же и Данте и Сервантес, а главное достижение «Коварства и любви» Шиллера состоит в том, что это первая немецкая политически-тенденциозная драма. Современные русские и норвежские писатели, которые пишут превосходные романы, все сплошь тенденциозны»².

К. Маркс и Ф. Энгельс выдвинули идею партийности и народности литературы и искусства. Глубокие и передовые умы всегда связаны «невидимыми нитями с телом народа»³, — писал К. Маркс.

Идеи Маркса и Энгельса о значении литературы в деле художественного познания и отражения жизни, о задачах партии и рабочего класса в области культуры, о партийности и народности литературы и искусства нашли непо-

средственное развитие и продолжение в трудах В. И. Ленина в новых условиях всемирно-исторической эпохи пролетарской революционной борьбы.

В. И. Ленин неоднократно писал, что нет и никогда не было беспартийной, нейтральной литературы. В условиях капитализма беспартийность литературы в действительности означает маскировку буржуазной партийности.

Еще в 1905 году, определяя характер литературы в эпоху диктатуры пролетариата, в своей знаменитой статье «Партийная организация и партийная литература», опубликованной в большевистской газете «Новая жизнь», В. И. Ленин писал: «Это будет свободная литература, потому что не корысть и не карьера, а идея социализма и сочувствие трудящихся будет вербовать новые и новые силы в ее ряды. Это будет свободная литература потому, что она будет служить не пресыщенной героине, не скучающим и страдающим от ожирения «верхним десяти тысячам», а миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущность. Это будет свободная литература, оплодотворяющая последнее слово революционной мысли человечества опытом и живой работой социалистического пролетариата, создающая постоянное взаимодействие между опытом прошлого... и опытом настоящего»⁴.

По мысли Ленина, литература является мощным орудием общественной борьбы, она должна быть пронизана идеей социализма, высокохудожественно и правдиво отображать жизнь, пропагандировать передовые революционные идеи своего времени. Выполнить свою историческую роль литература сможет лишь будучи тесно связанной с жизнью народа, революционной практикой, продолжая лучшие традиции старой передовой культуры и творчески воплощая новаторские, революционные традиции.

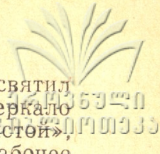
Высказывания Ленина по вопросам художественной литературы — это развернутая программа борьбы за комму-

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, изд. седьмое, часть I, стр. 54.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 505.

³ Там же, стр. 88.

⁴ В. И. Ленин. ПСС, т. 12, стр. 104.

нистическую партийность пролетарской литературы (и всей его идеологии): «Литературное дело должно стать частью общепролетарского дела»⁵.

В статье «Учитесь у врагов», написанной примерно тогда же, когда и «Партийная организация и партийная литература», есть такие слова: «Долой беспартийность! Беспартийность всегда и везде была орудием и лозунгом буржуазии».

Выдвигая принцип партийности как основополагающий принцип литературного развития, В. И. Ленин требовал подчинения партийной литературы партийному контролю.

Литература в его понимании — ответственный участок партийной работы.

Научно обосновав необходимость связи литературы и искусства с революционным движением пролетариата, В. И. Ленин вместе с тем решительно выступал против вульгарного понимания партийности литературы. Он подчеркивал, что нельзя механически отождествлять художественное творчество с другими формами идеологической работы партии. «В этом деле безусловно необходимо обеспечение большого простора личной инициативе, индивидуальным склонностям, простора мысли и фантазии, форме и содержанию»⁶.

Сторонники «чистого искусства» пытаются доказать, что художник ввиду специфичности своего искусства должен быть свободен от влияния общества и служить «абстрактной красоте». Эта идеалистическая теория, лозунгом которой является «искусство для искусства», противоречит всей практике человеческой культуры. Прогрессивная литература и искусство всегда неразрывно были связаны с народом, оплодотворялись передовыми идеями своего времени. Вся история литературы и искусства — это история борьбы двух культур: реакционной культуры господствующих классов и прогрессивной демократической культуры. Творчество всех великих художников выражало демократические традиции национальной культуры.

«Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Свобода буржуазного писателя, художника, актрисы есть лишь замаскированная (или лицемерно маскируемая) зависимость от денежного мешка, от подкупа, от содержания», — писал В. И. Ленин⁷.

Настоящим писателем является тот, кто выражает передовые идеалы своей эпохи, своего народа. Именно с этой точки зрения оценивал Владимир Ильич творчество Толстого, Герцена, Белинского, Чернышевского.

Льву Толстому В. И. Ленин посвятил серию статей: «Лев Толстой как зеркало русской революции», «Л. Н. Толстой», «Л. Н. Толстой и современное рабочее движение», «Толстой и пролетарская борьба», «Л. Н. Толстой и его эпоха» и другие.

Он рассматривал творчество Толстого как отражение общественных противоречий России с 60-х годов прошлого века по 1905 год. Источник творческой мощи гениального художника Ленин видел в его связи с борьбой народа.

Он всегда подчеркивал неразрывную связь А. М. Горького — основоположника новой социалистической литературы, ее метода социалистического реализма с революционным рабочим движением.

«Владимир Ильич, — рассказывает Н. К. Крупская, — очень ценил Алексея Максимовича как писателя. Особенно нравилось ему «Мать», статьи в «Новой жизни» о мещанстве, — сам Владимир Ильич ненавидел всякое мещанство, — нравилось «На дне», нравилась песни о Соколе и Буревестнике, их настрой, любил он также такие вещи Горького, как «Страсти-мордасти», как «Двадцать шесть и одна»⁸.

Глубокое влияние ленинских идей сказалось на развитии мировоззрения и творчества Горького. «Его отношение ко мне было отношением строгого учителя и заботливого друга»⁹, — вспоминал великий пролетарский художник.

Вся деятельность В. И. Ленина и созданная им Коммунистическая партия неопровержимо доказывают, что именно революционные марксисты, большевики являются последовательными защитниками и настоящими ценителями прогрессивной, демократической литературы, служащей интересам народа.

Дореволюционная большевистская пресса, особенно газеты «Искра», «Звезда» и «Правда», активно боролась за партийность, народность, боевую идейность художественного творчества.

В 20-х годах вопросам развития советской культуры, литературы и искусства большое внимание уделяли Ленин в своих работах «О пролетарской культуре», «Странички из дневника», «Лучше меньше, да лучше», «О кооперации» и других. Перед советской литературой В. И. Ленин ставил задачу изображать действительность в ее революционном развитии, уметь видеть глубокое содержание тех процессов коренной перестройки жизни, которую осуществляет советский народ, расширять связи с народом, показать массы — рабочих, крестьян, трудовую интеллигенцию — в процессе их борьбы за новую жизнь. Он

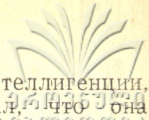
⁵ Там же, стр. 100—101.

⁶ Там же, стр. 101.

⁷ Там же, стр. 104.

⁸ Ленин о литературе. Сборник статей и отрывков. М., 1941, стр. 261.

⁹ М. Горький. Собр. соч., т. 17, стр. 44.

учил писателей большевистской идейности, требовал от них писать доступно для широких народных масс, но не опускаться до неразвитого читателя, а поднимать его развитие.

Повышению идейно-воспитательной работы литературы большое внимание было уделено XI, XII, XIII съездами партии.

XI съезд партии в 1922 году перед литературой поставил как основную и главную задачу — воспитание народа, особенно молодежи. Съезд признал «чрезвычайно необходимым создание литературы для рабоче-крестьянской молодежи, которая могла бы быть противопоставлена влиянию на юношество со стороны нарождающейся бульварной литературы и содействовать коммунистическому воспитанию юношеских масс»¹⁰.

В 1923 году XII съезд партии отметил, что «за последние два года художественная литература в Советской России выросла в крупную общественную силу». Съезд признал необходимым поставить в практической работе партии вопрос о руководстве этой формой общественного воздействия на очередь дня¹¹.

XIII съезд партии подчеркнул необходимость обеспечить строгую идеологическую выдержанность издаваемой литературы и указал на то, что «вся работа в этой области должна быть согласована с воспитательной деятельностью комсомола»¹². Съезд поставил задачу «приступить к созданию литературы для детей под тщательным контролем и руководством партии с целью усиления в этой литературе моментов классового, интернационального, трудового воспитания»¹³.

Для строительства новой, социалистической культуры в первые годы Советской власти важное значение имела литературная деятельность М. Горького, А. Серафимовича; Д. Бедного, В. Маяковского. С революцией, историческим прогрессом связали свою судьбу также А. Толстой, А. Блок, В. Брюсов, С. Сергеев-Ценский и другие честные, талантливые и передовые художники слова.

Исключительно велика была роль А. М. Горького в становлении и развитии советской литературы. Он был пламенным защитником молодой Советской республики, своим авторитетом всемирно известного писателя помогал партии в сплочении творческой интеллигенции вокруг Советской власти, был инициатором и организатором ряда новых

изданий. Обращаясь к интеллигенции, Алексей Максимович писал, что она «до сей поры играла тяжкую роль домовой лошади капитализма», и требовал смело решить вопрос, с кем она пойдет: «с народом, к радикальному изменению всех форм жизни, или с капитализмом для защиты отжившего строя»¹⁴.

Строительству нового мира отдал свой талант В. Маяковский, который говорил: «Я не поэт, а прежде всего (человек), поставивший свое перо в услужение, заметьте, в услужение сегодняшнему часу настоящей действительности и проводнику ее — Советскому правительству и партии»¹⁵.

Советский общественный строй, ликвидировав неравенство наций, привел к невиданному расцвету литературы и искусства всех ранее угнетавшихся народов России.

Когда Ленин работал над проектом новой программы партии, он включил в число первоочередных задач Коммунистической партии «содействие развитию языка и литературы угнетенных доселе или бывших неравноправных наций»¹⁶. Отвечая на вопросы американского агентства «Юнайтед Пресс», летом 1921 года он заявил: «Мы всячески помогаем самостоятельному, свободному развитию каждой народности, росту и распространению литературы на родном для каждого языке»¹⁷.

Развитие национальных литератур в нашей стране явилось прямым ответом на эту заботу вождя партии и народа.

Указания партии по вопросам литературы и искусства нашли отражение в известной резолюции ЦК РКП(б) от 18 июня 1925 года «О политике партии в области художественной литературы». Это решение было подготовлено специальной комиссией ЦК по вопросам литературы, которой руководил М. В. Фрунзе. В резолюции нашли яркое воплощение положения знаменитой статьи В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература» о руководстве со стороны партии литературным делом, о партийности литературы, о претворении ею в художественных произведениях великих идей марксизма-ленинизма.

Решительно осудив кастовую замкнутость, отрыв от народа, формалистические тенденции в искусстве, Центральный Комитет выдвигал генеральную за-

¹⁰ КПСС в резолюциях., ч. I, стр. 642—643.

¹¹ Там же, стр. 736.

¹² Там же, стр. 761.

¹³ Там же, стр. 513.

¹⁴ В. Иванов. Из истории борьбы за высокую идейность советской литературы, М., 1953, стр. 65.

¹⁵ В. В. Маяковский. Собр. соч., под общей редакцией Л. Ю. Брик, т. XII, стр. 246.

¹⁶ В. И. Ленин. ПСС, т. 38, стр. 95.

¹⁷ Там же, т. 39, стр. 114.

дачу создания подлинно народной литературы, доступной миллионам.

Призывая к борьбе с чуждыми для советской литературы и искусства влияниями, ЦК партии указывал: «В классовом обществе нет и не может быть нейтрального искусства, хотя классовая природа искусства вообще и литературы в частности выражается в формах, бесконечно более разнообразных, чем, например, в политике»¹⁸.

Резолюция ЦК имела большое значение для развития национальной по форме, социалистической по содержанию литературы братских народов СССР. В этом документе говорилось: «Необходимо обратить серьезное внимание и на развитие национальной литературы в многочисленных республиках и областях нашего Союза»¹⁹. Таким образом, резолюция дала развернутую программу развития советской литературы на длительный период. Многие положения резолюции сохранили свою актуальность и поныне.

Руководящие указания ЦК партии были положены в основу литературной политики и всей идеологической работы Коммунистической партии Грузии. Рассматривая положение о грузинской литературе двадцатых годов, Г. К. Орджоникидзе по поводу вышеназванной резолюции говорил: «В Грузии партия уже работала сообразно с теми принципами, которые положены в основу этого постановления. Тем, кто искренне стал на почву советской системы, мы предоставляем всякие возможности выявить свой талант и творить. Мы открываем широкую дорогу грузинской литературе, театру, музыке, науке, живописи, но если искусство, культура пожелают служить противным нашим, контрреволюционным целям, то тогда наша борьба с ними станет беспощадной»²⁰.

Идейно-художественная зрелость грузинской литературы этого периода определялась умением писателей раскрыть в положительных образах черты нового человека, борьбу за революционную ломку старых общественных отношений и социалистическое переустройство жизни. Появилось много стихов, повестей, рассказов, написанных на местном материале и отражающих события новой жизни.

На пути развития грузинской советской литературы знаменательную веху представлял 1-й съезд писателей Грузии, работавший 21—23 февраля 1926 года. На съезде с докладом о текущем моменте и задачах писателей выступил из-

вестный деятель Коммунистической партии и Советского правительства Филипп Махарадзе. Выступление выдающегося писателя Василия Барнова, речи таких больших мастеров слова, как Михаил Джавахишвили, Паоло Яшвили, Симон Чиковани, и других свидетельствовали, что литературно-художественная интеллигенция Грузии в своем подавляющем большинстве в процессе социалистических преобразований активно включилась в создание новой жизни, вносила свой вклад в общую сокровищницу многонациональной советской литературы.

Состоявшийся в марте 1928 года Второй съезд писателей Грузии принял решение об объединении действовавших в тот период литературных групп и «ассоциаций» в единую федерацию советских писателей Грузии.

Важной вехой в развитии советской литературы и искусства явилось известное постановление ЦК партии от 23 апреля 1932 года «О перестройке литературно-художественных организаций».

В постановлении отмечалось: несколько лет назад, когда в литературе налично было значительное влияние чуждых элементов, особенно оживившихся в период нэпа, а кадры пролетарской литературы были еще слабы, партия всемерно помогала созданию и укреплению особых пролетарских организаций в области литературы и искусства в целях укрепления позиции пролетарских писателей и работников искусства.

Ввиду того, что в новых условиях, когда писательская общественность становилась все более массовой и единой по своему мировоззрению, а существующие пролетарские организации писателей были уже узки и тормозили дальнейшее развитие творческой деятельности, ЦК постановил ликвидировать ассоциацию пролетарских писателей и создать единый союз писателей, организовав в нем коммунистическую фракцию.

Этот исторический документ явился конкретным воплощением ленинских принципов партийного руководства литературным делом. Перестройка литературных организаций ликвидировала групповую борьбу и способствовала объединению всех творческих организаций вокруг задач социалистического строительства, укреплению всех писательских сил.

Большим событием в культурной жизни нашей страны явился Первый всесоюзный съезд советских писателей, состоявшийся в августе 1934 года. По образному выражению К. Федина, он был не только съездом советских писателей, но и съездом советских национальностей.

В своем докладе на съезде А. М. Горький сказал, что освобожденные на-

¹⁸ «О партийной и советской печати», сборник документов, изд. «Правда», М., 1954, стр. 345.

¹⁹ Там же, стр. 347.

²⁰ Журнал «Дроша», 1925, № 28, стр. 19.

роды теперь имеют все возможности для свободного выдвижения талантов, прежде подавленных и забытых.

В речи А. А. Жданова, выступившего на съезде с приветствием от ЦК партии, были охарактеризованы основные черты советской литературы — самой идейной, самой передовой, самой влиятельной литературы мира, дано определение ее метода — социалистического реализма: знать жизнь, чтобы уметь ее правильно изобразить в художественных произведениях; изобразить не схоластически, а в ее революционном развитии; правдивость и историческая конкретность художественного изображения должны сочетаться с задачей идейной перделки и воспитания трудящихся в духе социализма.

К Первому всесоюзному съезду писателей грузинская литература пришла со значительными успехами, она обогатилась важнейшими темами современности: индустриализация страны и коллективизация сельского хозяйства, проблема формирования нового человека, нерушимая дружба советских народов, историческое прошлое нашей Родины. Об этом докладывал съезду председатель Союза писателей Грузии Малакия Торшелидзе.

В развернувшейся на съезде творческой дискуссии активное участие приняли Михаил Джавахишвили, Шалва Дадияни, Тициан Табидзе, Николоз Мицишвили, Сандро Эули-Куридзе.

Накануне съезда по инициативе А. М. Горького Союзом писателей СССР в Грузию были командированы известные русские советские писатели Н. Тихонов, Б. Пастернак, П. Павленко, Ю. Тынянов, О. Форц, В. Гольцев и другие. Они много сделали для изучения, перевода и популяризации произведений классической и современной грузинской литературы.

Произведения грузинских писателей стали еще доступнее советской общественности после съезда, уделившего большое внимание росту литератур братских республик.

Переводы шедевров русской и зарубежной литературы всегда считались в Грузии почетным делом. Известно, что Илья Чавчавадзе в своей газете «Иверия» воспитал целую плеяду талантливых переводчиков, а сам совместно с Иваном Мачабели перевел на грузинский язык бессмертные творения Шекспира. Переведенные Акакием Церетели на грузинский язык басни И. А. Крылова считаются непревзойденным образцом художественного перевода.

Уже в довоенное время на грузинский язык были переведены и изданы большими тиражами многие основные произведения классиков русской и зарубежной литературы, а также известных со-

ветских писателей М. Горького, В. Маяковского, А. Серафимовича, Д. Фурманова, Ф. Гладкова, А. Фадеева, М. Шолохова, К. Тренева, В. Иванова, Ф. Панферова, Б. Лавренева и других. Систематически переводились и издавались также лучшие образцы украинской, белорусской, армянской, азербайджанской литературы.

«Прежде, — говорил М. И. Калинин на Тбилиском общегородском собрании представителей интеллигенции 27 мая 1940 года, — грузинский писатель писал на грузинском языке только для грузинского народа. Даже очень даровитому писателю прорваться на широкую арену, не говоря европейскую, но и в российскую литературу, представляло огромные трудности, вплоть до полицейских рогаток... Теперь же он действительно творит для грузинского народа, а вместе и для всего советского народа. В этом как раз и выражается одна из важнейших особенностей Советской власти, глубоко интернациональной по самой своей природе»²¹.

В области перевода грузинских поэтических произведений на русский язык неocenимо много сделал Николай Тихонов, Николай Заболоцкий, Борис Пастернак, Павел Антокольский, Корней Чуковский, Владимир Державин, Александр Кочетков, Михаил Луконин, Александр Межиров и другие замечательные русские поэты.

Переводы художественных произведений сыграли значительную роль в истории укрепления литературных связей между Грузией и Украиной, Белоруссией, Азербайджаном, Арменией и другими братскими республиками.

В довоенные годы мастера грузинской прозы создали ряд произведений, проникнутых дыханием современной жизни. В духовную сокровищницу грузинского народа значительный вклад внесли писатели, работающие в области драматургии, детской и юношеской литературы.

Партийная организация и правительство Грузинской ССР проявляли исключительную заботу об освоении богатейшего литературного наследия. В праздник братского содружества народов СССР превращались юбилей Шота Руставели, Илья Чавчавадзе, Акакия Церетели, Важа Пшавела, Эгнате Ниношвили.

Характерные особенности советской литературы — партийность, коммунистическая идейность, народность, глубокая преданность своей социалистической Родине — с наибольшей отчетливостью выступали в период Великой Отечественной войны Советского Союза.

²¹ «Заря Востока», 29 июня 1940 г.

В годы тяжелых испытаний и напряженной борьбы грузинские писатели в своих произведениях отражали героические подвиги советских людей на фронте и в тылу, страстно призывали народ к ратным и трудовым подвигам во имя свободы Отечества, создавали образ советского человека, отважного, безгранично преданного родной земле.

Большой популярностью в народе пользовались замечательные стихи грузинских поэтов, которые огненным словом воодушевляли бойцов фронта и тружеников тыла, воспевали героические дела советских людей. К таким поэтическим произведениям относятся «Земля моя родная» Галактиона Табидзе, «Не горюй, мать» Георгия Леонидзе, «Родина и победа» Иосифа Гришашвили, «Капитан Бухайдзе» Ираклия Абашидзе и другие. Из больших эпических полотен, созданных в годы войны, к числу выдающихся произведений грузинской литературы принадлежат «Давид Гурамишвили» Симона Чиковани и «Непобедимый Кавказ» Григола Абашидзе.

За годы войны были написаны значительные прозаические произведения, рисующие героическую оборону Кавказа, образы доблестных героев Отечественной войны, единство фронта и тыла.

По словам А. Н. Толстого, в суровые дни войны литература была призвана сказать «о нашей непоколебимой воле бороться и победить, сказать о наших неисчерпаемых резервах творческих сил, сказать о нашей пламенной любви к Родине, о нашей верности братьям и друзьям нашим... сказать нашим смертельным врагам, что советское искусство умеет пламенно любить и умеет огненно и действительно ненавидеть. В ненависти к врагам советское искусство почерпнуло глубокую нравственную и творческую силу. И оттого наше искусство сверкает, как меч над головой врага»²².

Грузинская литература — неразрывная часть многонациональной советской литературы — сумела запечатлеть думы и чаяния борющегося народа и тем самым с честью выполнила свое призвание, потому что ее вдохновляли и воодушевляли самые справедливые цели освободительной войны, светлые идеи социалистического гуманизма.

Партия высоко оценила огромную роль, которую выполнила советская литература в период мира и войны.

«Именно потому, — говорил А. А. Жданов, — что Советское государство и наша партия с помощью советской литературы воспитали нашу молодежь в духе бодрости, уверенности в силах, имен-

но поэтому мы преодолели величайшие трудности в строительстве социализма и добились победы над немцами и японцами»²³.

В истории грузинской советской культуры событием большой важности явилась Декада грузинской литературы в Москве летом 1944 года. Это первое широкое выступление грузинских художников слова в столице нашей Родины превратилось в смотр достижений многонациональной советской литературы, в демонстрацию нерушимой дружбы братских народов Советского Союза.

В послевоенный период партия сформулировала свои требования к литературе в известных решениях 1946—1948 гг. по идеологическим вопросам. Эти решения Центрального Комитета партии потребовали от советских писателей повышения идейности литературного творчества и уровня художественного мастерства. Партия сурово осудила безыдейность, аполитичность, формализм, космополитическое раболепие перед упадочной буржуазной культурой, призвала писателей развернуть критику и самокритику в своей среде, неустанно и последовательно бороться за высокую художественную правду.

Постановления ЦК партии о литературе и искусстве сыграли большую роль в дальнейшем подъеме грузинской советской литературы. Были созданы значительные произведения всех литературных жанров. Грузинская литература обогатилась новыми литературными именами. Некоторые произведения были отмечены Государственной премией.

Неиссякаемым источником творческого вдохновения грузинских писателей стала идея интернационализма и братства народов. На протяжении последних двадцати лет в грузинской литературе создана целая галерея образов представителей братских народов. Можно с уверенностью сказать, что это образы русских, украинцев, белорусов, армян, азербайджанцев и других.

В условиях острой идеологической борьбы двух систем неизмеримо возрастает роль советской литературы и искусства в формировании у трудящихся высоких идейно-политических качеств, норм коммунистической морали, воспитании коммунистического отношения к труду и общественной собственности, укреплении сознательной дисциплины и организованности.

«Советская литература и искусство, — указывается в Программе КПСС, — проникнутые оптимизмом и жизнеутвер-

²² А. Н. Толстой. ПСС, т. 14, Гослитиздат, М., 1950, стр. 359.

²³ А. А. Жданов. Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград», Госполитиздат, 1946, стр. 17.

ждающими коммунистическими идеями, играют большую идейно-воспитательную роль, развивают в советском человеке качества строителя нового мира. Они призваны служить источником радости и вдохновения для миллионов людей, выражать их волю, чувства и мысли, служить средством их идейного обогащения и нравственного воспитания».

В решениях и материалах XXIV съезда КПСС ярко отразились основные принципы политики Коммунистической партии в области литературы и искус-

ства, борьба против всяких проявлений идеалистической эстетики, идейное воспитание писателей, упорная и неустанная работа над повышением художественного мастерства. Съезд призвал работников литературы и искусства глубоко изучать действительность, видеть закономерности и перспективы развития нашей страны, создавать искусство правдивое, искусство больших мыслей и чувств, вскрывать жизненные противоречия и конфликты, обличать все то, что противодействует нашему движению вперед.

«ВСЕ ПЕРЕЖИТОЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ МНЕ СНОВИДЕНИЕМ...»

О пребывании А. П. Чехова в Грузии

Многие выдающиеся русские писатели побывали на Кавказе, в частности — в Грузии. Об их пребывании здесь имеется немало материалов на русском и грузинском языках. Однако о приездах Антона Павловича Чехова в Грузию существует лишь несколько высказываний в литературе на русском языке, которые носят констатационный характер. Значительно больше написано на грузинском языке. Между тем, как замечает исследователь Б. Степанов, Чехов «любил этот край, его людей. Правда, в творчестве писателя Кавказ не получил отображения, какое он, скажем, получил у Пушкина, Лермонтова или Л. Толстого»¹. И здесь же добавляет, что «эпистолярное наследие писателя — его письма, дневники и записные книжки — свидетельствует о большом интересе Чехова к Кавказу»².

Это, безусловно, так, но следует выяснить, почему «в творчестве писателя Кавказ не получил отображения, какое он, скажем, получил у Пушкина, Лермонтова или Л. Толстого».

На наш взгляд, иначе и быть не могло. Дело в том, что тема Кавказа вообще, Грузии в частности вошла в русскую литературу как тема освободительной борьбы; художественно решенная как показ борьбы свободолюбивых, сильных и гордых людей за свою свободу и независимость, она закономерно соответствовала вольнолюбивым идеалам передовой русской литературы, органически связанной с освободительным движением прогрессивной части русского общества той эпохи.

Но ко времени приезда А. П. Чехова в Грузию положение изменилось. Освободительная борьба грузинского народа органически вошла в общее освободительное движение народов, населявших тогдашнюю Российскую империю. Наступил третий, пролетарский этап в общерусском освободительном движении. Порабощенные народы во главе с русским народом стали выступать единым фронтом против царского самодержавия. И если писателю-реалисту суждено было писать о наиболее характерных явлениях Грузии той эпохи, то он должен был обрисовать сугубо грузинское, национальное на фоне и в связи с общерусским революционным движением.

По своему мировоззрению Чехов не был готов к подобному восприятию действительности; он лишь шел к нему. К тому же его пребывание в Грузии было кратковременным, и узнать грузинскую действительность, грузинские характеры и традиции он, естественно, не смог, не успел. Поэтому даже тот сравнительно небольшой материал о Грузии, который встречается у него, заслуживает внимания.

Как известно, А. П. Чехов дважды побывал в Грузии. Впервые он приехал сюда на несколько дней в июле 1888 года вместе с Алексеем Алексеевичем Сувориным, сыном А. С. Суворина.

Лето 1888 года для Антона Павловича было довольно бурным: публиковались его новые произведения, он следил за высказываниями прессы о его рассказах и повестях, совершил большую поездку по Украине, которая произвела

¹ Б. Степанов. Кавказские поездки Чехова. «Ставропольский край», 1951, № 7, стр. 198.

² Там же.

на него большое впечатление. (Однако эти впечатления и наблюдения мало отражены в его творчестве).

В начале июля А. Чехов уехал в Крым и 13 июля прибыл в Феодосию, где жил до 22 июля в семье Сувориных. Там и возникла мысль о поездке в Среднюю Азию и Персию через Грузию. М. П. Чехов писал: «В первый год пребывания на Луке в середине лета А. П. отправился гостить к А. С. Суворину в Феодосию. Там, совместно с его сыном Алексеем Алексеевичем, он разработал обширный план поездки в Среднюю Азию и в Персию, и в июле оба они отправились в путь»³.

В письме же самого писателя к сестре читаем: «Гонит меня из Крыма моя лень. Я не написал ни одной строки и не заработал ни копейки; если мой гнусный кейф продлится еще 1 — 2 недели, то у меня не останется ни гроша и чеховской фамилии придется зимовать на Луке. Мечтал я написать в Крыму пьесу и 2 — 3 рассказа, но оказалось, что по южным небом гораздо легче взлететь живым на небо, чем написать хоть одну строку»⁴.

Вряд ли этот перерыв в работе действительно объясняется ленью; скорее кратковременный застой в «писании» был вызван переутомлением, и Чехов, на редкость трудолюбивый и продуктивный художник, жаждал новых впечатлений, своеобразной передышки. Крым и его окрестности в известном смысле примелькались, приелись ему.

Маршрут поездки был четко установлен. Брату — Александру Павловичу Чехов сообщал: «Приближаюсь к Новому Афону, где, вероятно, и остановлюсь на сутки... Думаем добраться до Самарканда... Маршрут такой: Батум — Тифлис — Баку — Каспий — Закаспийская дорога»⁵.

25 июля на пароходе «Юнона» А. П. Чехов вместе с А. А. Сувориным прибыл в Новый Афон.

На Черноморском побережье Грузии перед писателем открылся совершенно новый мир: доселе невиданная им природа, новые люди. Все сливалось в неизведанную дотоле симфонию красоты и изящества. Очарованный Антон Павлович писал из Сухуми А. С. Суворину 25 июля: «Я в Абхазии! Ночь ночевал в монастыре «Новый Афон», а сегодня с утра сижу в Сухуме. Природа удивительная до бешенства и отчаяния. Все ново, сказочно, глупо и поэтично. Эвкалипты, чайные кусты, кипарисы, кедры, пальмы, ослы, лебеди, буйволы, сизые журавли, а главные горы — горы и гор без конца и краю. Сижу я сейчас на балконе, а мимо лениво прохаживаются абхазцы в костюмах маскарадных капуцинов; через дорогу бульвар с маслинами, кедами и кипарисами, за бульваром темно-синее море... Вечереет... Скоро поеду на пароход. Вы не поверите, голубчик, до какой степени вкусны здесь персики! Величина — с большое яблоко, бархатистые, сочные...»⁶.

Каждое слово этого письма свидетельствует о том, что Чехов поистине был очарован природой Грузии. Но вместе с тем чувствуется, что рядом с писателем не было никого из местного населения, кто бы хорошо знал страну и ее народ, местные традиции и обычаи.

Абхазия с ее чудесной природой всколыхнула в Чехове новые чувства. Тонкий ценитель красоты, он был настолько тронут красотой окружающего, что в нем проснулись до того неведомые ему мечтания, его трезвый разум устремился здесь к романтическому, сказочному. «Если бы я прожил в Абхазии хотя месяц, то, думаю, написал бы с полсотни обольстительных сказок. Из каждого кустика, со всех теней и полутеней на горах, с моря и с неба глядят тысячи сюжетов. Подлец я за то, что не умею рисовать»⁷.

О необыкновенно сильной, впечатляющей силе абхазской природы, красоте Нового Афона и Сухуми повторно рассказывает писатель и в своем письме к Н. А. Лейкину от 12 августа⁸.

27 июля он уже — в городе-порте Поти, о чем и писал И. П. Чехову: «...Гуляю по Поти. После обеда поеду на почтовых на Батум»⁹.

Путь на пароходе до Поти не дал писателю новых впечатлений. В связи с этим стоит отметить один факт, который, хотя и не имеет существенного значения, тем не менее любопытен.

Исследователи, касающиеся поездки А. П. Чехова по Грузии, обычно считают, что он из Поти в Батуми выехал на пароходе «Дир». Профессор Г. А. Та-

³ М. П. Чехов. Антон Чехов на каникулах. В книге «Чехов в воспоминаниях современников», М., 1952, стр. 57.

⁴ А. П. Чехов. Полн. собр. соч. и писем, т. 14, стр. 136.

⁵ Там же, стр. 138 — 139.

⁶ Там же, т. 7, стр. 383—384.

⁷ Там же, т. 14, стр. 140.

⁸ Там же, стр. 146.

⁹ Там же, стр. 141.

длинными, например, в своей работе об А. П. Чехове пишет: «В тот же день (27 июля. — О. Л.) писатель на пароходе отбыл в Батуми, где ненадолго остановился и уехал в Тбилиси. Путешествие из Поти до Батуми описано им подробно в письме к М. П. Чехову.

Между прочим, в этом письме Антон Павлович повествует своему брату, как избежал их старый пароход «Дир» столкновения с пароходом «Твид», шедшим из Батуми. Следует отметить, что причиной возможной катастрофы послужил сам Чехов, который, поскользнувшись из-за сильной качки, ухватился за какой-то прибор, что вызвало выход прибора из строя и потерю ориентации корабля»¹⁰.

Об этом сам писатель рассказывает в письме к М. П. Чехову от 28 июля 1888 года. Из его текста явствует, что пароход «Дир» мчитя на всех парусах «от Сухума до Поти», что «видна зеленая Рионская долина, а возле нее Потийская бухта...». Случай на «Дире» имел место на пути из Сухуми до Поти. Что же касается отметки на письме — «28 июля 1888, пароход «Дир», то это скорее всего — либо ошибка автора, либо путешествие продолжалось на этом же пароходе до Батуми, хотя А. Чехов предполагал отправиться в Батуми почтовым экипажем («Гуляю по Поти. После обеда пседу на почтовых на Батум», — писал он И. П. Чехову 27 июля)¹¹.

28 июля Антон Павлович приехал вместе с А. Сувориным из Батуми в Тифлис и на следующий день выехал в Баку.

О пребывании в Тифлисе писатель ничего не сообщает: осмотрел ли он город, понравился ли он ему, встретился ли там с кем-нибудь, неизвестно. В письме к Ф. Я. Долженко Антон Павлович скупо сообщает: «Теперь я в Тифлисе, а завтра еду в Баку купаться в Каспийском море...»¹².

Из Баку, как известно, А. П. Чехов вернулся в Тифлис, так как его спутник А. А. Суворин получил весть о кончине брата. «Из Баку хотел я плыть по Каспию в Узунда на Закаспийскую дорогу, в Бухару и в Персию, но пришлось повернуть оглобли назад, мой спутник Суворин-фис получил телеграмму о смерти брата и не мог ехать дальше», — сообщал писатель Н. А. Лейкину¹³.

Из Тбилиси в конце июля — начале августа Чехов вместе с А. А. Сувориным выехал по Военно-Грузинской дороге в Сумы.

Военно-Грузинская дорога произвела на писателя огромное впечатление. В письмах к разным адресатам он неоднократно высказывал свое восхищение ею.

В письме к К. С. Баранцевичу, посланном 12 августа 1888 года из Сум, А. П. Чехов писал: «Был я в Крыму, в Новом Афоне, в Сухуме, Батуме, Тифлисе, Баку... Впечатления до такой степени новы и резки, что все пережитое представляется мне сновидением и я не верю себе...»

Пережил я Военно-Грузинскую дорогу. Это не дорога, а поэзия, чудный фантастический рассказ, написанный демоном и посвященный Тамаре... Вообразите Вы себя на высоте 3000 футов... Вообразили? Теперь извольте подойти мысленно к краю пропасти и заглянуть вниз; далеко, далеко Вы видите узкое дно, по которому вьется белая ленточка — это седая, ворчливая Арагва; по пути к ней Ваш взгляд встречает тучки, лески, овраги, скалы. Теперь поднимите немножко глаза и глядите вперед себя: горы, горы, горы, а на них насекомые — это коровы и люди... Поглядите вверх — там страшно глубокое небо Дует свежий горный ветерок...». И далее: «Вообразите две высокие стены и между ними длинный, длинный коридор; потолок — небо, пол — дно Терека; по дну вьется змея пепельного цвета. На одной из стен полка, по которой мчитя коляска, в которой сидите Вы...»

И следом — возмущение отсутствием в этих сказочных местах местных писателей: «Ни одного поэта, ни одного певца»¹⁴.

Такая неосведомленность, думается, объясняется тем, что во время своего кратковременного пребывания в Грузии (1888 г.) А. П. Чехов не встречался с грузинскими общественными и литературными деятелями или с кем-либо, кто хоть в какой-то мере знал грузинский народ, его многовековую культуру, его поэзию.

¹⁰ Георгий Талиашвили. А. П. Чехов, Тб., 1960, стр. 88. Данная монография является лучшим исследованием о Чехове на грузинском языке.

¹¹ А. П. Чехов. Полн. собр. соч. и писем, т. 14, стр. 141.

¹² Там же, стр. 144. К сожалению, ничего не известно о пребывании писателя в Баку, о его впечатлениях. См. Г. Бабаев. А. П. Чехов в Азербайджане. «Дружба народов», 1954, № 5.

¹³ А. П. Чехов. Полн. собр. соч. и писем, т. 14, стр. 146.

¹⁴ Там же, стр. 147—148.

Поэтому нам кажется малоубедительным высказывание исследователя П. М. Гудушаури о том, что еще до приезда в Грузию Чехов должен был иметь определенное представление о ней. В работе «А. Чехов и грузинская литература» он заявляет, что Антон Павлович должен был наверняка знать «Историю Государства Российского» Н. М. Карамзина, соответствующие произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, а также отдельные произведения Н. М. Языкова, А. М. Майкова и особенно Я. П. Полонского, с которым с начала 1888 года у Чехова «установилась большая дружба как в личной жизни, так и в сфере творческой»¹⁵. Автор учитывает и факт его знакомства, частых встреч с А. Сумбаташвили.

Как большой писатель, внимательно следящий за литературой, А. П. Чехов не мог пройти мимо указанных произведений, в различных аспектах касающихся Грузии. Но почерпнутое из литературы, услышанное в беседах могло создать у него только образ свободолюбивого гордого народа, представлений в возвышенно-романтических тонах. Ничего реального, квалифицированного, отражающего современную ему жизнь, почерпнуть из них он не мог.

Таким образом, в ходе своей первой поездки по Грузии А. П. Чехов увидел красивую, неповторимую природу и не более. Но не увидел, да и не мог настоящего народа. Отсюда — отражение лишь природы Грузии в письмах и молчание о ней в художественном творчестве.

С другой стороны, видимо, и для грузинского общества остался неизвестным факт приезда А. П. Чехова в Грузию. Иначе хоть какое-то свидетельство об этом сохранилось бы.

Интерес А. П. Чехова к Грузии со временем не ослабел. В его письмах последующих лет часто высказывается желание вновь побывать на Кавказе, особенно в Грузии¹⁶.

Следует отметить, что именно в этот период Антон Павлович получил письмо Максима Горького из Нижнего Новгорода, содержащее интересное сообщение. В мае 1899 года Алексей Максимович писал ему: «30 апреля в Тифлисе ставили «Дядю Ваню». Один приятель написал мне письмо о своем впечатлении. Ставили два раза кряду, и он был оба раза»¹⁷.

Вторая поездка А. П. Чехова в Грузию непосредственно связана с Максимом Горьким. Дружба этих великих русских писателей общеизвестна. Они часто встречались, обменивались мнениями о наиболее важных литературных событиях, часто переписывались, причем, особенно много сообщали друг другу о своей творческой работе.

В 1900 году, в марте, Максим Горький приехал в Крым, где уже находился А. П. Чехов. Еще в начале года М. Горький, заболевший плевритом, в своих письмах сообщал Антону Павловичу о том, что собирается в Крым. А 7 апреля уже телеграммой предупреждал: «Через неделю приеду. Пешков»¹⁸.

В середине марта М. Горький приехал в Севастополь, оттуда — в Ялту, где с 1899 года постоянно проживал А. П. Чехов.

К этому времени в Ялту съехались известные писатели: Д. Мамин-Сибиряк, А. Куприн, И. Бунин, К. Станюкович, И. Гарин-Михайловский и другие¹⁹. Здесь же находился и весь состав МХАТа, который привез сюда «Чайку», «Дядю Ваню» Чехова и другие спектакли.

Замечательные писатели, режиссеры, художники, артисты встречались тут, беседовали... «Началась какой-то весенний праздник», — вспоминала впоследствии О. Л. Книппер-Чехова²⁰.

Встречи были частыми, непринужденными и интересными. Особенно часто встречались М. Горький и А. П. Чехов. Об этом свидетельствует Ольга Леонардовна Книппер-Чехова: «Как сейчас помню: мы сидим в кабинете только что отстроенного дома Антона Павловича и целый день слушаем повествования Горького о его скитаниях по Крыму и Кавказу. Почти все, что говорит Алексей Максимович, нам уже знакомо по рассказу «Мой спутник», но сидим мы затаив дыхание, слушаем жадно, потому что Горький как бы заново пережи-

¹⁵ П. Гудушаури. А. Чехов и грузинская литература. Изд. «Знание», Тб., 1959, стр. 15 — 19. Названная книжка небольшого объема является первой серьезной и интересной работой о Чехове на грузинском языке, в которой собраны и рассмотрены многочисленные факты, разносторонне освещающие вопрос.

¹⁶ Письмо А. Суворину. 1894 год. Полн. собр. соч. и писем, т. 16, стр. 154. Письмо к И. Потапенко. 1896 год. Там же, стр. 348. Письмо к А. Плещееву. 1889 год. Там же, стр. 364.

¹⁷ М. Горький. Собр. соч., т. 28, ГИХЛ, 1954, стр. 78.

¹⁸ Сборник «М. Горький и А. Чехов», М., 1951, стр. 57.

¹⁹ С. П. Сысоев. Чехов в Крыму. Симферополь, 1954, стр. 37 — 38.

²⁰ Чехов в воспоминаниях современников, стр. 509.

вает все свои скитания и это делает рассказ почти осязаемым и неотразимо увлекательным»²¹.

Во время одной из таких встреч М. Горького, А. П. Чехова и их близких знакомых в ялтинском саду и зародилась идея поездки в Грузию²².

Трудно установить, кто был ее инициатором. Во всяком случае, следует учесть силу воздействия на окружающих рассказов М. Горького о его пребывании в Грузии. Сам М. Горький стремился к такой поездке. Переломный момент в его творчестве требовал новых впечатлений, притока свежей информации.

Что же касается А. П. Чехова, вероятно, сыграло свою роль воспоминание о первой его поездке по Грузии. И еще одно обстоятельство имело значение. К тому времени относится возникновение сильного чувства Чехова к артистке МХАТа Ольге Леонардовне Книппер, ставшей впоследствии его женой.

После окончания театрального сезона она, как известно, в начале лета уехала из Крыма в Грузию к брату. Ее брат, Константин Леонардович Книппер, в те годы жил в Грузии, во Мцхета, где работал инженером на железной дороге. Сестра приезжала к нему и раньше, в 1899 году. Именно в то время возникла переписка между ней и А. П. Чеховым. Еще 16 июня 1899 года из Мелихова Чехов писал Ольге Леонардовне: «Что это значит? Где Вы? Вы так упорно не шлете о себе вестей, что мы совершенно теряемся в догадках и уже начинаем думать, что Вы забыли нас и вышли на Кавказе замуж. Если в самом деле Вы вышли, то за кого? Не решились ли Вы оставить сцену?»²³.

22 июля того же года в ответном письме О. Л. Книппер описывает красивые места в районе древней столицы Грузии. Она пишет об исторических памятниках страны, рассказывает о своих путешествиях по Военно-Грузинской дороге до Казбека, в Ахалцих и Карс²⁴.

Это письмо вызвало тогда желание Чехова приехать в Грузию. В письме же, направленном Ольге Леонардовне из Москвы во Мцхета, Антон Павлович писал: «Да, Вы правы: писатель Чехов не забыл актрисы Книппер. Мало того, Ваше предложение поехать вместе из Батума в Ялту кажется ему очаровательным. Я поеду...»²⁵.

Однако в том, 1899 году Чехов не смог приехать в Грузию, ибо был занят постройкой дачи в Ялте, где ему по состоянию здоровья приходилось постоянно жить.

В конце мая 1900 года он приехал в Грузию вместе с М. Горьким, известным художником-передвижником В. Васнецовым и врачами А. Алексиним и Л. Срединим.

Состав группы вряд ли случаен и, видимо, определен Максимом Горьким. Художник Васнецов был очень почитаем и М. Горьким, и А. П. Чеховым. Особенно близок он был Горькому. В октябре 1900 года Алексей Максимович писал Чехову из Нижнего Новгорода: «Васнецов — кланяется Вам. Все больше я люблю и уважаю этого огромного поэта. Его Боян — грандиозная вещь. А сколько у него еще живых, красивых, мощных сюжетов для картин! Желаю ему бессмертия»²⁶.

Александр Николаевич Алексин был известным врачом, близко знакомым М. Горькому и А. П. Чехову. Он был не только одним из выдающихся специалистов в области медицины, но и вместе с тем человеком большой культуры и огромного личного обаяния. М. Горький часто упоминал о нем в своем эпистолярном наследии и даже посвятил ему специальное воспоминание, в котором есть такие слова: «Его плотная, несколько тяжелая медвежья фигура, грубоватое лицо, прямой пристальный взгляд умных, насмешливых глаз и малословная, резковатая речь всегда возбуждали в людях доверие к нему...»²⁷.

Третий спутник — Леонид Валентинович Средин — был также известным врачом-хирургом, заболевшим туберкулезом и, подобно Чехову, навсегда поселившимся в Ялте. Благодаря корректности, глубокой культуре и широким образованию его дом вскоре стал местом встреч М. Горького, А. П. Чехова, Мамина-Сибиряка, артистов и художников. Именно Средину в мае 1900 года М. Горький подарил первый том своих рассказов с надписью: «Душе тонкой, чуткой и отзывчивой — хорошему моему человеку, приятному которого горжусь, — Леониду Валентиновичу Средину на память»²⁸.

²¹ О. Л. Книппер-Чехова. Из воспоминаний. Мои встречи с Горьким. «Ежегодник Московского художественного театра», 1949 — 1950, М., 1952, стр. 310.

²² См. Р. Вуль. А. М. Горький в Крыму. Симферополь, 1961, стр. 38.

²³ А. П. Чехов. Собр. соч. и писем, т. 18, стр. 172.

²⁴ См. переписку А. П. Чехова и О. Л. Книппер. 1934, стр. 52 — 53.

²⁵ А. П. Чехов. Собр. соч. и писем, т. 18, стр. 186.

²⁶ М. Горький. Собр. соч., т. 28, стр. 133.

²⁷ Там же, т. 14, стр. 318.

²⁸ «Горьковские чтения», М., 1968, стр. 9.

Состав группы, видимо, был в основном определен М. Горьким. Но Васнецов, Алексин и Средин своей глубокой порядочностью и культурой, безусловно импонировали и А. П. Чехову.

В связи с указанной поездкой встало несколько вопросов: с какой целью она состоялась, каков маршрут поездки и каковы встречи и личные контакты с представителями местной общественности.

Как правило, исследователи считают, что причину поездки А. П. Чехова и М. Горького со спутниками по Грузии следует искать в политической ситуации, что эта поездка была совершена в политических целях.

Б. Степанов, касаясь этого вопроса, писал: «Но была еще одна поездка на Кавказ, которую Чехов совершил с А. М. Горьким. Она представляет большой интерес не только биографически, но и как еще одно свидетельство дружбы, связавшей двух великих писателей в период, предшествовавший революционным бурям...».

Горький и Чехов, по ее (М. П. Чеховой) словам, «выехали на Кавказ во второй половине мая 1900 года совместно с художником В. М. Васнецовым и ялтинским врачом Алексиным. Маршрут поездки был таков: Военно-Грузинская дорога, Мцхета, Тифлис, Батум».

Многое говорит за то, что маршрут был выбран не случайно. Из Закавказья приходили важные вестки. Там назревали грозные события. В 1900 году тифлиссские рабочие праздновали день Первого мая за городом в районе Солёного озера. Они пришли туда с революционными лозунгами. Вслед за маевкой на тифлиссских предприятиях прокатилась волна забастовок. Они продолжались с мая по июль, то есть как раз в то время, когда Чехов и Горький совершили свою поездку. Есть все основания считать, что Алексей Максимович встречался в этот период со своими друзьями»²⁹.

Б. Степанов считает, что А. П. Чехов, безусловно, знал об участии М. Горького в делах РСДРП; он отмечает, что они оба «глубоко возмущались репрессиями» царского правительства против революционного студенчества. В связи с этим он заключает, что «поездка эта носила далеко не туристический характер».

«Весьма возможно, — продолжает автор, — что Чехов присутствовал при встречах и беседах Горького с его тифлиссскими друзьями и товарищами по борьбе. Не этим ли объясняется строгое молчание, которое хранил Чехов об этой поездке? Не случайно и то, что именно после этой поездки он стал проявлять большой интерес к революционной деятельности Горького»³⁰.

В связи с целью поездки А. П. Чехова и М. Горького по Грузии, а также учитывая вышеприведенное высказывание Б. Степанова, профессор Г. А. Талиашвили пишет, что Б. Степановым допущена ошибка, что упомянутая демонстрация имела место не в 1900 году, а годом позже: «Б. Степанов в своей статье «Кавказские поездки Чехова» утверждает, что молчание писателя о пребывании в Тбилиси объясняется конспиративными соображениями. По его мнению, М. Горький и А. Чехов приехали в Тбилиси не как туристы, а для участия в известной первомайской демонстрации, которая якобы состоялась 1 мая 1900 года. Ясно, что здесь допущена грубая ошибка. Первомайская демонстрация, которую имел в виду Б. Степанов, состоялась в Тбилиси не 1 мая 1900 года, а 22 апреля 1901 года. А. Чехов и М. Горький не могли приехать на год раньше для присутствия или участия в демонстрации. Но, с другой стороны, ясно, что молчание обоих писателей объясняется определенной политической причиной»³¹.

Следует однако отметить, что неточность допускатся обоими исследователями.

Дело в том, что маевка в Тбилиси на самом деле была в 1900 году. Но состоялась она за 2 месяца до приезда А. Чехова и М. Горького — в конце апреля 1900 года в районе Солёных озёр. Это — известный факт³². Кроме того, уже после отъезда писателей, в том же году в августе, проходили большие забастовки рабочих Главных железнодорожных мастерских.

²⁹ «Ставропольский альманах», 1951, № 7, стр. 201 — 202.

³⁰ Там же.

³¹ Георгий Талиашвили. А. П. Чехов, стр. 99.

³² Об этой маевке доносила и агента Тифлисского губернского жандармского управления: «23 числа на Солёном озере около Тифлиса была большая сходка рабочих до 400 человек, кои собрались под красным знаменем с надписями: «Да здравствует 8-часовой рабочий день». ЦГА ГССР, ф. 7, д. 539, л. 15. Документ введён в научный оборот Б. А. Пирадовым. А о грандиозной демонстрации рабочих Главных железнодорожных мастерских в августе того же 1900 года рассказано в том же году в ленинской «Искре».

Следовательно, целью поездки не были ни участие в маевке, ни связь с социал-демократической организацией.

Основной причиной, думается, явилось, с одной стороны, стремление М. Горького преодолеть охватившие его в тот период сомнения и мучительные переживания, желание по-новому, «с расстояния» взглянуть на созданное ранее, осмыслить его и, с другой стороны, желание А. Чехова увидеться с О. Л. Книппер.

В ту пору М. Горький испытывал переломный момент, в его творчестве вызревали семена нового реалистического метода, и эта поездка, встречи с друзьями, с кругом людей, где родился он как писатель, должны были помочь ему. И надо думать, эта поездка, встречи, убедившие его в нарастании революционного настроения в массах, действительно помогли ему. Ведь не случайно после этой поездки он пишет известную повесть «Трое» и приступает к работе над пьесой «Мещане».

Участие же в этой поездке Васнецова, Средина и Алексина, людей культурных, широко образованных, приятных А. П. Чехову и М. Горькому, больших мастеров, «артистов» своего дела, создавало необходимую дружескую высококультурную атмосферу.

Теперь о маршруте и датировке поездки. Об этом много и обязательно пишут почти все, кто касался данного вопроса. Но и тут кое-что требует уточнения.

В фундаментальной «Летописи жизни и творчества А. П. Чехова» читаем: «Май, конец. Чехов, М. Горький, В. М. Васнецов и А. Н. Алексин уехали из Ялты во Владикавказ для дальнейшей поездки по Военно-Грузинской дороге». При этом делается ссылка на «Несколько слов об А. П. Чехове» О. Л. Книппер, опубликованных в книге «Переписка А. П. Чехова и О. Л. Книппер» (т. I), и статью А. М. Калюжного (Старый друг. «Известия», 1938, № 73)³³.

Такой же маршрут — Ялта — Владикавказ — Тбилиси называет и профессор Г. Талиашвили: «В последних числах мая А. Чехов, М. Горький, известный русский художник В. Васнецов и врач А. Алексин из Ялты прибыли во Владикавказ и оттуда по Военно-Грузинской дороге выехали в Тбилиси.

3 июня А. Чехов, М. Горький, В. Васнецов и А. Алексин прибыли в Тбилиси и остановились в «Северной гостинице»³⁴.

Однако существует и другая версия маршрута. Еще в 1936 году в журнале «Красный архив» было опубликовано донесение Ялтинского уездного исправника, осуществлявшего гласный полицейский надзор над М. Горьким, о том, что поднадзорный М. Горький вместе с А. Чеховым и другими лицами 28 мая 1900 года сели на пароход, направлявшийся из Ялты в Батум³⁵.

На основании этого документа исследователь связей Максима Горького с Грузией Б. А. Пирадов выводит маршрут — Ялта — Батум — Мцхета — Тбилиси³⁶.

В дальнейшем все исследователи сходятся в том, что 2 июня А. Чехов и М. Горький со спутниками прибыли (разными путями) во Мцхета, а в Тбилиси — 3-го. Эта твердая уверенность основывается на письме М. Горького, датированном 2 июня 1900 года и посланном из Мцхета в Тбилиси А. Калюжному: «С какой радостью увижу я Вас, Александр Мефодиевич!

А пока представляю Вам моего приятеля, доктора Леонида Валентиновича Средина, и очень прошу Вашей ласки для него.

Мы не виделись с Вами почти 9 лет, но я прекрасно помню все пережитое с Вами и никогда не забывал, что именно Вы первый толкнули меня на тот путь, которым я теперь иду.

До свидания, до завтра! Максим»³⁷.

В связи с этим письмом все запутывается. Дело в том, что проживавшая во Мцхета с братом Ольга Леонардовна Книппер не встречала их. Она ясно пишет, что встретила А. Чехова, Горького и их спутников в поезде Тифлис — Батум, направлявшихся в сторону Батума («Я в конце мая уехала с матерью на Кавказ, и каково было удивление и радость, когда в поезде Тифлис — Батум я встретила Антона Павловича, Горького, Васнецова, д-ра Алексина, ехавших

³³ Н. И. Гитович. Летопись жизни и деятельности А. П. Чехова. ГИХЛ, М., 1955, стр. 625.

³⁴ Георгий Талиашвили. А. П. Чехов, стр. 95.

³⁵ «Красный архив», М., 1936, № 5, стр. 38.

³⁶ Б. А. Пирадов. По дорогам Грузии. Рукопись. Печатается в «Горьковских чтениях» за 1973 г.

³⁷ М. Горький. Собр. соч., т. 28, стр. 122.

в Батум. Ехали мы вместе часов шесть до ст. Михайлово, где я с матерью пересела на Боржомскую ветку»³⁸.

Если А. Чехов и М. Горький были во Мцхета, то должны были встретиться с О. Л. Книппер. Почему-то этот факт обойден исследователями. Общется и предположить, что О. Л. Книппер в Мцхета в тот день не было. Известно, что приезжие осматривали достопримечательности древней грузинской столицы и выехали в Тбилиси. 3 июня они были там. Это подтверждается вышеупомянутым письмом М. Горького к А. Калюжному от 2 июня и воспоминаниями последнего³⁹.

На вокзале их встретил сам А. Калюжный, предупрежденный Срединым⁴⁰. Согласно «Летописи жизни и творчества А. П. Чехова», Антон Павлович и его спутники оставались в Тбилиси около недели, раз съездив в Мцхета: «Июнь, около 10-го. Пробыл в Тифлисе около недели. Чехов, Горький, Васнецов, Средин и Алексин уехали в Батум и оттуда в Ялту. В поезде Тифлис—Батум встреча с О. Л. Книппер. Ехали вместе часов 6 до ст. Михайлово, где О. Л. Книппер с матерью пересела на Боржомскую ветку»⁴¹.

С подобным утверждением не согласен Б. А. Пирадов. Он вновь вводит в научный оборот телеграмму М. Горького, посланную им из Мцхета 6 июня А. Чекину⁴². В телеграмме сказано: «Завтра пассажирским буду Квирилы. Хочу видеть тебя, еду спешно Россию. Пешков».

Телеграмма — абсолютно надежный документ. Опираясь на него, Б. А. Пирадов считает, что М. Горький вместе с Васнецовым пробыл в Тбилиси лишь 3 июня и на второй же день отправился с ним по Военно-Грузинской дороге, проводил его до конца, вернулся обратно в Тбилиси и 6 вместе с А. П. Чеховым и другими уехал во Мцхета, а оттуда в Батум.

Мы не совсем согласны с данным утверждением. Не можем также согласиться с мнением авторов «Летописи жизни и творчества А. П. Чехова», «Летописи жизни и творчества М. Горького» и других по данному вопросу.

Нам кажется, что приведенные выше документы позволяют заключить, что А. П. Чехов, М. Горький и их спутники 2 июня прибыли во Мцхета. Не нашли там О. Л. Книппер. Осмотрели древний город и третьего утром уже были в Тбилиси. Оттуда М. Горький не провожал Васнецова по Военно-Грузинской дороге (ведь он ее осматривал, когда ехал из Владикавказа в Тбилиси), но отлучался, «исчез» на несколько дней; может быть, он находился среди своих друзей 1892 года, а шестого уже был во Мцхета и оттуда все вместе выехали в Батум, встретив в поезде О. Л. Книппер.

Где в эти дни бывал М. Горький (если «исчез» из гостиницы), неизвестно. Об этом нет никаких материалов. Во всяком случае, в архивах Москвы и Тбилиси ничего не сохранилось.

Но нас главным образом интересует тот факт, что в любом варианте А. П. Чехов три дня (3—6 июня) находился в Тбилиси.

Документально подтверждается его прибытие сюда 3 июня и отъезд 6 июня.

Документально известно содержание одного дня — 3 июня. Существующий материал свидетельствует о том, что в этот день с А. П. Чеховым, М. Горьким и Васнецовым встретились на торжественном обеде старые сослуживцы Алексея Максимовича и представители грузинской общечественности.

Г. М. Туманишвили, известный грузинский журналист, лично знавший М. Горького (познакомился с ним еще раньше, в редакции журнала «Жизнь»), в своих «Воспоминаниях» пишет: «В 1900 г., летом, А. Пешкову случилось опять побывать в Тифлисе. Он здесь был проездом, короткое время, вместе с А. Чеховым и Васнецовым».

Этим случаем воспользовались некоторые его старые сослуживцы по Закавказским железным дорогам, чтобы устроить ему обед в одном из садов.

³⁸ О. Л. Книппер-Чехова. Последние годы. В книге «Чехов в воспоминаниях современников», стр. 309.

³⁹ А. Калюжный. Старый друг, «Известия», 1938, № 73 (6540).

⁴⁰ «Приехали они из Крыма, совершая экскурсию по Кавказу. Среди прибыл первым. О нем писал мне Горький. Остальных я встретил на вокзале», — вспоминал А. Калюжный.

⁴¹ «Летопись жизни и творчества А. П. Чехова», стр. 626.

⁴² А. В. Чекин, знакомый М. Горького с 1889 года по Нижнему-Новгороду; встречался с ним в 1892 г. в Тбилиси. В 1900 г. А. Чекин жил в Квирилах, работая резинером ж/д поездов. До его смерти М. Горький вел с ним переписку. Текст упомянутой телеграммы был опубликован в «Горьковских чтениях» 1953—1957 гг., М., 1959, стр. 734.

Грузины-интеллигенты, бывшие на этом обеде, имели случай убедиться, что А. Пешков... относится к ним с полной симпатией»⁴³.

В этих воспоминаниях ясно сказано, что с А. П. Чеховым и М. Горьким его старыми сослуживцами были и представители грузинской интеллигенции.

Есть и второе свидетельство известного грузинского балетмейстера А. П. Алексидзе (Сонгулашвили): «В Тбилиси приехали в гости великие деятели русского искусства — Максим Горький, Антон Чехов и художник Васнецов. Грузинские писатели устроили им торжественный прием в Верийском саду, в бывшей «Фантазии». Пригласили и меня как танцора.

На торжестве были и грузинские танцовщицы. Гости пожелали видеть и наши танцы... Помню Горького, который взял в руки стакан и произнес следующую речь: «Пью за здоровье той нации, которая создала такой красивый танец, к вящей славе своей». К этим словам Васнецов добавил следующее: «Сегодняшний танец заставил меня призадуматься над тем, насколько горд был исторически этот народ. При исполнении этих танцев передо мной встало многое из прошлого Грузии, мое воображение живо представило все прошлое грузинского народа до нынешних времен, нравы и обычаи его...». На слова Горького и Васнецова отозвались грузинские писатели, обмен мнениями принял настолько оживленный характер, что были позабыты и обед, и музыка»⁴⁴.

Ни в одном из приведенных документов не названы фамилии. Остается лишь предположить круг грузинских интеллигентов, присутствовавших на приеме. Прежде всего, это сам Г. Туманишвили, лично знавший М. Горького еще до его приезда в Тбилиси. Среди его товарищей, безусловно, должны были находиться проживавшие тогда в Тбилиси члены кружка Берви-Флеровского и среди них И. С. Джабадари — осужденный на «Процессе 50» на каторгу и после отбытия срока каторги находившийся в Тбилиси. Возможно, присутствовали также сотрудничавшие в «Новом обозрении», руководимом Георгием Туманишвили, А. Нанеишвили, П. Умикашвили, а также И. Гомартели, который был автором ряда очерков и статей о Горьком.

Как явствует из приведенного материала, А. П. Чехов не был активным членом этой встречи. Может быть потому, что, по словам А. Калюжного, «в те дни Чехов особенно грустил, любил уединение. Я думаю, что его томили предчувствия, вызванные болезнью»⁴⁵.

Во всяком случае, на сей раз великий русский писатель мог узнать о Грузии и грузинском народе значительно больше.

О каких-либо других встречах и контактах Чехова и Горького с представителями грузинской интеллигенции и во второй приезд Антона Павловича в Грузию материалов обнаружить не удалось.

И еще в связи с этими встречами. На основе воспоминания Ш. Сослани о его встрече с М. Горьким, считается, что Алексей Максимович в 1900 году в Тбилиси встретился с известным грузинским писателем И. Мачабели. Это мнение общепринято.

Но здесь допущена явная неточность. Дело в том, что к 1900 году И. Мачабели уже не было в живых: за два года до этого он вышел из дома и не вернулся, исчез навсегда. В самой статье Ш. Сослани «У великого писателя»⁴⁶ сказано не о встрече М. Горького с И. Мачабели, а о том, что великий писатель во время встречи с автором статьи проявил хорошее знание ряда вопросов истории грузинской литературы, отдельных писателей, в том числе И. Мачабели. Он знал их творчество, хотя со многими из них, в том числе и с Мачабели, не встречался.

Была еще одна встреча. Максим Горький в очерке «По Союзу Советов» описал свою встречу с русскими сектантами в 1900 году в Тбилиси, в гостинице «Северные номера», в которой жил вместе с А. П. Чеховым и другими спутниками.

«Люди эти приехали к наместнику Кавказа с жалобой на какие-то притеснения: они жили в одной гостинице с нами, и старик (сектант) вообразил, что солидный доктор (Алексин) важный чиновник из Петербурга, а Васнецов — духовное лицо, путешествующее в «штатском» платье.

Он и научил Захария (другого сектанта) поговорить с ними. А. П. Чехов, наш спутник, не присутствовал при этой беседе, чувствуя себя уставшим. Вечером за чайным столом, когда Васнецов с досадой рассказывал ему о «пры-

⁴³ Г. М. Туманов. Характеристики и воспоминания. Кн. II, Тифлис, 1905, стр. 53.

⁴⁴ Цитация по кн. В. Имедадзе. Горький в Грузии, Тб., 1958, стр. 83—84.

⁴⁵ А. Калюжный. Старый друг. «Известия», 1938 г., № 73 (6540).

⁴⁶ Шалва Сослани. У великого писателя. «Тридцать дней». 1938, № 4, стр. 87—89.

гунах», он сначала беззвучно посмеивался, а затем вдруг и вразрез настроению художника серьезно сказал:

— Сектанство у нас от скуки. Сектанты — сытые мужики, им ~~стало скучно~~ и хочется играть в деревне роль попов — попы живут весело. Это ~~только Пругавин~~ Пругавин думает, что секты — культурное явление. Вы Пругавина знаете?

— Нет, — ответил Васнецов.

— Он с бородой, но похож на кормилицу.

Где-то вспоминая об А. С. Пругавине, я воспользовался этим сравнением, удивительно метким, несмотря на его необычность⁴⁷.

Такая не свойственная Чехову резкость, видимо, была вызвана его впечатлениями, ибо они все более усиливали его недовольство существующим положением, вызывали нарастание чувства протеста и недовольства.

Об этом свидетельствует и упомянутое воспоминание А. Калюжного в связи с пребыванием писателя в Тбилиси в 1900 году: «В те дни Чехов обычно грустил, любил уединение... Как-то мы сидели в гостинице, и он в общей беседе сказал, что в России безраздельно правят пьянство, сифилис, безграмотность. У нас, говорил он, земля населена не густо, нужно гуще населить, развить промышленность. Это было исключительное высказывание, потому что Чехов политических тем почти не затрагивал»⁴⁸.

Таким образом, А. П. Чехов уехал из Грузии уже с другими впечатлениями. На этот раз глубже заглянул в жизнь грузинского народа, узнал кое-что из его прошлого, культуры и увидел царившее здесь бесправие. Все это должно было способствовать дальнейшему росту его недовольства существующей действительностью.

Однако отражения этой действительности в его творчестве нет. Иначе и не могло быть. Чехов не касался, да и не мог тогда по всему складу своего мышления, мировоззрению и опыту касаться национального вопроса и основных назревших политических вопросов. Это приходило постепенно на материале жизни русского народа, которую он знал и о которой охотно писал.

Наконец, еще один вопрос в связи с приездом А. П. Чехова в Грузию. Почему так мало материала об этом?

Антон Павлович приехал в Грузию с М. Горьким, который, как известно, в то время находился под гласным надзором полиции и должен был там систематически регистрироваться. Видимо, Чехов и его спутники, равно как и их тбилисские знакомые, старались избегать излишнего шума вокруг Горького⁴⁹. Может быть, именно этим чувством осторожности и объясняется молчание местной печати о приезде выдающихся деятелей русской культуры и тот факт, что об этом приезде «Тифлисский листок» сообщил лишь 6 июня⁵⁰. Грузинская же газета «Иверия», редактируемая Ильей Чавчавадзе, только седьмого, уже после отъезда группы, дала сообщение: «Выдающиеся писатели Антон Павлович Чехов и Максим Горький (настоящая фамилия его — Пешков) в настоящее время находятся в Тбилиси — живут в «Северных номерах», с ними же молодой художник Васнецов»⁵¹.

Непосредственное отражение Грузии в творчестве А. П. Чехова, точнее, описание природы грузинского Черноморского побережья, встречается в его «Дузли». На это первым указал еще М. П. Чехов: «Как ни мало результатна была эта поездка Чехова, она дала тем не менее ему, хотя отдаленный, материал для будущей повести «Дузель»⁵².

В дальнейшем эту мысль подкрепил профессор Г. А. Талиашвили, детально выписавший все, что касалось природы, всей местности, на которой развиваются события в «Дузли», и сравнивший ее с местностью вокруг Сухуми. Он убедительно доказал, что в упомянутом месте и развиваются события повести⁵³.

⁴⁷ М. Горький. Собр. соч., т. 18, стр. 132—140.

⁴⁸ А. Калюжный. Старый друг. «Известия», 1938 г., № 73 (6540).

⁴⁹ Друзья и близкие, безусловно, избегали лишнего шума в связи с поездкой М. Горького в Грузию. Примером к сказанному может быть поведение А. П. Чехова. Друзья, видимо, заранее договорились о том, чтобы по возможности избежать широкой гласности. А. П. Чехов, отличавшийся активной перепиской с разными лицами, с 20 мая по 13 июня (целых 22 дня) не написал и не отправил ни одного письма (см. Полн. собр. соч. и писем, т. 18, стр. 366—367).

⁵⁰ «Тифлисский листок» от 6 июня 1900 г.

⁵¹ «Иверия» от 7 июня 1900 г.

⁵² М. П. Чехов. Антон Чехов на каникулах. В книге «Чехов в воспоминаниях современников», стр. 57.

⁵³ Георгий Талиашвили. А. П. Чехов, стр. 102—103.

СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО

СОПЕРНИЦЫ

И Гамер, и дети ее встретили Залху, вторую жену Фараджа, как своего заклятого врага. Обиды и ссоры очень скоро сказались на Залхе, она осунулась, подурнела.

Сам Фарадж никакого значения не придавал неприятностям в семье, не портил себе кровь и по-прежнему каждое утро оставлял на расходы 4 гривеника. 15 копеек из этих денег Гамер бросала Залхе, остальную сумму тратила на себя и своих детей, а на ужин для Фараджа ничего не оставляла. С первых дней Залха относилась к Гамер с особым уважением — старалась выражать свою любовь к ее детям, бралась за самую тяжелую домашнюю работу. Но Гамер была непримирима. Тогда разозлилась и Залха. Она перестала заботиться о чистоте белья, белье не стиралось, обед готовился не вовремя. Несколько раз Фарадж ложился спать без ужина. Он молча ждал, что жены его, наконец, образумятся, но ничуть не бывало! Тогда он решил прибегнуть к особой мере наказания — он перестал оставлять деньги на расходы. Это возымело действие — жены договорились хозяйничать по очереди. Но мир в семье не установился — сам Фарадж был невыносимым со своим постоянным ворчаньем, грубостью, да и обе жены без конца ругались меж собой. Залхе было очень тяжело в этом доме. Гамер смотрела на Залху, как на нечто лишнее и ненужное в доме, третировала ее всячески. Дочь крестьянина, из-за нужды ставшая рабыней этого грубого торговца, Залха металась, как птица в клетке. Но все вокруг — и мои родители, и остальные соседи — были равнодушны к этой семейной трагедии. А вообще-то, что они могли поделать? Таков был закон старого мира!

МОЛЛАХАНА

Сын Фараджа, мой ровесник, Аскер учился в моллахане. Однажды я спросил его, почему он там учится. Он ответил с присущей его отцу надменностью:

— Отец говорит, что в дом, где имеются русские книги или живет человек, который учится в русской школе, ангелы никогда не войдут!

— Мой отец тоже молла, а почему он определил меня в русскую школу? Аскер не смутился:

— Твой отец не может знать больше, чем молла Гасан Ага, а Гасан Ага говорит так. И потом, те, кто учится в русской школе, не могут читать Коран. А я в этом году уже заканчиваю чтение Корана. Ты же не можешь прочесть в нем ни слова.

— Я могу прочитать и Коран, и русскую книгу, ты неправду говоришь.

Он не поверил мне. Спор наш затянулся. Аскер побежал домой и вернулся с Кораном в руке.

— Ну, прочти, посмотрим!

Я начал читать по слогам. Он удивленно посмотрел мне в лицо, потом взял у меня Коран и стал читать. Но Аскер читал хуже меня. Он сам почувствовал это и молча опустил голову.

Постепенно Аскера тоже потянуло в нашу школу. Особенно измучили его тяжелые наказания, к которым прибегали в моллахане. Аскер часто возвращался домой в слезах, жалобно рассказывая матери, как молла сек его розгами по ятякам (такое наказание называлось «фалакка»). Гамер смотрела на покрас-

невные ноги сына, проклинала моллу и ругала Фараджа: «У этого злодея нет и отцовского чувства! Единственный сын у него, а он заставляет его учиться с такими мучениями». Аскер молил мать перевести его в нашу школу. Но каждый раз, когда Гамер просила Фараджа об этом, тот морщился недовольно и отвечал: «Нет! Он будет ходить в свою школу!».

Ненависть к моллахане все сильнее разгоралась в душе Аскера. Каждый день, вернувшись с занятий, он рассказывал мне о тамошних событиях.

В моллахане в течение четырех-пяти лет обучали только чтению Корана и немного письму. Первую главу Корана, который состоял из 30 глав, называли «Череке». «Череке» в свою очередь состояла из небольших частей. «Череке» являлась первым учебником детей, обучающихся в моллаханах. Учащиеся зубрили, как попугаи, чуждые им арабские слова и выражения и первую главу изучали таким образом в течение целого года. Каждый ученик преподносил молле после завершения первой главы и всего Корана деньги и подарки — помимо особой платы за учебу. Обучение в духовных школах было построено не только на примитивных, но и на антипедагогических принципах. Дети сидели на циновках на коленях, громко читали Коран, лежащий перед ними, а молла с длинным бичом в руке зорко следил за ними. Ежедневно к концу занятий он вызывал детей по одному — читать, а тех, кто не мог прочитать урок, жестоко наказывал, ударяя розгами по рукам и ногам. Наказание розгами было наиболее распространенным в духовных школах. Оно вызывало у учащихся лишь ненависть к школе и к образованию вообще.

Несмотря на меры, принятые царизмом в целях торможения развития просвещения на окраинах, несмотря на борьбу реакционного духовенства против новых методов обучения, в 80—90-х годах XIX века число школ, где обучение велось по новому методу, с каждым годом увеличивалось. Все возрастающее стремление народа к просвещению, к культуре, появление передовых учителей, получивших образование в высших учебных заведениях России и в Горийской учительской семинарии, создавали условия для утверждения новых школ, для подрыва авторитета духовных учебных заведений. Так называемые русско-татарские школы работали по совершенно другим, прогрессивным методам. Здесь дети обучались по новым учебникам, занятия велись на русском языке. Уроки родного языка проводились на основе таких книг великого русского педагога Ушинского, как «Родная речь» и «Детский сад».

Но русско-татарские школы не могли еще полностью вытеснить моллаханы, которые открывали отдельные моллы, воспитывавшие своих учеников в духе феодально-клерикальной идеологии. Как царские чиновники, так и местные реакционеры всячески защищали духовные школы, ибо они, эти школы, прививая растущему поколению религиозный фанатизм, служили интересам царизма и эксплуататорских классов. Каждое утро перед началом занятий дети читали особую молитву на арабском языке, посвященную царю. Один этот факт достаточно ясно показывает, насколько неразрывно были связаны духовные школы с существующим политическим строем. Но, несмотря на все усилия царизма и местных консерваторов, моллаханы и медресе все больше теряли авторитет в народе, передовые люди все решительнее отказывались отдавать своих детей в эти школы.

НОВАЯ ЖЕНИТЬБА ГАСАНА АГИ

Медник Сефи-даи, весьма симпатичный мужчина, был высокого роста и могучего телосложения. В молодости от часто участвовал в состязаниях по борьбе. Мало кто из пехлеванов — борцов Тифлиса мог вызвать его на поединок. В городе он пользовался всеобщей любовью и уважением.

У Сефи-даи был двадцатилетний сын по имени Гюльбала и четырнадцатилетняя дочь Улькер. Когда Гюльбала окончил четвертый класс шестиклассной школы, отец взял его в свою лавку обучать своему ремеслу. Отец и сын, трудясь вместе, изготавливали и продавали казаны, кастрюли, кувшины, подносы, медные чаши.

Сефи-даи, которому перевалило уже за пятьдесят, был большим шутником и очень приятным собеседником. Свой досуг он обычно проводил в чайхане, часами сидя за горячим крепким чаем и беседами с друзьями. Зато в мечеть он не заглядывал и даже не совершал намаза. Однажды его приятели медники, направляясь в мечеть на вечернюю молитву, решили вытащить его из любимой чайханы и взять с собой. Сефи-даи долго умолял оставить его в покое, всячески сопротивлялся, но друзья силой вывели его на улицу. Он и тут продолжал сопротивляться под общей смех. На шум собрался весь квартал. «Сефи-даи, куда это тебя тащут? На какое такое страшное дело?» — спрашивали его. А он, начав головой, отвечал: «Бедный я, бедный, на молитву ведут меня!». Зато пиры,

если случалось, он посещал весьма охотно. Как-то на пиру Сефи-даи познакомился с гармонистом Гусейном. Ему очень понравились игра и пение Гусейна, на этой почве они сдружились. Гусейн иногда заходил к Сефи-даи. Его посещения особенно участились после того, как он увидел дочь Фараджа Тавус. Все у нас во дворе, в том числе и сама Тавус, любили его игру и песни. Тавус была настолько красива, что от нее нельзя было оторвать глаз, женщины во дворе говорили: «У этого уroda Фараджа такая дочь — странно! Подумайте, какой она станет, когда совсем созреет!».

Как вдохновенно пел Гусейн, с каким азартом он играл на своей гармонии, когда Тавус приходила его послушать! Во дворе уже все поняли, отчего так пламенеют щеки Гусейна и искрятся его глаза. Женщины шептались: «Гусейн по-настоящему влюбился в Тавус. Но кичливый Фарадж не выдаст дочь за него!».

Послушать Гусейна выходила и Гамер-хала. Она, кажется, была совсем непрочь иметь такого зятя.

Тавус была жизнерадостной, резвой девушкой. Она глубоко чувствовала и горячо любила музыку. Услышав мелодичный перебор гармони Гусейна, она выбегала во двор, подходила к нему и заучивала музыку и слова песен. Гусейн, бывало, пропадал на несколько дней, а она все напевала эти песни.

Гамер-хала тоже стала задумываться над судьбой Гусейна и Тавус. Она знала, что тисеславный скряга Фарадж ни за что не отдаст их красавицу-дочь за бедного гармониста Гусейна. Поэтому она не стала отпускать Тавус к Сефи-даи. В то же время Гасану Аге сообщили, что у Фараджа есть красавица-дочь по имени Тавус. Гасан Ага был уверен, что его мюрид Фарадж ни в чем ему не откажет. Поэтому он, недолго думая, открылся Фараджу в своих тайных намерениях. Однажды он пришел в мечеть очень рано и, сидя на минбере, стал ждать Фараджа. Как только Фарадж вошел в мечеть, молла Гасан поздравил его. Поговорив о том о сем, молла завел речь о благе родства, привел несколько цитат из Корана. И в конце концов заявил, что хочет жениться на Тавус.

— Если у меня будет десять дочерей, всех их я готов отдать вам, — задумываясь ни на миг, ответил Фарадж.

Молла Гасан решил, что в таком деле промедление смерти подобно, и оформил на следующий день брак, сказав, что через день-два думает забрать к себе девушку. Фарадж не возражал. Однажды ночью старшая жена Гасана Зубейда привезла на фаэтоне девушку и вручила молле. Все это Фарадж сделал так скрытно, что ни соседи, ни Сефи-даи не узнали об этом.

И как назло, в эти дни Гусейн был приглашен на свадьбу в ближайшее село. Он поехал на два дня, а прошло уже десять дней, и он все не возвращался. Но в один прекрасный день во дворе раздался гневный голос Гусейна: он подошел к балкону Тавус и стал проклинать Фараджа и моллу Гасана:

— Ты погубил свою дочь, Фарадж! Молла Гасан — не молла, а жулик, головорез, грабитель!

Фарадж, вышедший на его крик, страшно вытаращил глаза и завопил:

— Эй, разбойник, держи язык за зубами! Не тебе судить о таких великих людях!

— Ты продал такую дочь, как Тавус, этому старому дьяволу, чтобы породниться с Гасаном и прославиться среди невежественных людей. А в моих глазах отец, продавший свою собственную дочь, — самая низкая тварь!

Сказав это, Гусейн ушел и долгое время не показывался в нашем дворе.

Сеид с шестью пальцами посвятил Гасану новую убийственную эпиграмму. Она переходила из уст в уста. Сеид издевался над моллой, взявшим себе в жены юную девушку, называл моллу злодеем-хортданом (воскрешшим мертвецом).

ОБРЯД МАГЕРРАМЛИК

Как и на всем мусульманском Востоке, первая декада месяца магеррама (первого месяца года по летосчислению хиджри) была в жизни тифлиских азербайджанцев как страшный и тяжелый сон. Описание этих десяти дней было бы достаточным для ясного представления о всех тех бедствиях, которые обрушились на народы Востока исламская религия. Не случайно передовые сыны Азербайджана, замечательные азербайджанские писатели М. Ф. Ахундов, Дж. Мамедкули-заде, М. А. Сабир всегда подчеркивали, что магеррамлик является чуждым обычаем, навязанным народу, тормозящим его развитие, и вели беспощадную борьбу с такими реакционными религиозными традициями.

Максим Горький, находясь в Тифлисе в 1898 году, оказался очевидцем обряда магеррамлика. Он ужаснулся его нелепой жестокости и описал его в статье «Праздник шиитов». Вот оно, это описание, яркое и достоверное:

«— Али! Хус-сейн!

— Али! — отвечают они единовременным взрывом, и их страшные плети, свистнув в воздухе, с лязгающим звуком падают на свои же обнаженные спины и рвут мышцы.

— Хус-сейн! — и снова плети режут воздух и живое тело.

Возникает страшное и отвратительное соревнование... В воздухе носится гулкие крики, люди, истязаемые влюбленным в муки кровавым гением фанатизма, поют и провозглашают имена святых, зрители, магометане, тоже возбужденные почти до безумия, бьют себя в грудь кулаками, поощряют рвение истязаемых возгласами похвал... Безумие иступления все возрастает, и пытки становятся все более утонченными, люди жаждут, ищут острее страданий, ненасытные в своем рвении, они, кажется, готовы рвать свое тело руками и разбрасывать по земле горячие, дымящиеся куски его. Смотришь и изумляешься, откуда у этих людей так много железного терпения!»

Так отсталая часть населения Тифлиса, как и все шииты, оплакивала гибель Гусейна, которого считала своим имамом. Этот траурный ритуал являлся как бы высшей точкой варварства. С начала месяца магеррама на протяжении сорока дней невежественные, отсталые люди, верящие аферам духовенства, били себя в грудь, рассекали мечами и ножами свои головы, протыкали кожу булавками, причиняли себе бесчисленные страдания и наслаждались этим. И все это религиозное безумие в конечном итоге служило интересам горсточка тунаядцев — организаторов обряда.

Дни магеррамлика превращались по сути дела в праздник женщин. Именно в эти дни, встречаясь в мечетях, они имели возможность вдоволь поговорить, посплетничать. В нижней части мечети, на верхнем ее этаже, находился большой балкон из досок, предназначенный для женщин и детей. Балкон закрывался белой занавесью, чтобы мужчины не видели сидящих там женщин. Молла читал с кафедры проповедь, марсияхан (молла, поющий молитвы и песни о делах и жизни святых) пел свои заунывные песнопения, а женщины наверху с упоением беседовали, заглушая иногда даже голоса священнослужителей. И тогда снизу раздавались голоса мужчин: «Послушайте, матери дорогие, сестры, дайте же нам слушать, разве вы пришли, чтобы беседовать?». Голоса женщин донеслись, будто в лягушачье болото кинули камень, но через несколько минут опять завязывалась шумная беседа.

Кроме мечети, в отдельных кварталах города организовывались так называемые текье, где также проводили обряды магеррамлика. Глава каждого текье приглашал певцов и марсияханов, обладающих сильными голосами, чтобы привлечь побольше народа. Соревнуясь с другими текье, они старались также безупречно организовывать отряды самоистязателей.

В день ашура¹ на равнине недалеко от мусульманского кладбища фанатики рассекали себе головы. В этот день толпы женщин в чадрах заполняли улицы, все спешили на равнину, стремясь занять лучшие места.

На равнине выстраивались мужчины с заранее выбритыми головами, в одежде из черного сатина. Держа в правой руке кинжал, они обнимали левой рукой друг друга за талию и, нанося себе кинжалом удар по голове, кричали: «Шахсей, вахсей!», мерно раскачиваясь в такт этому крику. Рядом с каждым самоистязателем стоял человек с длинной палкой в руке. Отряд медленно двинулся, все азартнее, все страшнее раздавались их голоса, их крики «шахсей, вахсей», а люди с длинными палками в руках все чаще протягивали эти палки, чтобы облегчить удар кинжалом, уберечь несчастных.

Когда отряды самоистязателей подходили к дому известного сеида Мир Нейматуллы, крики становились еще громче, быстрее, сверкали кинжалы, обильнее текла кровь. «Я Гусейн!» — вопил главарь отряда. «Шахсей, вахсей, я Гусейн!» — подхватывали другие. Лилась кровь, зрители плакали, перепуганные дети кричали, прижимались к коленям матерей.

Вечером в текье начинался шебих — религиозная инсценировка. Сюжет ее таков: некий злодей по имени Шумур закрыл путь по реке Евфрат, чтобы погубить имама Гусейна и его семью. На середине текье ставили большой таз с водой и рядом кувшинчик. Шумур с мечом в руке стоял около таза и не допускал имама Гусейна, умирающего от жажды в знойных пустынях Аравии, к живой тельной влаге.

Никто из азербайджанцев не желал исполнять роль Шумура. Однажды глава текье насилу уговорил какого-то армянина сыграть роль Шумура. В рыцарских доспехах, с мечом в руке, армянин стоял над водой. Ему строго наказали, чтобы, когда имам Гусейн с младшим сыном Али Аскером в объятиях прискачет на коне и попросит у него воду, он не давал ни глоточка.

¹ Аш у ра — траур; десятый день месяца магеррама, день убийства имама Гусейна.

Мужчина, исполнявший роль имама Гусейна, очень трогательно просил армянина дать напиток.

— Слушай, Шумур, — говорил он, — ты закрыл путь вольному течению Евфрата, чтобы мы умерли от жажды. Пожалей хотя бы моего младенца, да не погуби его высох язык. Пощади, дай каплю воды!

И в этот миг мягкосердечный армянин наполнил кувшинчик водой и услужливо протянул его имаму Гусейну: «На, дай ребенку, клянусь аллахом, мне запретишь это сукин сын Кябла Наси!». После этого он покинул сцену, а народ, вместо того чтобы плакать, засмеялся.

В дни магеррамлика народ еще больше разорялся, распространялись различные болезни. Магеррамлик был одной из самых грязных, самых реакционных афер, оставленных исламской религией «на память» всем народам Ближнего Востока.

СВАДЬБА

Народный артист, покойный Мирза Ага Алиев, говорил: «Неопытный человек покупает арбуз, приносит домой и режет дома, и арбуз этот оказывается или красным и сладким, или бледным и невкусным. Женитьба азербайджанцев в прошлом напоминала такую покупку неопытного человека. Когда мы задумывали жениться, нам не удавалось видеть лица девушки, укравшихся чадрой, мы не слушали их голоса, не знали их характера. «Испытаю свое счастье», — говорили мы и женились. И девушка та оказывалась, как арбуз: или красной да сладкой, или бледной и неинтересной».

И действительно, огромная часть наших женщин и девушек ходила в чадре, пряталась от мужчин. Это был один из скверных обычаев, чуждых природе нашего народа, навязанных ему исламской религией. Поэтому матери, сестры и родственницы наших молодых людей выбирали для них невест в банях и на свадьбах, в мечетях и в темье. Редко можно было встретить парня и девушку, которым удавалось увидеть друг друга, полюбить и жениться по любви.

Сефи-даи и Нарынголь хотели женить своего Гюльбалу. Нарынголь в бане облюбовала дочь бакалейщика Мардана — Гюльсум. Вечером Нарынголь, расхвалив своему мужу эту девушку, сказала, что хочет женить Гюльбалу на ней. Сефи-даи немного подумал и сказал: «Девушка сама неплохая, но отец ее Мардан — жадный и тщеславный. Он не отдаст нам свою дочь, не позорь себя напрасно». Нарынголь не согласилась с ним: «Никакого позора тут нет, — сказала она, — к каждой девушке посылают тысячи сватов. Попросим и мы, отдадут — очень хорошо, не отдадут — беда не велика, не опозоримся».

Сефи-даи ничего уже не возразил, и на следующий день Нарынголь послала свою сестру Фирюзу сватать Гюльсум. Мать девушки, Судабе, приняла ее с почтением. Гюльсум приготовила чай, накрыла скатерть. Фирюза рассказала о цели своего посещения и похвалила Гюльбалу. Судабе не отказала ей, но предупредила: «Я еще не могу дать вам окончательный ответ, придет вечером Мардан, поговорю с ним, потом сама пошлю к вам человека с ответом».

Вечером Судабе рассказала о сватовстве Мардану. Бакалейщик только рассмехался и сказал: «Я не отдам свою дочь за людей, подыхающих с голоду». Судабе посмотрела мужу в глаза и возразила:

— С чего ты взял, что они голодают? У Сефи-даи золотые руки, прекрасное ремесло, весь город знает его и уважает. И сына его Гюльбалу все хвалят. За кого же ты думаешь выдать дочь? Третий раз в дом твой приходят сваты, и каждый раз ты чем-то недоволен.

— Я слышал хорошие отзывы о его сыне, но знаю, что эти люди нам не подойдут... Послушай, этот Сефи — нехороший человек, не советую связываться с ним... Повати им навстречу такую бочку, чтобы они бросились бежать.

— Какую бочку?!

— Потребуй много добра за дочь! Например, бриллиантовое кольцо, серьги, золотые часы, браслет, 7 платьев... Не под силу будет им все это, и они отстанут от нас.

Зная характер Мардана, Судабе промолчала.

После обеда, когда Мардан лег спать, Судабе пошла к соседке, чтобы излить перед нею душу, и рассказала о случившемся. Рухсара всплеснула руками: «Милая ты моя! Да второй такой, как Гюльбала, вряд ли найдется в Тифлисе! Дочь бакалейщика Мардана ни бек, ни богач в жены не возьмет. А кто будет лучше Гюльбалы? Ты посмотри, как его отец Сефи-даи холит свою жену! Гюльбала и отец — две половинки одного яблока. Была бы у меня дочь, я бы минуты не думала!».

Судабе на следующий день вместе с Гюльсум пошла в лавку Сефи-даи, якобы покупать медную посуду, а на самом деле — поглядеть на Гюльбалу.

— Сынок, — обратилась она к нему, — мне нужна медная чаша.

Гюльбала положил перед ними несколько медных чаш.

— Выбирайте любую! — сказал он.

Судабе выбрала самую маленькую и спросила о цене.

Не отрывая глаз от лица Гюльсум, прикрытого очень тонкой шелковой чадрой, Гюльбала ответил с улыбкой:

— Сколько хотите дайте, можете и не платить, примите как подарок.

Судабе покраснела. Ей показалось, что парень узнал их. Сефи-даи, тоже бывший в лавке, заметил смущение женщины и сказал:

— Сестра моя, чаша эта стоит полтинник.

Судабе отдала полтинник, и они ушли, а Гюльбала проводил Гюльсум восхищенным взором.

Девушка очень ему понравилась, и он подумал: «Эх, как бы мне повезло, если бы мама сосватала мне именно ее!».

Гюльсум знала, за кого собираются ее выдать. Она с волнением думала, что из себя представляет сын кузнеца Сефи, и когда увидела Гюльбалу, он ей очень пришелся по душе.

Сама Судабе тоже осталась довольна предполагаемым женихом дочери. На следующий день Судабе послала свою сестру Захру к Нарынгиюль и велела передать, что родители девушки дают свое согласие на этот брак.

Судабе, понимая, что родители юноши не сумеют выполнить требование Мардана, еще раз попыталась его урезонить, но Мардан, насунив брови, сказал: «Слово мое — закон, поступайте по-моему».

Когда Сефи узнал о том, что хочет получить за Гюльсум бакалейщик, он возмутился:

— Они хотят содрать с нас кожу! После свадьбы человеку тоже нужно жить. А что мы имеем? Нет, не хватит у нас добра, чтобы удовлетворить жадность Мардана. Постарайся, чтобы Гюльбала забыл Гюльсум, найди девушку, равную нам

Долго Нарынгиюль уговаривала Гюльбалу, объясняла трудность положения, но ничто на него не действовало. Он погрузился в глубокую печаль.

Трудно было материнскому сердцу Нарынгиюль видеть сыновью горе. Не выдержала она и однажды пошла к сестре Фирюзе, они вместе направились к Судабе.

Прошло много дней с тех пор, как сваты были у них. От родителей Гюльбалы не было никаких вестей. Гюльсум тоже волновалась. Она понимала, что требования, предъявленные ее отцом, были слишком тяжелыми для Гюльбалы, понимала, что отец нарочно создал эти препятствия. Когда Фирюза и Нарынгиюль вошли к ним, радостно забило сердце Гюльсум. После недолгой беседы о том, а сем, сваты попросили пойти на некоторые уступки. Судабе ответила, что Мардан ни за что не пойдет на это. Сваты и в этот раз ушли ни с чем.

Нарынгиюль и Фирюза все думали, как и чем помочь горю Гюльбалы. Однажды Фирюза сказала ей:

— Сестра моя, мне в голову пришла одна мысль. Давай сделаем так: соберем у родных все, что требуют родители Гюльсум, пошлем им. Справим свадьбу, привезем невесту, а потом вернем все драгоценности владельцам.

— Что ты, разве можно так? — вытаращила глаза Нарынгиюль и пристально посмотрела в лицо сестры.

— Не бойся, с такими людьми надо поступать именно так. Пусть это послужит уроком для других. Ты разве не видишь, бедный мальчик тает как свеча. Нарынгиюль прослезилась.

— Ох, что мне делать! Правда, у нас ничего нет, только и одно, что честное имя. Ходи по родственникам, собирай драгоценности — жено, мол, сына! Что о нас скажут? Узнает Сефи, убьет нас... Нет, это не наше дело.

Фирюза замолчала.

Прошел месяц, Гюльбала и Гюльсум оба страдали.

Судабе еще раз попыталась смягчить мужа, но Мардан был непреклонен.

— Нет, — сказал он, — у меня единственная дочь. Не могу я отдать ее голодранцам. Объясни Гюльсум, что она должна выкинуть из головы эту мысль! Много парней в Тифлисе, пусть будет не белая, а черная собака — какая разница!

Фирюза через некоторое время опять навестила Нарынгиюль и увидела Гюльбалу таким же печальным. Она обняла его, поцеловала и опять заговорила с сестрой о том, что, дескать, надо провести Мардана и устроить счастье Гюльбалы и Гюльсум.

Долго они спорили, судили-рядили, наконец Фирюза убедила сперва Гюльбалу, а потом Нарынгиюль.

Сестры принялись за дело, собрали у родных и знакомых различные драгоценности, кое-что сами купили и обучили молодых. Мардан уже не имел предлога отказывать.

Мардан и Судабе не пожалели денег для свадьбы, пригласили цевца Сефи-дан пригласил на свадьбу только близких родственников. И певцом зыкантом у них был Гусейн. За девушкой пришли тетка Гюльбалы Фирюза и сестра Улькер. Поздоровавшись с ними, Судабе сказала, качая головой:

— Ну, милая, с первых дней не ладим. Почему так мало людей пришло за моей дочерью? А я ведь не кошку вам отдаю, а такую дочь, как Гюльсум. Кто, же енге! невесты?

— Дорогая, дело не в том — мало или много людей пришли. Одна из нас тетя Гюльбалы, другая — сестра. И енге нашей невесты буду я сама. Так что, видишь, все в порядке, отдайте нашу невестку!

И повернувшись к музыкантам, она приказала:

— Сыграйте лезгинку!

Фирюза поплясала перед невесткой и пригласила ее. Потанцевав немного с Гюльсум, она мигнула Улькер. Теперь с невестой потанцевала Улькер. Все пожелали невесте счастья и под музыку вывели ее на улицу. Когда усадили Гюльсум на фаэтон, украшенный свечами, ее отец Мардан положил руку ей на голову и благословил. Фаэтон двинулся. У двери Гюльбалы их встретили родные и друзья и ввели Гюльсум в бедный дом Сефи-дан.

Через два дня Нарынгюль обняла Гюльсум и рассказала ей все:

— Милая наша невестка, мы не могли достать всего того, что требовал твой отец Мардан. А Гюльбала, увидев тебя, влюбился так, что голову потерял. Мы оказались в безвыходном положении. Пришлось на несколько дней одолжить у добрых людей эти драгоценности. Теперь надо их вернуть. Ты не обижайся и не грусти, с божьей помощью мы все постепенно приобретем.

Девушка согласилась.

Был хороший обычай у азербайджанских крестьян. Когда женились парень или девушка из бедной семьи, близкие родственники, друзья и знакомые, каждый, в меру своих сил, оказывал помощь семье, где состоялась свадьба.

Если у парня не было крова над головой, все сообща строили ему дом — один возил камни и глину, другой возводил стены, третий сколачивал рамы для окон и дверей. Женщины, собравшись, ткали для невесты ковер, шили одеяла, тюфяк. Это называлось в народе взаимопомощью.

ПРАЗДНИК НОВРУЗ

Каждый год 9 марта (по старому стилю) азербайджанцы отмечали свой любимый праздник Новруз. Это был прежде всего праздник весны, радостная встреча ее. И, наверное, народ больше всего любил этот праздник потому, что бедняки, избавившись от зимних холодов, забывались от забот и хлопот о том, как согреться самим и обогреть жилища и достать пищу.

Новруз праздновался в Азербайджане задолго до насаждения здесь исламской веры. Еще Низами в своей поэме «Искендер-намэ» описывает, как в день праздника Новруз Нушабе велела разжечь костер и угостила Александра Македонского разными сладостями. Но прошли века, и духовенство вместе с эксплуататорами придало этому народному празднику совершенно другой характер, превратили его в одно из средств внушения трудящимся религиозных чувств. Так или иначе праздник этот отмечался широко.

Праздник Новруз еще ярче, отчетливее выявлял глубокие противоречия между имущими и неимущими классами, между угнетателями и угнетаемыми. Богачи превращали праздник в наглую демонстрацию своего богатства и могущества.

В день праздника Новруз взрослые и дети наряжались во все новое, на стол подавались различные сладости, друзья и родные три дня наносили друг другу праздничные визиты. В последнюю среду Новруза клали на тарелки семь видов сушеных фруктов и рядом зажигали маленькие свечи. Вечером стреляли из винтовок, разжигали огромные костры, окуривали детей дымом растения узерлик, которое якобы оберегало их от дурного глаза. Прыгая вокруг дымящегося узерлика, дети пели:

Ты, узерлик, обладаешь волшебной силой,
Исцеляешь от любого недуга.
Всюду горишь, дымишь ты,
Уносишь с собой болезни, горе.

¹ Енге — представительница стороны невесты в свадебную ночь.

В последний же вечер Новруза, в среду, женщины гадали по слуху, то есть задумывали что-либо и затем подходили к дверям, к окнам соседей, определяя свою судьбу по первому слову, услышанному из чьего-либо разговора.

В праздничные дни дети бедняков играли в игру «Коса-Коса». Одного из ребят, самого бойкого, наряжали в овчину, вывернутую наизнанку, на голову ему надевали высокую шапку из бумаги, а в руки давали большой мешок. Это был «Коса», то есть «Безбородый». Все остальные вместе с Коса ходили по домам и пели:

Подойди к Коса.
Поздоровайся с ним.
Наполни мешок его,
Проводи с почтением.
Кто дарит, пусть сын родится у нее,
Кто не дарит, пусть дочь родится у нее.
Пусть ханым (госпожа) встанет с места,
Отдаст долю Коса!

Хозяева, каждый как мог, одаривали Косу — клали ему в мешок сласти. Когда мешок наполнялся, дети делили меж собой эти подарки.

Исполнение всех диких требований религиозного обряда в дни магеррамлика богачи сваливали на шею бедных людей, а всеми благами праздника Новруз пользовались сами.

Крупных и средних торговцев среди тифлиских азербайджанцев можно было буквально сосчитать по пальцам. Большинство населения составляли бедняки, и поэтому, когда приближался праздник Новруз, горе этих семей, казалось, увеличивалось. Родители, которые не имели никакой возможности купить своим детям новое платье, раскрасить яйца, накрыть стол, ходили в глубокой печали.

Рассказывали, что один бедный рабочий за несколько дней до праздника Новруз выезжал из Тифлиса, чтобы не чувствовать себя неловко перед семьей.

Так безрадостно проходил для бедняков праздник Новруз.

Окончание следует

А. И. СУМБАТОВ-ЮЖИН В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ

Имя выдающегося театрального деятеля, актера и драматурга Александра Ивановича Сумбатова-Южина неразрывно связано с историей Государственного Малого театра. На протяжении всей своей сценической деятельности А. И. Сумбатов-Южин выступал защитником реалистических традиций русского театра, которому придавал огромное значение. Он считал, что со временем театр «займет в культурной жизни место рядом с важнейшими просветительными учреждениями».

Современники вспоминают А. И. Сумбатова-Южина как талантливого художника, отдавшего всю свою энергию служению искусству, защите его прав. Общение с Александром Ивановичем служило источником вдохновения и творческого подъема для многих деятелей сценического искусства. Об этом свидетельствуют неопубликованные воспоминания о нем, хранящиеся в фондах Государственного театрального музея Грузии. Воспоминания были собраны в 1958 году и переданы в музей Константином Александровичем Сумбаташвили — родственником А. И. Сумбатова-Южина.

Замечательная русская драматическая актриса Александра Александровна Яблочкина, известная балерина Екатерина Васильевна Гельцер и выдающаяся актриса Государственного Малого театра, дочь известного армянского писателя Габриела Сундукяна — Тинатин Габриеловна Сундукян посвятили Сумбатову-Южину теплые и проникновенные строки. Некоторые их воспоминания мы и предлагаем нашим читателям.

Додо БОДЖГУА.

«Гениальные артисты и артистки есть и будут в нашей стране, но таких, которые бы отдали всю любовь, талант, всю жизнь служению искусству, утверждению его высокого значения, защите прав, достоинства, чести актерства, признанию его обществом, — таких среди нас немного, и Александр Иванович Южин был один из первых. Память о нем будет жить в наших сердцах, пока живет театр»¹.

А. А. ЯБЛОЧКИНА.

«В последний раз я видела дорогого Александра Ивановича Сумбатова-Южина в 1926 году в Кисловодске. Он был уже не совсем здоров, но поднялся мне навстречу, с особой ласковостью взял меня за обе руки и тепло поздравил с огромным успехом моей работы над ролью Эсмеральды. Я была взволнована и тронута его похвалой. А через год с глубокой скорбью я узнала о его кончине на юге Франции.

В 1890 году во Франции Александру Ивановичу была вручена «Академическая Пальма»² и присвоено звание члена Французской Академии. В 1910 году в Париже во время гастролей в «Гранд-опера» я также удостоилась этого по-

¹ ГТМ. Рукописный отдел, ф. 1, д. 9, 15493.

² Французский орден за заслуги в области литературы и искусства.

четного звания, и мне было приятно думать, что этим почетным званием я отмечена вместе с дорогим Александром Ивановичем.

Александр Иванович был чрезвычайно культурным, воспитанным, благородным человеком огромной эрудиции, хорошо знающим и понимающим театр. В его актерском и драматургическом таланте было подлинное, настоящее искусство.

Большой темперамент, умение носить костюмы всех эпох делали его на сцене ярким, значительным, правдивым. Нередко мне удавалось слушать, как он говорил о своих планах и работе над своими драматургическими произведениями (ведь свою литературную деятельность он начал давно, со студенческих лет). Всегда увлеченно, с интересной выдумкой и со свойственной ему горячностью он утверждал, что в его пьесах все роли должны быть выигранными. Сосредоточенно и упорно он создавал пьесу за пьесой, добываясь того, чтобы они были полны всеми звуками театрального аккорда.

Я помню его «Измену», где он играл Отар-бека — сложный, правдивый и глубоко жизненный образ. М. Н. Ермолова в роли царицы Зейнаб оставила также огромное впечатление своей убедительностью, властью и вместе с тем очарованием. В самой пьесе были использованы все театральные эффекты и разнообразия сценической жизни. Пьеса Александра Ивановича «Цени», «Старый закал» и другие также были правдивы во всех своих проявлениях и всегда имели большой успех.

Александр Иванович играл с величайшим трагиком Италии Т. Сальвини во время его гастролей в Москве. Блеск и филигранность игры Сальвини, его неуправляемый темперамент и обаяние захватывали до глубины души. И Александр Иванович, игравший роль Яго, был как никогда убедителен. Несколько раз я видела этот блестящий спектакль и каждый раз помню единодушный взрыв восторга зрителем, как только спускался занавес.

Встречалась я с Александром Ивановичем в другой обстановке — в Монте-Карло, куда почти всегда ездила отдыхать с В. Д. Тихомировым. С каким наслаждением вспоминаются лазурно-голубое море, необычайная растительность, синее небо, красота цветов и милый Александр Иванович, жизнерадостно отдыхавший в этой изумительной, насыщенной солнцем атмосфере, умеющий шутить светло и ласково, всегда приветливый, всегда утверждающий радость жизни.

Е. В. ГЕЛЬЦЕР.

«Южин! Наш Южин!

Наша гордость и слава!

Незабвенный, дорогой, обаятельный Александр Иванович!

Чудесный артист и руководитель нашего славного Малого театра, которому он так беззаветно любил, которому был предан до конца своих дней.

Автор талантливых пьес и целой галереи ярких сценических образов — богатейший материал для артистов. Достойный партнер гениальных Ермоловой, Федотовой, Садовской и Ленского. Как великолепен он был в трагедии со своим чарующим бархатным голосом и огромным темпераментом! Как очарователен в комедии! С какой виртуозностью он вел диалоги с чародейками нашей сцены Лешковской и Яблочкиной!

Тонкий ум, юмор так и светились в его выразительных, искрящихся зеленовато-серых глазах...

Прошло более тридцати лет, как его нет, а в ушах все еще звучат неподражаемые интонации Телятьева из «Бешеных денег» Островского и Болингеброка из «Стакана воды» Скриба.

Разве их забудешь?! Можно ли забыть этого умного, высокоталантливого, культурнейшего человека и артиста — нашего родного, любимого Александра Ивановича Южина?!

Память о нем всегда будет жить в наших сердцах».

Т. Г. СУНДУКЯН.

Светлана КОШУТ

ПО КРИТЕРИЯМ ПРАВДЫ ЖИЗНИ

Литературоведческие книги далеко не всегда обладают той ясностью и прозрачностью стиля, которые так необходимы исследованиям, посвященным художественному творчеству, писательскому труду. Разумеется, форма и содержание подобного рода книг должны находиться в гармоническом и нерасторжимом слиянии, что тоже, увы, встречается не столь часто...

Но тем большее удовлетворение доставляет читателю труд исследователя-литературоведа, сумевшего о весьма непростых вещах сказать просто, доказательно и неординарно, сумевшего покори́ть нас не только глубиной своих суждений и свежестью каждой мысли, неожиданностью и смелостью умозаключений, но и яркой публицистической формой написанного. К книгам подобного рода можно с уверенностью причислить «Меру истины» Юрия Кузьменко (изд. «Советский писатель», Москва, 1971). Автор ее, выполняя поставленную перед собой трудную и благородную задачу — рассмотреть идейно-творческое развитие советской литературы на протяжении ряда десятилетий и проследить эволюцию образа героя нашего времени, — широко охватывает целый круг актуальных методологических проблем литературоведения и касается самых животрепещущих вопросов современной художественной культуры.

История возникновения этой книги такова. Люди, пристально следящие за работами по проблемам советской литературы, не могли не обратить внимания на статью Ю. Кузьменко «К истокам проблем, конфликтов, характеров», увидевшую свет в журнале «Вопросы литературы» еще в 1965 году. Она была посвящена так называемому «производственному роману» послевоенного времени. Автор этой глубоко аргументированной и прекрасно изложенной работы доказывал, что определенные просчеты многих произведений, опубликованных у нас с конца 40-х до середины 50-х годов, были порождены искаженным пониманием новых проблем, намеченных жизнью, желанием остаться вер-

ными букве, а не духу произведений предшествующих лет, их производственному фону. Главный методологический изъян «производственного романа» этих лет, по мысли Ю. Кузьменко, вытекал из ошибочной трактовки писателями характеров и побудительных стимулов поведения героев этих книг.

Однако автор понимал, что было бы явно недостаточно ограничиться констатацией подобного бесспорного факта, лишь зафиксировав отход отдельных произведений художественной прозы минувших лет от рубежей, уже достигнутых к тому времени отечественной литературой, и заявив о несомненной утрате этими писателями критериев глубины и точности социального анализа. Необходимо было ответить на ряд вопросов, естественно возникающих в связи с влиянием на литературу «теории бесконфликтности», в связи с распространенной тогда концепцией, свидетельствующей, что отрицательные свойства пресловутых консерваторов являются якобы либо результатом ущербности их сознания, либо изначальным элементом их существа.

Чтобы развеять туман всех подобных нелепостей, «понадобилось обратиться к категориям общественного сознания, — пишет Ю. Кузьменко, — вернуться от романов подобного типа к вершинным явлениям социалистической художественной культуры 20—40-х годов, больше того — к тому историческому рубежу, когда в творчестве А. М. Горького впервые заявил о себе новый человек — герой литературы социалистического реализма». А потом, подойдя таким образом к этой исходной точке своего исследования, автор постепенно пошел вперед, от послевоенного этапа советской художественной литературы к развитию нашей прозы пятидесятых-шестидесятых годов, пристально вглядываясь в особенности творческого отражения взаимосвязи обстоятельств жизни и человеческого характера. Он предпринял действительную попытку дифференциации и осмысления полярных мнений, высказывавшихся в полемике о проблеме литературного героя, обозначил точки ка-

сания литературы с социально-экономическими сдвигами нашего времени.

В итоге всех этих теоретических исследований на материале конкретных художественных произведений родилась книга, в которой осуществляется тонкий анализ многообразных процессов, происходящих в постоянно развивающемся организме советской литературы. И делает это Ю. Кузьменко с позиции неустанных поисков обозначения меры истины при отображении жизни социалистического общества в художественном творчестве.

Надо сказать, книга эта появилась удивительно своевременно, как критико-литературоведческий труд, который может быть добрым примером для сегодняшнего исследователя. В принятом в начале прошлого года постановлении ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» выдвинуто требование, чтобы наши критики, соотнося литературу с жизнью, используя современные достижения марксистско-ленинской философии, социологии, этики и эстетики, тщательно исследовали сложный процесс художественного освоения литературой новых сторон бурно развивающейся социалистической действительности. При этом им необходимо учитывать, что динамическое развитие производительных сил социализма, достижения научно-технической революции оказывают на человека мощное и всестороннее влияние. Видоизменяются личность, характер, сами потребности советских людей. Кристаллизуется их идейный, духовный и нравственный облик. Претерпели коренное изменение условия труда, выросли культура, образование, политическая зрелость советского человека. Все это, естественно, обусловило многообразие изменений в его социальной психологии, превращая задачи серьезнейшего изучения как самой «диалектики души» наших людей, так и ее художественного отражения в дело для литературоведа поистине первостепенное.

Несомненная польза, приносимая литературе талантливым и актуальным исследованием Юрия Кузьменко, видится как раз в том, что он явственно почувствовал веление времени и проявил большую целеустремленность, выявляя детерминированность, обусловленность образа мысли и поведения литературного героя именно конкретными историческими условиями, подчеркивая всячески диалектику его характера и формирующих его обстоятельств. Эволюция литературного героя, всей своей книгой утверждает автор «Меры истины», в конечном счете связана с изменением, во взаимодействии человека и среды, личности и сложившейся вокруг нее обстановки.

Под углом зрения Юрия Кузьменко оказывается широкий спектр произведений — от «Мещан» А. М. Горького до современных нам явлений советской художественной прозы и плодотворных экскурсов в творчество Джойса, Кафки и других западных писателей. Рассматривая все эти произведения, литературовед обнаруживает не только широкую эрудированность и остроту взгляда, но и безупречный вкус.

Привлекает сама структура книги, ее деление на главы, каждая из которых является органически необходимым звеном целого и, вместе с тем, полна глубокого самостоятельного значения. Уже первая глава, названная «К началу начал», сразу же привлекает к себе внимание и вызывает несомненный интерес. Она содержит размышления автора о некоторых проблемах становления социалистического реализма, тонкие и интересные сопоставления горьковских «Мещан» с некоторыми произведениями А. Чехова, Л. Толстого, Л. Андреева, ретроспекции в историю отечественной литературы XIX века, в историю развития образа положительного героя. Интересны в этой главе и попутные наблюдения автора над свойствами и самой сутью марксистского искусствознания, рассматривающего художественное творчество как часть широкой и сложной системы социально-исторических процессов и связей в противоположность существовавшим (и существующим ныне) в эстетике школам, для которых искусство — совершенно замкнутая в себе, некая автономная величина.

Привлекая массу живых примеров, сравнивая линии развития и изменения типа литературного героя в середине XIX и на рубеже XX века, Ю. Кузьменко делает вывод, что в том и другом случае это происходило под влиянием сложного взаимодействия общественных и художественно-эстетических факторов, в связи с атмосферой значительных общественных подъемов, с проявлением более обширных, чем прежде, социально-исторических сфер действия.

Очень обоснован предпринятый автором во второй главе экскурс в гегелевскую эстетическую теорию, многими своими сторонами вошедшую в марксистско-ленинское искусствознание.

Обращение к Гегелю, по мысли Ю. Кузьменко, помогает понять некоторые особенности развития русской литературы XIX века, ее «выламывание» из рамок собственно критического реализма в связи с более «идеальным» характером ее «духовной действительности». «Эстетика Гегеля, — делает вывод автор, — при всей ее неизбежной ограниченности, обобщает опыт восходящих течений мировой художественной

культуры, которые оказываются в наше время неотъемлемой составной частью культуры социализма».

Говоря о трех гигантских вершинах, образующих в совокупности историю первых трех десятилетий советского общества, — Великой Октябрьской социалистической революции, могучем порыве социалистического строительства в предвоенные годы и о Великой Отечественной войне против фашистского нашествия, — исследователь считает, что все они вместе и каждая в отдельности обладают всеми признаками «героического состояния мира», о котором говорил Гегель.

С этим моментом у Ю. Кузьменко связано оригинальное и интересное толкование способов утверждения эстетического идеала в образе положительного героя советской литературной классики, отражения «буyno взвихренной действительности» (по выражению Горького) в формировании характеров. Автор «Меры истины» соотносит «героя с идеалом» новой исторической эпохи, с героем, который выступает в эстетике Гегеля в качестве идеального героя.

На примерах Д. Фурманова, Ф. Гладкова, Н. Островского, А. Фадеева и других, литературовед подчеркивает величайшую эстетическую природу героического характера, целеустремленность эпического героя, его поглощенность одним делом, одной решающей задачей, его непреклонную твердость и здоровый оптимизм.

Ю. Кузьменко не только исследует явления, важные для понимания сущности социалистической художественной литературы, но показывает и то, как эти явления осознавались писателями и критиками. Первую половину 30-х годов исследователь называет узловым моментом в формировании истории советской эстетической мысли; в ту пору складывалось и оформлялось понимание того, что представляет собой новая художественная культура, ее идейно-эстетические принципы и отличительные особенности.

В третьей главе книги, названной «Жизнь и роман» (куда, кстати говоря, вошла статья о послевоенном «производственном романе», ставшая «родоначальницей» всего исследования), автор ведет весьма убедительный разговор о первопричинах художественной несостоятельности ряда литературных произведений 40—50-х годов. Их авторы соотносили человека с миром домен, угольных комбайнов или металлорежущих станков, конструируя такие конфликты, которые примитивно сталкивали героя с техникой, подчас надуманно и художественно неубедительно расслаивая персонажи на «положительных» и «отрицательных». В этом плане Ю. Кузь-

менко с несомненной доказательностью ведет разбор проблематики романов Ольги Зив «Горячий час», В. Очеретина «Первое дерзание», А. Былинова «Металлисты» и Е. Воробьева «Высота». Осуществляемое в этих книгах лобовое деление героев на «новаторов» и «консерваторов» лишило их главного — художественной достоверности, стыка с жизнью, подорвало веру читателя в правду изображенного.

Нет никакого сомнения, что разнообразные суждения и выводы Юрия Кузьменко в этом круге идей имеют отнюдь не узкий ретроспективный интерес и обращены не только в прошлое, но — главным образом! — в перспективу развития советской литературы, служа своеобразным предостерегающим знаком и для писателя наших дней, творчески вскрывающего актуальные темы современности.

Интересно и напряженно развивается мысль исследователя в главе «Испытание характера», где речь идет о новом сдвиге в общественном сознании советских людей с начала 50-х до начала 60-х годов, сдвиг, знаменующий новый уровень понимания экономической и социальной обусловленности явлений жизни в нашем обществе, новую ступень духовной зрелости нашего народа. Автор рассматривает советскую художественную прозу этих лет с точки зрения постепенного переосмысления природы конфликтов и характеров.

Четко, логично и доказательно показывает он на примере романов Д. Гранина «Искатели», Г. Николаевой «Битва в пути», В. Дудинцева «Не хлебом единым», некоторых «деревенских очерков» В. Овечкина и других произведений, как происходил этот сложный процесс обновления социальных мотивировок, устаревших теоретических формул, как происходившие изменения сказались на образе литературного героя.

Ю. Кузьменко глубоко, добросовестно и непредвзято, с позиции передовой марксистско-ленинской эстетики старается разобраться в сути дискуссий о характерных чертах современной литературы, о положительном герое, неоднократно вспыхивавших в советской литературной печати на протяжении последних двух десятилетий. Он убедительно объясняет свое несогласие с рядом критиков — А. Дремовым, Л. Крячко, В. Литвиновым и другими, когда те пытаются свести все противоречия литературы только к причинам субъективного порядка, а проблему литературного героя ограничить «только проблемами позиции писателя и художественного мастерства».

Анализируя повесть А. Рекемчука «Время летних отпусков», роман В. Тендрякова «Кончина» и некоторые

другие произведения. Ю. Кузьменко считает, что, несмотря на столь очевидные их художественные недостатки, авторы вместе со своими героями вступают в бой против устаревшей традиции и привычек, воюют за то, чтобы включить в сознательную работу все неисчерпаемые резервы человеческих душ, отражают общественный перелом, перестройку каких-то сложившихся представлений, реальные социально-экономические реформы в системе хозяйственного управления, наконец.

Много внимания в «Мере истины» уделено актуальнейшему вопросу нашей литературной теории — проблеме социалистического реализма, размышлению над удачами и слабостями в посвященных ей критико-литературоведческих исследованиях. Не говоря уже о том, что, начиная с первой главы, вся книга является в какой-то степени исследованием «истории вопроса, дающим ключ верного понимания всей сложности и неоднозначности проблемы социалистического реализма», автор специально останавливается на отдельных этапах разработки этой проблемы в нашей науке о литературе.

Приводя суждения многих видных советских исследователей — Г. Поспелова, А. Метченко, А. Овчаренко и других, отмечая некоторые их противоречия и расхождения, Ю. Кузьменко подчеркивает общее для всех этих авторов стремление — сделать еще более ясной теорию социалистического реализма, углубить методологию научных исследований.

На страницах «Меры истины» ведется большой, принципиальный и заинтересованный разговор о социальной и эстетической природе той новы, которую прокламировала советская литература, о том, какие особенности литературного развития проявились в произведениях ряда советских писателей, во всей нашей литературе последних десятилетий. И главное — автор живо и увлеченно выявляет сегодняшние тенденции литературного развития, опираясь на серьезное и глубокое изучение прошлого.

«Проходит время, — говорит Ю. Кузьменко, — когда простое начинает казаться уже весьма сложным, случайное — необходимым, когда самые ошибки предстают в ином свете, оказываются органической составной частью общего литературного процесса».

Яркое по форме, слову и мысли исследование Юрием Кузьменко процесса изменения литературного героя под влиянием жизни, властно воздействующей на его характер, содержит тонкие и верные обобщения, в основе которых — вдумчивое прочтение текстов и несомненная глубокая теоретическая эрудиция литературоведа, его умение талантливо и оригинально мыслить. Выявляя подпочву глубинных процессов советской художественной литературы, автор «Меры истины» делает концептуальные выводы, помогающие не только правильно размышлять над страницами вчерашних книг, но и действительно извлекать опыт во имя книг завтрашних.

Сдано в производство 13 июля 1973 г. Подписано к печати 14 августа 1973 г.
6 печ. листов, усл. листов 8,4. Формат бумаги 80 × 103¹/₁₆.

Цена 40 коп.

И Н Д Е К С
76117